

Николай Шнакенбург

ЭСКИМОСЫ СССР

*Составление, предисловие и комментарии
Н. Б. Вахтина*

Санкт-Петербург
2025

УДК 39(=562)

ББК 36.5

Ш76

*Книга издана общественной организацией эскимосов
Чукотского автономного округа «Инуитский приполярный совет Чукотка»
на средства Правительства Чукотского автономного округа*

Ш76 Николай Шнакенбург. Эскимосы СССР / сост., предисл. и ком-
мент. Н. Б. Вахтина. СПб.: Алмаз-Граф, 2025. 272 с.; ил.

ISBN 978-5-6054033-2-6

Николай Борисович Шнакенбург (1907–1941) — студент этнографического отделения географического факультета ЛГУ, ученик В. Г. Богораза, в 1929–1933 годах работавший на Чукотке учителем и уполномоченным Комитета Севера. По возвращении в Ленинград работал в Арктическом институте, затем в Музее антропологии и этнографии, поступил там же в аспирантуру; в июле 1941 года ушел добровольцем на фронт, погиб в первый год войны. Весной 1941 года закончил книгу «Эскимосы СССР», которая была принята к публикации издательством Главсевморпути, но из-за начавшейся войны издание не состоялось. Рукопись хранилась в семье автора почти 90 лет и теперь наконец печатается. Также публикуются письма Шнакенбурга с Чукотки разным лицам и некоторые другие материалы.

УДК 39(=562)

ББК 36.5

Содержание

Н. Б. Вахтин. Судьба человека и судьба книги	5
---	---

Н. Б. ШНАКЕНБУРГ. ЭСКИМОСЫ СССР

ВВЕДЕНИЕ. [История изучения эскимосов]	37
ГЛАВА I. [Общие сведения об эскимосах. Язык. Численность. Расселение. Территория]	41
ГЛАВА II. [Археологические культуры и коллекции. Обмен с соседями. Отношения с американскими торговцами и с русским правительством в начале XX в.]	50
ГЛАВА III. [Охота на морского зверя как основа хозяйства. Изменение приемов охоты с приходом американцев. Виды охоты. Охотничьи объединения. Охотничий инвентарь. Жилище. Одежда. Пища]	65
ГЛАВА IV. [Общественные отношения. Брак и семья. Семейно-родовые общины. Татуировки]	92
ГЛАВА V. [Анимистические представления. Шаманство. Обряды и праздники. Представления о загробном мире. Запреты. Борьба с религией при Советской власти]	101
ГЛАВА VI. [Народное искусство. Фольклор. Игры. Песни и бубен]	112
ГЛАВА VII. [Установление Советской власти на Чукотке. Заселение о-ва Врангеля. Политика Советской власти на Чукотке. Кооперация. Местные советы. Спасение «Челюскина». Колхозы на Чукотке. Промышленное производство. Школьное образование. Культурное строительство. Медицинская помощь. Перемены в быту]	120

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письма Н. Б. Шнакенбурга	155
Письма родным	155
Письма и телеграммы В. Г. Богоразу	201
Письма М. А. Сергееву	205
Статьи Н. Б. Шнакенбурга	216
Пути сообщения Чукотского полуострова	216
Нымыланы-кэрэки	230
Библиография трудов Н. Б. Шнакенбурга	257
Материалы Н. Б. Шнакенбурга в архивах	259
Перечень архивных дел	259
Автобиография Н. Б. Шнакенбурга	261
Отзыв проф. А. И. Андреева на рукопись Н. Б. Шнакенбурга «Эскимосы»	264
Отзыв И. С. Вдовина на рукопись Н. Б. Шнакенбурга «Эскимосы СССР»	266

Н. Б. Вахтин

Судьба человека и судьба книги¹

С легкой руки Василия Гроссмана в русском языке закрепилось значимое различие двух близких слов: *жизнь* и *судьба*. Прежде писали «решается судьба твоей жизни» (Лермонтов), «судьба его жизни решена» (Герцен), «жизнь или судьба подсовывает вопросы» (Крестовский), «судьба жизни решается» (Толстой); думали, что судьба и жизнь тесно связаны, что если жизнь тяжелая, то и судьба трагичная. Однако в XX столетии оказалось, что линия жизни и линия судьбы могут разойтись, что жизнь может быть тяжелая, а судьба при этом счастливая, и наоборот. Или иначе: над тем, какой будет твоя *жизнь*, ты более или менее властен, а над *судьбой* — ни в коем случае.

Жизнь Николая Шнакенбурга была короткой, судьба — трагической. У публикуемой рукописи жизнь была долгая, а судьбы не было вообще, поскольку рукопись так и не стала книгой, когда должна была стать. А между тем «Эскимосы СССР» — первое известное нам систематическое описание азиатских эскимосов, сделанное человеком, прожившим на Чукотке в общей сложности почти пять лет и получившим специальное этнографическое образование.

---

¹ Сокращенный вариант этого предисловия опубликован в виде статьи: (Вахтин 2024).

С момента создания книги прошло почти 90 лет; за это время об эскимосах было написано и издано много², и публикуемая книга (кроме последней главы) представляет сегодня в основном исторический интерес. Тем не менее напечатать ее необходимо — не только потому, что это наш долг перед безвременно умершим коллегой, но и потому, что и сама книга «Эскимосы СССР», и сопутствующие материалы (подробная биография автора и его краткая автобиография, рецензии на книгу и письма автора) позволяют лучше понять атмосферу тех «страшных лет России», когда неумеренные славословия в адрес властей, с одной стороны, и разного рода умолчания — с другой, были неизбежны, а их отсутствие смертельно опасно.

Настоящее издание открывается биографией Николая Борисовича Шнакенбурга. Об этом человеке и раньше было кое-что известно: сведения о его жизни можно найти на сайте Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера)³ и на других сайтах⁴; пожалуй, самой подробной и точной до последнего времени была статья А. М. Решетова «Отдание долга» (Решетов 1995).

В 2023 году в интернете появилась публикация, подготовленная внучкой Н. Б. Шнакенбурга Ольгой Степановой совместно с Жанной Паршевой⁵, в которой были даны подробные сведения о его родословной и приведены (с сокращениями) некоторые его письма к родным с Чукотки. Именно через эту публикацию мне удалось познакомиться с семьей Н. Б. Шнакенбурга, прежде всего с его дочерью Людмилой Николаевной, которая, несмотря на трудности и опасности, сумела — сквозь все эти десятилетия — сохранить не только рукопись книги, но и семейный архив. Документы этого бесценного архива, включая два десятка фотографий, использованных в настоящей книге, позволяют существенно уточнить и расширить сведения о жизни и работе Н. Б. Шнакенбурга⁶.

² Назову только главные книги: (Меновщиков 1959; Арутюнов, Сергеев 1969; Krupnik, Chlenov 2013).

³ См.: Отечественные этнографы и антропологи. XX век: http://ethnographica.kunstkamera.ru/w/index.php?title=Шнакенбург_Николай_Борисович. См. также: (Жуковская, Корсун 2010: 249).

⁴ См., например: <http://www.polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=8&p=64597>.

⁵ См.: <https://dzen.ru/a/Y8mIOUIEN0exa3fE>.

⁶ Все материалы Шнакенбурга из семейного архива переданы в Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук.

Хочу выразить искреннюю признательность за помощь в работе над книгой прежде всего дочери Н. Б. Шнакенбурга Людмиле Николаевна Степановой, его внучке Ольге Владимировне (к сожалению, не дожившей до издания этой книги) и всей их замечательной семье, щедро поделившейся со мной семейным архивом. Я благодарен Жанне Александровне Паршевой, без доброжелательного внимания которой эта публикация не могла бы состояться. Спасибо моим коллегам Елене Владимировне Лярской, Ольге Сергеевне Витковской и Наталье Александровне Косяк за помощь в работе над книгой.

Ссылки на литературу в предисловии даются по стандартной «оксфордской» системе, ссылки на архивные источники — в подстрочных примечаниях. Ссылка на архив семьи Шнакенбурга (АСШ) при публикации документов дана только в тех случаях, когда возможны разночтения; основная масса этих документов ссылками не сопровождается. Документы из других архивов помечены соответственно.

* * *

Согласно выписке из метрической книги Вознесенской церкви города Переславля Владимирской губернии⁷, Николай Борисович Шнакенбург родился 22 января 1907 года. Родители — «запасной корнет Иркутского драгунского полка Борис Робертович Шнакенбург и жена его Надежда Павловна».

Отец, Борис Робертович Шнакенбург (1881–1935), родился там же, в Переславле-Залесском, в марте 1881 года. Военный, во время Первой мировой войны — сотник 2-го Кубанского казачьего войска⁸. Его родители — Роберт Христиан Людвиг фон Шнакенбург (1844–1901), статский советник (1897), инженер путей сообщения, начальник Нижегородско-Казанского округа Министерства путей сообщения (1893–1895), и Мария Александровна Киселева (1861–1911), из дворян Владимирской губернии.

---

⁷ Город Переславль-Залесский расположен в 140 км к северу от Москвы, примерно на полпути в Ярославль, на берегу Плещеева озера.

⁸ Филиал Государственного архива Ярославской области в г. Ростове. Ф. Р-1217. Оп. 2. Д. 68. Послужной список бывшего помкомандира 102 этапного батальона Шнакенбурга Бориса Робертовича.

Мать, Надежда Павловна Засс (1884–?), дочь известного в Переславле Павла Александровича Засса, владельца нескольких фабрик, в том числе фабрики механической вышивки, одной из первых в России, и Надежды Сергеевны Засс (в девичестве Павловой), дочери купца 1-й гильдии, потомственного почетного гражданина города Переславля-Залесского Сергея Петровича Павлова⁹.

Семья Шнакенбургов была, как можно заключить, далеко не бедная, и, судя по сохранившимся детским фотографиям, детство Николая в Переславле было вполне благополучным. Возможно, у него был домашний учитель, возможно, он учился в Переславской гимназии¹⁰, а может быть, и не успел поучиться: 10 лет ему сравнялось аккурат в январе 1917 года.

Мало что известно о том, как семья отнеслась к революции и как революция повлияла на жизнь семьи. Исходя из некоторых документов и из общих соображений, можно предположить, что Николай Шнакенбург, как и многие его сверстники, отнесся к революции иначе, чем его дворянско-купеческие родители. Во всяком случае, мы знаем, что уже в 1924 году (ему 17 лет) он уехал из Переславля в Тулу, жил там один и устроился учеником сапожника¹¹. Глухой намек на его юношеские эскапады, на ссору с семьей находим в его письме матери с Чукотки 1931 года:

Пусть мать простит беспутного сына за былые года мальчишеской удали, за буйное время озорства, сын об этом очень думает много и ничего не забыл. Беспутный сын обещает зато жить в большой дружбе с братьями, пусть мать еще раз напомнит им об этом.

⁹ См. подробно об истории семьи в интернет-публикации Жанны Александровны Паршевой: <https://dzen.ru/a/Y8mIOUIEN0exa3fE>; <https://dzen.ru/a/Y-v17lea5D5Ga9Qw> и след. См. также: https://web.archive.org/web/20160408144629/http://paetz.ru/?page_id=468.

¹⁰ О здании Переславской мужской гимназии (построена в 1914 г.) см.: <https://architectstyle.livejournal.com/561317.html>.

¹¹ Точнее, нескольких сапожников: в августе 1924 года он — «сапожный ученик сапожного мастера Успенского», с января 1925 — «сапожный ученик кооперативной артели «Арткож» в г. Туле», с мая по сентябрь 1925 — «сапожный ученик сапожного мастера Жаркова» и, наконец, с сентября — «подмастерье в коллективе безработных сапожников при Тульской бирже труда» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 179. Л. 4).

И еще одно письмо — брату, с Чукотки, от 25 августа 1931 года:

В свое время я из-за окружения тетюшек и дядюшек не мог попасть в комсомол и об этом очень жалею. Читаю и сейчас много политических книг. Не слушай рассуждений многих окружающих тебя из переславских, и следуй дорогой рабочего класса. Когда я скитался почти без куска хлеба в оборванной шинели, в драных штанах, я помню какой прием мне оказывали люди с достатком, как они меня встречали по платью. Это я никогда не забуду.

Однако возможен и другой мотив: в новых условиях Шнакенбургу, как и всем лицам «непролетарского» происхождения, необходим был рабочий стаж, без которого в те годы нельзя было получить высшее образование, и в Тулу он уехал именно в поисках «правильной биографии».

Не исключено и даже весьма вероятно, что им двигали оба эти мотива одновременно.

Рабочим Николай Шнакенбург пробыл требуемые «для стажа» два года. Сохранилась справка, выданная 3 октября 1925 года коллективом безработных сапожников при Биржевом комитете «рабочему Николаю Шнакенбургу в том, что он действительно работает в означенной мастерской и получает в месяц (его заработок) 10 руб. (десять рублей), в чем подлинно с приложением печати подтверждаем».

Однако сапожником он работал недолго: удостоверение от 8 июня 1926 года выдано Николаю Шнакенбургу «в том, что он состоит на службе в Тульской Губернской Ветеринарно-Бактериологической лаборатории сначала в течение 4-х месяцев практикантом, а затем с 1-го февраля 1926 года по сие время в должности препаратора и отличается чрезвычайной аккуратностью и исполнительностью в исполнении своих обязанностей».

Параллельно он, видимо, учился: 18 июня 1926 года ему было выписано свидетельство об окончании в том же году полного курса «Тульской 8-й школы взрослых повышенного типа». Там он изучал «следующие дисциплины: родной язык и литература; математика; обществоведение; физика; естествознание; химия; география; космография; графическая грамота». По всем этим предметам «гр. Шнакенбург выявил успешные познания».

Председатель группкома Тулгубветбаклаборатории пишет ему 8 июня 1926 года рекомендацию для поступления в вуз: «...т. Шнакен-

бург чрезвычайно трудолюбив, способен и является достойным кандидатом на высшее образование». Николай запасается всеми нужными справками: удостоверением от 4 сентября 1926 года о том, что он «состоял на службе в Тулгубветбаклаборатории препаратором с 1/II по 27/VIII 1926 г. и уволился по собственному желанию для поступления в ВУЗ», и от того же числа справкой, что «он состоит на службе в Тулгубветбаклаборатории в должности препаратора с окладом содержания по 11 разряду — 34 р. 50 к.» и «с 27 августа по 27 сентября находится в месячном отпуске, но без сохранения содержания».

Указанные справки сделали свое дело: в сентябре 1926 года Шнакенбург поступил на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского университета.

Несколько слов об этом необычном учебном заведении. В 1914 году в Петербурге были учреждены частные вечерние Географические курсы, которые из-за начавшейся войны начали работать только в 1916 году; в следующем году при курсах было открыто отделение этнографии, на котором сотрудник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера), известный этнограф Лев Яковлевич Штернберг прочитал первый систематический курс этнографии. В 1918 году курсы были преобразованы в Географический институт (с двумя отделениями, географическим и этнографическим), который теперь подчинялся Наркомпросу. В 1921 году в институте начал работать В. Г. Богораз, сумевший благодаря своим старым связям довольно быстро поставить этнографическое отделение на ноги в финансовом отношении, найти средства для полевой практики, а затем и для полевых исследований студентов. В 1924 году в Москве при ЦИК СССР был создан Комитет Севера, заметную роль в создании и работе которого сыграл все тот же В. Г. Богораз. В 1925 году Географический институт был присоединен к Ленинградскому университету в качестве географического факультета. В июле того же года в Ленинградском университете по инициативе Комитета Севера организовали северное отделение, на котором начали обучаться молодые представители северных народов, а в 1926 году при университете был создан Северный рабфак.

Почти одновременно в Ленинградском институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ) возникло северное отделение (Североазиатский семинарий), снова под руководством В. Г. Богораза. В феврале 1927 года это отделение было объединено с рабфаком и преобразовано в Север-

ный факультет ЛИЖВЯ с двумя отделениями — северным и восточным. В декабре 1929 года северное отделение Северного факультета ЛИЖВЯ¹² стало самостоятельным высшим учебным заведением — Институтом народов Севера. В том же году был создан Институт по изучению народов СССР и сопредельных стран (ИПИИ СССР) — и снова при непосредственном участии Богораза. В 1930 году из ЛГУ выделился Ленинградский государственный историко-лингвистический институт, который в 1933 году был переименован в Ленинградский историко-филологическо-лингвистический институт (ЛИФЛИ), с четырьмя факультетами: лингвистическим, литературным, историческим и философским. Через три года ЛИФЛИ был вновь возвращен в ЛГУ: философский и исторический факультеты ЛИФЛИ объединены с воссозданным историческим факультетом ЛГУ, а лингвистический и литературный образовали филологический факультет ЛГУ. И почти одновременно, в 1930 году, возникла Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера (НИА ИНС)¹³.

У этнографического отделения геофака ЛГУ в 1926 году были две важные особенности. Во-первых, программа обучения предусматривала преподавание как естественных, так и социальных наук (см.: Гаген-Торн 1971: 139) и готовила не просто исследователей, но и активных практических работников: учителей, администраторов. Студенты, уезжавшие на Север, работали в советских органах власти, в областных и районных исполнительных комитетах, в отделах народного образования, разного рода уполномоченными и т. д., и параллельно занимались сбором и обработкой этнографических и лингвистических материалов по коренному населению тех районов, где они оказывались. Но еще более важно, что по настоянию Богораза после третьего (иногда второго) курса студенты отправлялись на работу на Север минимум на год, после чего возвращались и доучивались. Это было очень просто, поскольку шло вразрез с нормами вузов (прежде всего непонятно

¹² Переименованного к этому времени в Ленинградский восточный институт.

¹³ См. об этом подробно: (Лукашевич 1919; Гаген-Торн 1971; Кононов, Иориш 1977; Вдовин 1991; Михайлова 2004; Кан [2009] 2023; Алымов, Арзютов 2014; Лярская 2016; Вахтин 2016; Вахтин 2023). История Института народов Севера подробно описана в неопубликованной статье Я. Алькора (Кошкина) 1936 года, см.: (РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. № 168. Л. 5–24).

было, что делать с отсрочкой от обязательной военной службы, которая предоставлялась студентам, но не «практикантам»). Однако в конце концов проблему решили, и многие выпускники этноотделения, проучившись два или три года, уезжали на длительный срок работать в отдаленных северных районах:

Новый учебный план предусматривает <...> производственную практику полевую среди соответственных народностей на будущем месте работы <...> для циклов, относящихся к дальним областям и народностям — длительную практику на один год и пять месяцев также после третьего курса. После этого студенты, завязав прочные связи на местах, возвращаются обратно в вуз для окончания образования. Этой полевой производственной практике этно-отделение всегда уделяло особое внимание¹⁴.

Именно такая «траектория» ждала Шнакенбурга в следующие несколько лет. Он отучился три курса (в ходе обучения, как и многие студенты во все времена, он подрабатывал — сохранилась справка, из которой явствует, что в апреле 1928 года Шнакенбург был секретарем Ленинградского отделения Российского общества туристов). Перед окончанием третьего курса, в конце мая 1929 года, он получил на руки удостоверение, в котором говорилось:

29 мая 1929 № 19

Удостоверение

Выдано студенту Этнографического отделения Л.Г.У. Шнакенбург¹⁵ Николаю Борисовичу в том, что он командирован Э.Э.К.¹⁶ на производственную практику в Хабаровский Комитет Севера для советской работы.

Э.Э.К. просит все правительственные и частные учреждения оказывать студенту Шнакенбург Н. Б. возможное содействие в выполнении возложенной на него задачи.

Командировка действительна по 1/VI-31 г.

Председатель Э.Э.К.

Профессор В.Г. Богораз-Тан [подпись]

Секретарь Покровская [подпись]

¹⁴ В. Г. Богораз. Объяснительная записка к учебному плану Этнографического отделения Географического факультета ЛГУ. 25 октября 1929 г. (СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. № 174. Л. 14–16 об.).

¹⁵ В документах фамилия Шнакенбург во многих случаях не склоняется.

¹⁶ Этнографическая экспедиционная комиссия.

Тем же 29 мая 1929 года датирован и другой важный документ — путевка, выписанная на печатном бланке Ленинградского университета (вписанное от руки помечено курсивом):

Путевка № 373

29/V 1929 г.

Студент III курса *Шнакенбург Николай Борисович* Географ факультета *этногр* отд. согласно наряда НКТ № ... от ... 192 ... командировается адрес *Хабаровск Дальневосточный Комитет Севера Ленинград Владивосток* учитель *Уэлен* для прохождения платной производственной практики по *этнографии* специальность № ... на срок 22 мес. месяц — 6 месяцев по 1 января 1929 г.¹⁷

[подписи ректора и секретаря]

На обороте:

Сведения о практиканте

1. Избранная специальность *этнография*

2. Практический стаж до поступления в вуз 2 года

3. Практический стаж во время пребывания в вузе [прочерк]

4. Перечень спец. предметов, по которым имеются зачеты *чукотский язык II и III кк, Введение в этнографию палеоазиатов, История культуры палеоазиатских народов, Советское строительство на Севере*

5. Виды работ, в изучении которых студент особенно нуждается [прочерк]

Место для отметок вуз/техникум

Перечень специальных предметов заверяю. [подпись] 29/V-29 г.

Эта двойственность, заложенная в фундамент этнографического образования «школы Богораза», определяла первые годы жизни подавляющего большинства выпускников этноотделения: все они, как Шнакенбург, командировались Комитетом Севера «на производственную практику для советской работы» и одновременно университетом — «для прохождения производственной практики по этнографии». Молодые этнографы оказывались, таким образом, и собирателями этнографических и лингвистических сведений о северных «туземцах», и «миссионерами новой жизни», как называл их Богораз, ответственными за

¹⁷ Именно так: «на срок 22 мес. месяц», потом тире и «6 месяцев», ниже «по 1 января 1929 г.» Видимо, это отражает какую-то бюрократическую борьбу за сроки «практики».

строительство нового общества у тех же туземцев. Первая задача требовала внимательного, бережного отношения к традиционным формам жизни, хозяйствования, верований, вторая — беспощадной борьбы с ними во имя «социалистического будущего» (см. об этом подробно: Вахтин, Лярская 2024). Каждый из молодых этнографов решал эту дилемму по-своему: для кого-то работа учителем была лишь средством попасть «к туземцам» и заняться изучением их культуры, для кого-то, наоборот, этнография была оправданием их практической работы. Кажется, что Николай Шнакенбург относился скорее ко второй группе.

Дорога на Север в те времена пролежала по Транссибирской магистрали, поездом, через Хабаровск, где находились все краевые организации, и Владивосток, откуда летом ходили пароходы в Петропавловск и Анадырь. 12 августа 1929 года Николай Шнакенбург подписал с Дальневосточным краевым отделом народного образования (Далькрайоно) трудовой договор, в котором значилось:

Гр. Шнакенбург приглашается на должность организатора и заведывающего Рыркайпийской (на мысе Северном) туземной интернатной школы с возложением на него обязанностей изучения языка чукоч и произвести обследование района от Рыркайпии до Чаунской губы в экономическом, этнографическом и географическом отношении.

Срок действия договора устанавливался на три года, до августа 1932, с возможным досрочным прекращением работы, но не ранее чем через два года. Детально оговаривались зарплата, оплата проезда, суточные и квартирные, а также последствия нарушения договора.

Однако север есть север, погода непредсказуема, и не всегда можно рассчитывать, что все пойдет как задумано. 15 сентября 1929 года Шнакенбург пишет Богоразу из Владивостока, что назначен организатором школ мыса Северный (Рыркайпий) и уезжает 20 сентября в Анадырь на пароходе «Юкагир», а уже 3 октября выходит приказ по Камчатскому ОКРОНО, в котором сказано:

Назначенного ДКОНО¹⁸ учителем Рыркайпийской школы I ступени Шнакенбург, ввиду невозможности по условиям сообщения попасть на место службы, прикомандировать на 1929/30 учебный год к Теличинской (Корфовской) школе I ступени.

---

¹⁸ Дальневосточный краевой отдел народного образования.

6 октября 1929 г. Шнакенбург пишет уже из Петропавловска-Камчатского, что прошел все преграды бюрократии и канцелярщины и в итоге его назначили учителем в школу на Камчатке, в Тиличихах; 4 ноября — что «после полуторамесячных скитаний по морям высадились в бухте Караге». В Тиличихах Шнакенбург проработал около полугода, и 22 июля 1930 года сообщает с борта парохода «Колыма», что «твердо и неуклонно» подвигается к мысу Северному. 25 июля он наконец добрался до места службы.

В письмах родным Николай Шнакенбург довольно подробно описывает свою жизнь на мысе Северном, где он провел почти два года. Более всего его поражают холод, снег, льды... и огромные безлюдные пространства. Из письма от 2 августа 1930 года:

...рано утром шел снег, пролежавший на горах до полудня и всю неделю у берега. Перед окнами стоят льды <...>. Прямо на север льды и остров Врангель в 180 км. На восток чукотские поселки и до Уэлена 1000 км. На запад чукотские юрты и Чаун, где еще двое русских — фактория. На юг горы и оленеводы. Здесь нас двое русских <...> еще человек 60 чукчей, вот все селение. Полярное лето подходит к концу, уже осыпаются цветы, в сентябре начнутся холода. Фактория стоит на берегу. С утра до вечера перед окнами стоят льды.

Кроме подробных рассказов самого Шнакенбурга о своей жизни на мысе Северный, полных холодов, пурги, ледяных торосов, нашествия белых медведей и прочих романтических сюжетов, обязательных для любого описания Арктики (не будем забывать, что автору этих писем 23 года!), мы располагаем двумя независимыми свидетельствами того, как проходила эта жизнь: одно — насмешливо-негативное, второе — уважительно-позитивное.

Первое — в отчете Аркадия Антоновича Кампана (1896–1938)¹⁹, сотрудника Управления пограничной охраны Дальневосточного края, командированного для «обследования Чукотки для нужд охраны границ» и оставившего снисходительно-насмешливые отзывы о двух встреченных им молодых этнографах, Форштейне и Шнакенбурге (см. подробно: Богословская 2008):

---

¹⁹ В публикации (Богословская 2008) неточность: там этот человек назван Александр Калтан — см. подробно: (Шокарев 2024). Я вынужден сохранить эту неточность в некоторых ссылках.

Встретивший нас Шнакенбург произвел сразу впечатление человека, растерявшегося при нашем приезде, в нем чувствовалась нервозность. Начал он с того, что уже давно ждет всех нас, ждет от нас новостей, писем, газет, журналов, книг и проч. Сообщил, что он женат на чукчанке. По всему настроению видно, что он в нашем лице ждал каких-то «ревизоров», специально приехавших «проверить» всю деятельность его, Шнакенбурга, особенно по части торговой. Отсюда исходили все с ним беседы и разговоры. Он напр. сам начал приписывать обвинение его в «американофильстве» и в «недостачах» товаров и, как позже выяснилось, он опасался обвинения его в «поддерживании шаманства». По всякому сказанному ему слову он строил разные догадки о несуществующем «обличении» его в том или ином преступлении. В разговорах на политические темы в нем не видно было ни каких *[так]* определенных идеологических установок. За короткий период пребывания на м. Северном подробно ознакомиться со всей его работой не пришлось. Школа работала, по-видимому, нерегулярно, так как фактория, естественно, отнимала много времени. Через переводчика Тевлянто, чукчи не весьма хорошо отзывались о Шнакенбурге. Считали его человеком слабохарактерным, мягким, находящимся под влиянием родителей его жены (Калтан [1930/31] 2008: 307).

«История с факторией», видимо, следующая. В 1930 году было проведено переподчинение фактории от Дальневосточного Госторга к Акционерному Камчатскому обществу (АКО). Заведующий факторией Мироненко уехал, а другой, «аковский», заведующий еще не приехал. До декабря 1930 года фактория не функционировала. Шнакенбург информировал районный исполком, что под давлением голодающего населения он вынужден был открыть факторию и начать торговлю на свой страх и риск. См. об этом в отчете: (Калтан [1930/31] 2008: 307–308).

Второе свидетельство совсем другого свойства. В архиве семьи сохранилась записка известного геолога С. В. Обручева следующего содержания:

13 июня 1931 г. Осенью прошлого года, проезжая на пароходе «Колыма» из Нижне-Колымска во Владивосток, я встретил в фактории на мысе Северном Николая Борисовича Шнакенбурга (который незадолго перед этим переехал туда). Он просил меня сфотографировать его и переслать Вам как его портрет, так и снимок фактории, сделанный мною. К сожалению, не мог это сделать раньше, т.к. не были разобраны фотографии.

Николай Борисович при встрече со мной был в очень приподнятом настроении, необыкновенно бодрый и веселый, и казался очень здоровым. Насколько я слышал, он позже переехал на мыс Дежнев, в селение Уэлен.

С уважением — С. Обручев. Ленинград, Мойка 82, кв. 28²⁰.

Обручев вспомнил об этом эпизоде и вставил упоминание о Шнакенбурге в свою известную книгу:

С большой душевной болью я вспоминаю о молодом талантливом филологе [так] Н. Шнакенбурге, который погиб геройской смертью в начале Великой Отечественной войны, защищая Ленинград. Впервые я встретился с ним в 1930 г. на мысе Шмидта. В 1934 г. он дал нам ряд уроков чукотского языка. Им была просмотрена в первом варианте моя рукопись и сделаны ценные замечания о языке и быте чукчей, которые он превосходно знал, так как прожил несколько лет на Чукотке (Обручев 1957: 5–6).

Срок работы Шнакенбурга на Чукотке подходил к концу, когда он принял решение остаться еще на два года. Он пишет родным 1 августа 1931 г.:

Дорогие папа и мама! Вчера я получил от бабушки сразу две телеграммы и теперь ожидаю известий от вас. Вы на меня не сетуйте, что я остаюсь на севере еще пару лет. Всякое дело требует серьезного внимания и если я решил работать на севере, то всерьез и надолго. Моя работа нужна, и я пользуюсь со стороны Комитета Севера и Богоразом поддержкой. <...> Раз дело того требует, с собою считаться нечего. Такую постановку единственно считаю верной для себя. Два года я прожил, проживу и еще два, в этом уверен и тверд.

И пишет Богоразу три недели спустя. Из этого письма, кажется, становится ясна причина конфликта Шнакенбурга с местным начальством и, возможно, причина неблагоприятного впечатления, которое он произвел на Кампана:

---

²⁰ Это, видимо, была не последняя встреча Шнакенбурга с Обручевым. В письме матери от 20 июня 1936 года он писал: «Я сейчас занят срочной работой для С. В. Обручева. Арктический Институт готовит Сборник о полезных ископаемых Арктики. Я редактирую и исправляю географические наименования месторождений по Чукотскому Северу».

Дорогой Владимир Германович! Очень благодарен Вам за поддержку. Сейчас все обстоит вполне благополучно. Я краевед чукотской культбазы, выеду скоро в район. Останусь еще на пару лет. <...> Что ко мне отношение было хамское, то сущая правда. Сейчас многие стараются кое-как это замазать, так как дело повернулось в мою сторону нежданно-негаданно. От Тевлянто²¹ я прямо не ожидал к себе плохого отношения. Не верьте никому, кто обо мне скажет плохое. Я замерзал и не замерз. Жил один — русский и жил весело и бодро. Вел работу в школе в ликбезе. Факторию бросили. Я открыл торговлю на свой страх и риск. Приехали только 1го марта. Принялись меня ругать за грязь. Я топил нефтью, топлива не было. Говорили мне «вы американскую агитацию разводите», это за похваленную американскую вермишель. «Работы не ведете». <...> Все это было — да было и пусть что хочет говорит Тевлянто. Хер положил я на него с прибором. Извели меня до того, что я еле чувствовал себя <...>. Твердо уверен в себе и в работе!

Решение остаться на Чукотке еще на два года выглядит не столь неожиданным, если принять во внимание, что осенью 1930 года Шнакенбург, как он писал в телеграмме Богоразу, «женится на чукчанке» и 10 июня 1931 года у них родился сын Роберт. В свидетельстве о рождении, выписанном 11 мая 1932 года, родителями значатся: отец — Шнакенбург Николай Борисович, мать — Панарультына, место рождения — мыс Северный Чукотского округа/уезда Чаунского района/волости. Кроме того, 25 октября 1930 года был арестован его отец (осужден 28 февраля 1931 г. по статье 58-10 на три года исправительно-трудовых лагерей). Возможно, узнав об этом, Шнакенбург укрепился в своем нежелании возвращаться «на материк».

Следующие два года Шнакенбург проработал на Чукотской культбазе в селе Лаврентия в должности краеведа, время от времени выезжая для обследования промыслов в различные районы Чукотки; побывал и в западной части полуострова (он пишет родным: «...зимой я пересекаю эту страну оленных чукчей. Мы попали в стойбище, которое еще не

---

²¹ Тевлянто — один из первых представителей коренных жителей Чукотки, получивший образование в Ленинграде на Северном факультете; в 1934 году стал председателем Чукотского исполкома. См. о нем очерк В. Г. Богораз: (Тан 1927); его деятельность упоминается и в книге «Очерки истории Чукотки» (Очерки 1974: 189, 217, 218, 252).

видело белых. <...> Нас встретили хорошо. Мы провели выборы Совета, установилась Советская Власть»), и в юго-восточной его части, в окрестностях с. Провидение («В Провидении я узнал новость. Погиб Иванчиков — утонул в реке — перевернутый ветром. Долго не мог уснуть. Он был очень умный человек, но слишком интеллигент. <...> Ну, что же, надо быть твердым, перенести и это»).

Осенью 1933 года Николай Шнакенбург отправился наконец домой. Это был уже другой человек, повзрослевший, приобретший опыт: «...мне было дано увидеть многое, и я очень благодарен за это жизни. Мне сейчас 26 лет, здоров, просолен крепко ветром и солнцем» (письмо родным, 11 августа 1933 г.). По дороге он на некоторое время задержался в Хабаровске, сделал доклад в местном отделении Комитета Севера («Теперь я в числе северных работников и мною интересуются» — письмо родным, 6 ноября 1933 г.). Видимо, тогда же написал и напечатал в местных газетах четыре популярные статьи, в том числе «Китовый промысел на Чукотке» (см. список его трудов). Если не считать небольшой заметки в «Советском Севере» (№ 1, 1931), написанной, видимо, Богоразом с использованием цитат из письма Шнакенбурга, это были первые написанные им слова, которые он увидел напечатанными (ср.: Очерки 1974: 187).

Этноотделение к этому времени преобразовалось в ЛИФЛИ (см. выше), где Шнакенбург и восстановился. Для этого потребовалось ходатайство от Комитета Севера при ЦИК в Ленинградский университет, в котором говорилось:

Тов. Шнакенбургом Н. Б. проделана большая научная работа по краеведному изучению Чукотки. В течение 3х-летнего пребывания в Чукотском нац. районе т. Шнакенбург, вполне владеющий Чукотским языком, лично обследовал большую часть территории Чукотского полуострова и собрал подробные и ценные сведения по географии, естественным производительным силам и экономике Края. Весь материал систематизирован, сделаны практические выводы, которые были использованы при составлении пятилетнего плана района и округа²².

Как мы помним, Николай Шнакенбург уехал на Север после третьего курса этноотделения и должен был бы закончить университет

²² СП6Ф АРАН. Ф. 142. Оп. 5. № 376. Л. 49.

в 1935 году, однако, по-видимому, восстановиться сразу ему не удалось, либо он сам этого не захотел, решив немного отдохнуть: ходатайство о восстановлении студента после командировки на Север датировано 11 января 1934 года. Закончил учиться и получил диплом он в июне 1936 года.

Диплом

Выдан настоящий гражданину Шнакенбург Николаю Борисовичу, родившемуся в г. Переславле Яросл[авской] обл[асти] в 1907 году фев[р]я[ля] месяца 4 числа²³ в том, что он действительно поступил в 1926 году сент[ября] месяца 1 числа в Ленинградский государственный Институт Истории, Философии, Литературы и Лингвистики на Исторический факультет, выполнил все требования учебно-производственного плана по специальности история доклассового обществ[ва]. Государственный экзамен сдал и закончил Институт в 1936 году июля м[еся]ца 5 числа. На основании изложенного гражданин Шнакенбург Н. Б. присваивается [так] квалификация научного работника 2-го разряда по истории и преподавателя ВУЗ'а и ВТУЗ'а, а также преподавателя техникумов, рабфаков и старших классов средней школы.

Видимо, в начале 1936 года он написал и прислал В. Г. Богоразу проспект будущей книги «Советская Чукотка»²⁴, однако дальше плана эта работа, насколько можно судить, не двинулась²⁵.

С работой после окончания университета было трудно. В октябре Шнакенбург устроился младшим научным сотрудником на временную работу в Музей Арктики: он консультировал музей по поводу «макетов Чукотская культбаза и Кочевой Совет, а также по подбору материалов по отделам “Экономика Арктики” и “Национально-культурного строительства”». В характеристике сказано, что к работе Шнакенбург «отно-

²³ Здесь и во всех последующих документах дата рождения Шнакенбурга указывается по новому стилю: не 22 января, как в метрике, а 4 февраля.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 5. № 91. ЛИФЛИ — Советская Чукотка (очерк). Проспект книги. Л. 3–7.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 5. № 95. Возможно, впрочем, что к этой неоконченной работе имеют отношение материалы, хранящиеся в Архиве МАЭ: Шнакенбург Н. Б. Торговые взаимоотношения с Колымой и сел. Марковым; Частный капитал на Чукотке; Морской зверобойный промысел; Рыболовство (1938–1940). Разделы монографии. Автограф (НА МАЭ. Ф. 36 (1932–1995). Личный фонд И. С. Вдовина. № 123).

сился вполне добросовестно и проявлял инициативу»²⁶, однако в марте 1937 года эта временная работа закончилась.

Вернемся немного назад. Выше уже упоминалось, что все ученики Богораза, отправляясь на Север, сталкивались с проблемой, как совместить научную работу с практической (учительской, административной) деятельностью. Жалобами на невозможность такого совмещения полны письма всех учеников Богораза, каждый из них чему-то вынужден был отдать предпочтение²⁷. Николай Шнакенбург, работая на Чукотке, из двух вариантов — научная работа или практическая — скорее склонялся ко второму. В его письмах почти нет упоминания научных материалов, этнографических или лингвистических наблюдений²⁸, зато много рассказов об инспекционных поездках и других формах административной работы. Насколько можно судить, научные материалы, приведенные им «из поля», ограничиваются словарными записями по чукотскому языку (четыре тетради, примерно 40 листов каждая). Однако в Ленинграде он окунулся в совершенно другую атмосферу: в ЛИФЛИ, ИНСе и, главное, в Научно-исследовательской ассоциации ИНСа шла активная научная работа, и эта деятельность увлекла его.

В 1935 году Шнакенбург опубликовал свою первую научную статью («Пути сообщения Чукотского полуострова») и примерно в то же время написал брату, что собирается поступать в аспирантуру. Однако все оказалось не так просто. Вот его характеристика, датированная 13 сентября 1936 года:

Шнакенбург Н. Б., окончивший Исторический факультет Ленинградского Института Истории, Философии, Литературы и Лингвистики в 1936 г., по соц[иальному] происхождению служащий, беспартийный, 1907 года рожд[ения], член профсоюза с 1926 г., в течение своей учебы в ЛИФЛИ был дисциплинированным членом профсоюза. В общественной работе не участвовал и с общественной стороны себя не проявил.

И 26 сентября 1936 года — выписка из протокола комиссии по приему в аспирантуру Института народов Севера:

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 376. Шнакенбург Н. Б. Личное дело. Л. 54.

²⁷ См. об этом подробнее: (Вахтин, Лярская 2024).

²⁸ В отличие от многих его однокашников по этноотделению, таких как Форштейн или Крейнович.

СЛУШАЛИ: о приеме в аспирантуру Шнакенбург Н. П. [*так*] <...>. Сдал приемные испытания и получил следующие оценки Диалектический материализм — удовлетв[орительно]; История народов Севера — удовлетв[орительно].

ПОСТАНОВИЛИ: Считая оценку, полученную Шнакенбург <...> недостаточной, в приеме отказать.

Очень вероятно, что эта «неудача» его и спасла: он не стал аспирантом ИНСа в 1936 году и поэтому не попал под каток печально известного «дела ИНСа», начавшегося с нескольких доносов, справок и докладных записок, датированных как раз августом 1936 года. Потом последовали аресты. Весной 1937 года был арестован Н. И. Спиридонов, за ним (21 мая 1937 г.) другие сотрудники ИНСа — Я. П. Кошкин, Н. Ф. Прыткова, И. С. Сукоркин, В. И. Цинциус, А. С. Форштейн, Ю. А. Крейнович, К. Б. Шавров, В. Ц. Пересвет-Салтан и Е. В. Блок. По этому «делу» Спиридонов, Кошкин, Форштейн, Пересвет-Салтан и Блок были приговорены к расстрелу, Сукоркин, Шавров, Крейнович и остальные — к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Затем Форштейну и Блоку расстрел заменили десятью годами, а Спиридонова, Кошкина и Пересвет-Салтана расстреляли²⁹.

Весь этот ужас Николая Шнакенбурга миновал, хотя он, несомненно, знал об арестах и приговорах. Не сумев поступить в аспирантуру, он весной 1937 года устроился на работу в Арктический институт, тогда — научный центр Главного управления Северного морского пути³⁰, был зачислен переводчиком в Корякскую геологическую экспедицию с окладом 300 рублей в месяц³¹, куда отправился 20 мая и вернулся 27 ноября 1937 года. Уволен из Арктического института он был «по окончании работ экспедиции» 23 декабря 1937 года³².

²⁹ Значительное число документов по «делу ИНСа» можно найти в электронном архиве Фонда В. Иофе: <https://arch2.iofe.center/case/135>.

³⁰ ААНИИ (Архив управленческой документации). Оп. 2. Д. 46. Личные карточки уволенных сотрудников. Л. 42–42 об. Моя искренняя признательность М. А. Емилиной за предоставление этих материалов. Об архиве ААНИИ см.: (Замятин 2018: 300).

³¹ Об этой экспедиции см.: (Кирюшина 1937; Николаев 1938).

³² ААНИИ. Оп. 3. Д. 28. Приказы по личному составу сотрудников института. Л. 101.

Из этой экспедиции Николай Шнакенбург привез лингвистические материалы — в архиве МАЭ хранятся словарные записи по алюторскому диалекту корякского языка (23 страницы), помеченные 1937 годом³³. Кроме того, на материалах этой экспедиции Шнакенбург написал и опубликовал в 1939 году статью о кереках (Шнакенбург 1939).

Полагаю, что в решении Шнакенбурга завербоваться в Корякскую экспедицию, кроме необходимости где-то работать, не последнюю роль играл страх ареста. Из Владивостока он писал матери (21 июня): «Я твердо уверен, что все будет хорошо, и осенью я снова увижу всех вас»; и дальше: «Здесь в экспедиции я держу себя очень строго. Дисциплина у нас поставлена хорошо. Я дал себе слово совсем не брать в рот лишнего. С этим буду и на Камчатке». На весь корпус писем Шнакенбурга это единственное упоминание алкоголя — нелегко дался ему 1937 год...

По возвращении из экспедиции Николай Шнакенбург женился на Анне Михайловне Степановой (1911–1982); свидетельство о браке датировано 23 декабря 1937 года (интересно, что та же дата стоит на приказе о его увольнении из Арктического института). К тому времени они уже были какое-то время знакомы: в архиве семьи сохранилось одно его очень нежное письмо к ней (от 15 июля 1937 г.), в котором он называет ее «дорогая и милая Анка» и объясняет, как сильно ее любит.

К этому времени Шнакенбург, видимо, понял, что его место — в науке и что он отстает от своих бывших соучеников. «К сожалению, — писал он в автобиографии (30 января 1938 г.), — по окончании Института мне не удалось поступить на место по истории и этнографии “палеоазиатов”, а занятость по службе не позволила обработать материалы. Я знаю довольно хорошо чукотский север, язык и конечно литературу. В частности сейчас занимаюсь этнографией и историей народов Севера. У меня есть некоторые знания, навык в работе. Я просил бы всесторонне обсудить мою кандидатуру и в случае возможности привлечь меня к научной работе»³⁴.

Он не оставляет попыток поступить в аспирантуру. Есть ходатайство Института от 19 сентября 1938 года за подписью директора, академика Струве, о «допущении к подготовке диссертации на степень кандидата и к сдаче кандидатского минимума». Однако и в этот раз не

³³ НА МАЭ. Ф. 40. Оп. 1. № 118.

³⁴ СП6Ф АРАН. Ф. 142. Оп. 5. № 376. Л. 46 об.

вышло: комиссия по приему в аспирантуру Академии наук 2 января 1939 года рассмотрела заявление Шнакенбурга и постановила: «Ввиду того, что т. Шнакенбург недавно работает в Институте и недостаточно еще проявил себя на научной и общественной работе — от приема в аспирантуру Академии Наук без отрыва от основной работы — воздержаться».

В 1938 году в сборнике «Советский Север» вышла уже упомянутая выше статья Шнакенбурга «Нымыланы-кэрэки». Положительный отзыв на нее написал С. Н. Стебницкий (9 июля 1938 г.): «Статью <...> считаю ценной и интересной, в особенности в тех разделах ее, которые касаются экономики, этнографии кэрэков и их языка <...>. Материал, сообщаемый тов. Шнакенбургом <...> позволяет окончательно решить <...> вопрос об этнической принадлежности кэрэков» (АСШ)³⁵. Договор между НИА ИНС и Шнакенбургом был заключен 13 августа 1938 года на явно уже готовую статью, поскольку автор обязуется представить ее «не позднее 14 августа». За работу НИА ИНС должна была выплатить Шнакенбургу 450 рублей (АСШ). Если судить по ссылкам на эту статью в научных работах, она до сих пор является важным источником сведений об этом небольшом народе, живущем на самом юге Чукотки, на границе с Камчаткой.

В этот период Шнакенбург интенсивно работает. Так, 17 февраля 1938 года он заключает с Государственным музеем этнографии договор на написание путеводителя по отделу «Чукчи и коряки» объемом $\frac{3}{4}$ авторского листа, который обязуется представить не позднее 5 марта того же года; оплата — 400 рублей³⁶. 1 апреля 1938 года он становится

³⁵ В. В. Леонтьев, ссылаясь на эту статью в своей книге, пишет: «На основе собранных материалов он [Шнакенбург] приходит к выводу, что “тип хозяйства, материальный быт и язык свидетельствуют о принадлежности “кэрэков” к приморским нымыланам-корякам <...>”. Но Н. Б. Шнакенбург ограничился исследованием южной группы кереков <...> которые испытывали большое влияние со стороны коряков апукинцев и алюторцев. В то время как несколько изолированная и лучше сохранившая черты материальной культуры мыныпильгынская группа кереков осталась им совершенно не исследованной» (Леонтьев 1976: 11–12).

³⁶ В архиве Российского этнографического музея хранится составленный Н. Б. Шнакенбургом в 1937–1938 годах путеводитель по выставке «Народы Севера — чукчи и коряки» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 631). Это 20 страниц

наконец научно-техническим сотрудником Института этнографии (МАЭ); 1 июня занимает должность ответственного секретаря Сибирского тома сборника «Народы СССР»; 5 августа переведен из научно-технических в младшие научные сотрудники. Параллельно, с 1 ноября того же года, устраивается по совместительству преподавателем истории СССР в средней художественной школе при Академии художеств³⁷.

Только в следующем году Шнакенбург сумел добиться своего: 3 августа 1939 года он зачислен в аспирантуру МАЭ³⁸. Руководителем его стал Г. Н. Прокофьев, а рекомендацию для поступления дал М. А. Сергеев:

[Без названия]

Николая Борисовича Шнакенбурга я знаю около 5 лет на почве общих научных интересов к Дальневосточному северу. По просьбе Н. Б. Шнакенбурга я просматривал многие его работы по Чукотскому национальному округу и по чукчам. Много приходилось мне и беседовать с ним на соответственные темы и самому советоваться с ним по тем или иным вопросам фактического порядка.

С начала текущего (1938) года и по сие время мне приходилось постоянно общаться с т. Шнакенбургом и на «служебной» почве — он состоит секретарем редакции издания Института этнографии Академии наук СССР — «Народы СССР», одним из редакторов которого я являюсь³⁹. Все изложенное дает мне также основание характеризовать Н. Б. Шнакенбурга, как образованного, способного и несомненно очень сведущего в избранной им специальности (группа северных дальневосточных палеоазиатов — чукчи, коряки, эскимосы, алеуты) молодого научного работника, отличающегося исключительной добросовестностью, исполнительностью и инициативой в своей научной работе. В научном отношении он несомненно подготовлен к поступлению в академическую аспирантуру.

[Без даты]

Мих. Сергеев⁴⁰

машинописи с мелкой карандашной правкой. В тексте описаны и другие группы (марковцы, алеуты и эскимосы).

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 376. Шнакенбург Н. Б. Личное дело. Л. 19 об.

³⁸ См.: СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 179. Шнакенбург Н. Б. Трудовой список; Д. 376. Шнакенбург Н. Б. личное дело; Д. 422. Шнакенбург Н. Б. Трудовая книжка.

³⁹ См. письма Шнакенбурга Сергееву, публикуемые в этой книге.

⁴⁰ АСШ.

Август 1939 года вообще стал в жизни Николая Шнакенбурга поворотным: 3 августа он был зачислен в аспирантуру, сразу ушел в отпуск, 5 августа приехал к жене, которая жила у родственников в Малой Вишере, а 18 августа родилась их дочь Людмила.

Следующие полтора года Николай Шнакенбург активно работает, в том числе над книгой «Эскимосы» (см. об этом подробнее ниже). Он ездит в командировки в московские архивы, собирает материалы для диссертации. Отчет за первый год аспирантуры заслуживает того, чтобы привести его полностью:

Г. Н. Прокофьеву от руководимого им аспиранта Н. Б. Шнакенбурга

Отчет о работе за 1939–1940 год

Согласно утвержденного Вами индивидуального плана на данный учебный год приходились следующие предметы:

1. Диалектический и Исторический материализм (лекции)
2. Источниковедение по истории и этнографии народов Сибири (лекции, самостоятельная проработка)
3. Английский язык (уроки, самостоятельная проработка материала)
4. Этнография палеоазиатов: коряки, юкагиры (самостоятельная проработка)

Из вышеуказанных предметов мною были подготовлены и сданы:

1. Диалектический и исторический материализм, 27 июня, с оценкой «хорошо»
2. Источниковедение <...> 14 июня, с оценкой «отлично»

Ввиду оказавшейся сложности для меня материала по английскому языку — кафедра иностранных языков нашла необходимым дать мне дополнительные часы (в сентябре, октябре месяцах) для завершения кандидатского минимума, который должен быть сдан к 1 ноября с.г. Что касается самостоятельной проработки основной литературы по этнографии палеоазиатов, то в отношении коряков таковая проработана, в отношении же юкагир — прочитан 1-й том монографии Иохельсона «Юкагиры» (на англ. языке).

К работе по диссертации я еще не приступал: это и не было предусмотрено планом для истекшего года.

Не могу не отметить, что отсутствие учебной комнаты сильно повлияло на выполнение учебного плана. Комната была предоставлена лишь 6–7 июня, т.е. перед самыми экзаменами. Отсутствие рабочего помещения т.о. имело своим результатом не равномерное прохождение плана и тяжелое перенапряжение сил в последние месяцы. Факти-

чески январь и февраль из учебы выпали, так как места для занятий я не имел совершенно. Обращаюсь к Вам с просьбой настоятельно поставить перед Дирекцией вопрос о специальной комнате для аспирантов, предоставив ее с 1 сентября.

30 июня 1940 г. Н. Шнакенбург [*подпись*]⁴¹

Там же имеется отзыв Г. Н. Прокофьева, положительно оценившего этот отчет («Считаю Н. Б. Шнакенбурга усидчивым, серьезно относящимся к своей учебе аспирантом»).

Эта работа была прервана войной. Уже в июне 1941 года Николай Шнакенбург записался добровольцем в ряды народного ополчения, хотя и имел как аспирант академического института так называемую бронь, и в первых числах июля ушел на Ленинградский фронт.

4 июля 1941 г. в институте был обнародован приказ за № 109: «<...> § 3. В связи с уходом аспиранта Н. Б. Шнакенбурга добровольцем в Красную Армию с 5 июля выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. и компенсацию за неиспользованный отпуск» (Решетов 1995: 14).

По словам его дочери, Николай Шнакенбург ушел из дома ночью, ни с кем не попрощавшись — так ему, видимо, было легче. Сохранилась его прощальная записка жене:

Милая и дорогая Нюра!⁴²

Нас вызвали на сборный пункт сегодня. Еле успел собраться. Деньги на верхней полке наверху. Милая возьми себя в руки, поезжай в Лигово. Я буду мысленно с тобой. Нас отпустят еще домой. Целую тебя, Милу, береги ее, себя. Любящий вас обоих муж и отец Николай.

После этого от него пришло еще одно письмо и четыре открытки, последняя — от 7 сентября 1941 года. Официально Николай Шнакенбург числился не погибшим, а пропавшим без вести, однако это не единственная версия:

После получения известия о гибели Николая Борисовича среди сотрудников Института распространился слух о том, что в ходе боев под

⁴¹ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 376. Шнакенбург Н. Б. Личное дело. Л. 11–11 об.

⁴² АСШ. Записка карандашом, крупным почерком. Вокруг обращения приписки: «Нюрочка милая»; «Прости меня во всем»; «Сегодня же как будет возможность напишу или позвоню завтра утром».

Ленинградом он якобы был захвачен немцами в плен. Фашисты, приняв его за немца, предложили сотрудничество, но он решительно отказался, после чего был расстрелян. В мемуарах Л. И. Лаврова о боях на Ораниенбаумском плацдарме есть сообщение о гибели Н. Б. Шнакенбурга близ д. Настолово без указания каких-либо подробностей (Решетов 1995: 4).

* * *

Книгу «Эскимосы» Николай Шнакенбург, видимо, начал писать в 1938 году, скорее всего как популярную, очередную работу для заработка, однако постепенно она переросла в серьезный научный труд. С этой книгой связана одна загадка.

Эскимосы никогда не были центральным объектом интереса для Николая Шнакенбурга. Основное время на Чукотке он провел среди чукчей, сначала на мысе Северном (ныне мыс Шмидта), затем в Уэлене и Лаврентия. Известно про одну его поездку осенью 1931 года на Юго-Восточную Чукотку, в бухту Эмма и поселок Провидения «с обследованием промысла юго-восточной части района», в ходе которой он мог посетить эскимосские поселки Уназик (Чаплино) и Сигынык (Сиреники). Он мог сталкиваться с науканскими эскимосами в Лаврентия. Однако взяться за книгу об эскимосах...

Все дальнейшее — лишь предположения. После арестов 1937 года, после фактического разгрома ИНСа (с которым МАЭ был тесно связан, прежде всего через сотрудников, часто работавших и там, и там) многие области исследований оказались оголены: специалисты были арестованы, но остались их материалы. Эти материалы часто использовали другие сотрудники, и мотивы при этом могли быть самыми разными: от циничного «им все равно, а нам пригодится» до отчаянного «автора не спасти, нужно хотя бы спасти его труд».

Мы знаем, что в 1927–1929 и 1929–1933 годах среди азиатских эскимосов жил Александр Семенович Форштейн (1904–1968), также ученик Богораза. В 1928 году он работал учителем в селении Уназик на мысе Чаплина, откуда ездил в соседние эскимосские поселки (Сиклюк, Имтук, Сиреники). После возвращения в Ленинград Форштейн защитил дипломную работу на тему «Азиатские эскимосы как морские охотники». Работал в МАЭ, занимался темами «Становление рода у азиатских эскимосов», «Шаманский язык и материалы по языку азиатских эскимосов», «Социальная структура общества азиатских эскимосов».

Готовил серию статей для Дальневосточной энциклопедии («Азиатские эскимосы» — совместно с Богоразом, «Язык азиатских эскимосов», «Моржовый промысел», «Кивак»). Энциклопедия так и не была издана, материалы, подготовленные для нее, хранятся в Государственном архиве Хабаровского края (см.: Вахтин 2004). Занимался созданием письменности для азиатских эскимосов, опубликовал эскимосский букварь и перевел на эскимосский несколько книг для чтения. В мае 1937 года Форштейн вместе с другими сотрудниками ИНСа был арестован по обвинению в принадлежности к «троцкистско-зиновьевской, шпионско-террористической организации» и приговорен к расстрелу, который был затем заменен на десятилетний срок. Отбыл 10 лет в лагерях, освобожден в 1947 году и более к научной работе не возвращался. Его эскимосские материалы никогда не были опубликованы (см. о нем: Решетов 2002; Крупник, Михайлова 2006; Корсун 2013)⁴³.

Очень вероятно, что Николай Шнакенбург пользовался при написании своей книги какими-то материалами, черновиками и (или) фрагментами рукописи А. С. Форштейна. Думать так заставляют следующие факты. Во-первых, в своей книге Шнакенбург дважды ссылается на «учителя чаплинской школы», не называя имени: «Учитель Чаплинской школы, бывший свидетелем китовой охоты в апреле 1928 года, описывает данный прием следующим образом» (с. 63 рукописи); «Как происходило распределение добычи в производственном объединении, показывают следующие факты, о которых сообщает учитель школы сел. Уназик на мысе Чаплина» (с. 71 рукописи). В те страшные годы это был единственный способ упомянуть, сослаться, отдать должное арестованному человеку. Заметим, что для этого нужна была определенная смелость: даже такая скрытая ссылка могла дорого стоить автору.

В рукописи есть и другие свидетельства такого рода. В третьей главе Шнакенбург пишет: «Пережитки из области коллективной собственности на орудия и средства производства, а в особенности из области распределения добычи, дошедшие до нашего времени (1929 г.) в совокупности с пережитками коллективного производства, дают основание говорить...» Здесь интересна дата в скобках. Почему «наше время» — это 1929 год? Шнакенбург приехал на Чукотку в 1930-м, а пи-

⁴³ См. автобиографию Форштейна: ЦГА СПб. Ф. 9471. Оп. 2. Д. 77.

шет книгу в 1940-м. Эта дата может быть еще одним намеком, сознательно поданным сигналом того, что он пользуется материалами Форштейна.

В то время — после массовых арестов — использование материалов арестованных было распространенной практикой. Эта практика сохранилась и по окончании войны — после массовой гибели ученых на фронте и в блокаду. Так, в томе «Народы Сибири» статью «Ненцы» пишет Е. Д. Прокофьева, а в основе ее материалы Г. Н. Прокофьева и Г. Д. Вербова, статью «Энцы» — Б. О. Долгих с использованием материалов Г. Д. Вербова, статью «Эвенки» — Г. М. Василевич с использованием материалов Н. П. Никульшина, статьи «Чукчи» и «Коряки» — В. В. Антропова с использованием материалов С. Н. Стебницкого и Н. Б. Шнакенбурга, статью «Эскимосы» — Г. А. Меновщиков с использованием материалов Н. Б. Шнакенбурга и т.д. (Народы Сибири 1956: 8). Никого из тех, чьи материалы использовались, к этому времени уже не было в живых. Но если в 1956 году можно и нужно было упомянуть фамилии погибших и умерших авторов, то в 1938-м сослаться на материалы арестованного «врага народа» Шнакенбург мог только косвенно.

С точки зрения этики спокойных и благополучных времен такие скрытые ссылки, конечно, недостаточны, но 1930-е годы в России точно не были ни спокойными, ни благополучными. Выбор: дать пропасть работе твоих коллег и друзей или все-таки напечатать их под своим именем — это тяжелый выбор. Но то решение, которое принял Шнакенбург (убежден, что это обсуждалось с коллегами), все-таки кажется мне меньшим из двух зол. По крайней мере это лучше того, что написала в 1941 году Е. П. Орлова в своем очерке «Азиатские эскимосы»: «Детальным изучением азиатских эскимосов, их материального быта, социальной культуры и религиозных представлений никто не занимался» (Орлова 1941: 201), притом что она отлично знала и самого Форштейна, и его работу среди эскимосов, и его публикации⁴⁴.

⁴⁴ Возможно, в этом последнем случае дело в личной неприязни к Форштейну, который практически одновременно с Орловой занимался созданием письменности и учебной литературы для эскимосов и, когда был опубликован эскимосский букварь Орловой, подверг его суровой критике. По мнению Форштейна, букварь был «составлен совершенно неграмотно и не только не помогает развитию национальной письменности, но, наоборот, оказал и продолжает оказывать в настоящее время вредное влияние

И тем не менее я убежден, что книгу «Эскимосы» Шнакенбург писал сам, причем не только последнюю главу, базирующуюся на материалах, которые не могли быть известны Форштейну. Во-первых, в архиве МАЭ хранятся записи по эскимосам, сделанные Шнакенбургом (материалы переписи по эскимосам, 10 л., 1939 г., и данные по численности эскимосов, 13 л., 1939–1941 гг.)⁴⁵. Это следы сбора материала, следы работы над рукописью. Во-вторых, на протяжении всей книги автор постоянно сбивается с рассказа об эскимосах на рассказ о приморских жителях в целом, то есть на приморских чукчей. Он постоянно сравнивает эскимосов с чукчами, которых хорошо знает. Это косвенное доказательство того, что книга (в которой, несомненно, использованы материалы «учителя чаплинской школы», а может быть, и части его текста) все-таки написана Шнакенбургом.

* * *

Рукопись «Эскимосы» прошла несколько этапов рецензирования: в июне 1939 года профессор А. И. Андреев написал отзыв на рукопись «объемом 84 страницы», в целом положительный, но с рекомендациями по доработке. Судя по окончательному тексту, эти рекомендации были учтены. Через два года И. С. Вдовин пишет подробную рецензию на новый вариант книги, объемом уже 128 страниц. Окончательный вариант объемом 172 страницы (АСШ) был сдан в июле 1940 года в издательство Главсевморпути, которое заключило с автором договор на издание книги, однако в связи с начавшейся войной «временно свернуло свою работу» и исполнение договора было «приостановлено» (письмо издательства Н. Б. Шнакенбургу от 25 июля 1941 г. — АСШ).

Интересно, что в МАЭ договор на издание книги не одобрили: сохранилась любопытная выписка из приказа от 11 марта 1941 года за подписью директора Института И. Н. Винникова:

Аспиранту Института Н. Б. Шнакенбург объявляю выговор за действия, направленные против интересов Института и выразившиеся в заключении договора с издательством Главсевморпути на подготовку к изданию работы «Эскимосы СССР», в основу которой положена

на язык, упрощая морфологическую структуру до характера жаргона» (Корсун 2013: 171, со ссылкой на: Решетов 2002: 278).

⁴⁵ НА МАЭ. Ф. 40. Оп. 1. № 119, 123.

Н. Б. Вахтин

статья, написанная им для Сибирского тома сборника «Народы СССР» и принятая к печати редакцией Сибирского тома⁴⁶.

После войны вдова Шнакенбурга Анна Михайловна Степанова пыталась возобновить отношения с издательством, написала туда письмо, но получила отрицательный ответ. Рукопись осталась в семейном архиве. Сейчас наконец появилась возможность ее опубликовать.

Библиография

- Алымов С. С., Арзютов Д. В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 21–90. (Кунсткамера — Архив. Т. 7).
- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М.: Наука, 1969. 206 с.
- Богословская Л. [Введение к статье:] Калтан А. И. Отчет по обследованию Чукотского полуострова. 1930/31 г. // Тропю Богораза: научные и литературные материалы / сост. и науч. ред. Л. С. Богословская, В. С. Кривошеков, И. И. Крупник. М.: Институт наследия — ГЕОС, 2008. С. 284–285.
- Вахтин Н. Б. «За успех безнадежного дела»: история невыхода Энциклопедии Дальневосточного Края // Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты / сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян; отв. ред. Л. О. Зайонц. М.: Яз. славян. культуры, 2004. С. 43–60.
- Вахтин Н. Б. «Проект Богораза»: борьба за огонь // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 125–141.
- Вахтин Н. Б. У истоков североведческого образования в Петербурге: соиздатели в эпоху *interregnum* // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 64–95.
- Вахтин Н. Б. Судьба человека и судьба книги: Николай Шнакенбург и книга «Эскимосы СССР» // Этнографическое обозрение. 2024. № 5. С. 177–199.
- Вахтин Н. Б., Лярская Е. В. «Письма из поля»: принципы «ленинградской этнографической школы» и советская реальность // Новое литературное обозрение. 2024. № 6 (190). С. 15–43.

⁴⁶ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 376. Шнакенбург Н. Б. Личное дело. Л. 5.

- Вдовин И. С. В. Г. Богораз-Тан — ученый, писатель, общественный деятель (к 125-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1991. № 2. С. 82–92.
- Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Советская этнография. 1971. № 2. С. 134–145.
- Жуковская И. В., Корсун С. А. Указатель материалов по американистике в архиве МАЭ (Кунсткамера) РАН // Этнография и археология коренного населения Америки / отв. ред. Ю. Е. Березкин. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 245–257. (Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 56).
- Замятин В. Ю. Научные фонды и библиотека Арктического и антарктического НИИ // Музеи в Арктике и Арктика в музеях: Полярные чтения на ледоколе «Красин» — 2017. СПб.: Паулсен; Совкомфлот, 2018. С. 294–309.
- Калтан А. И. [Кампан А. А.] Отчет по обследованию Чукотского полуострова. 1930/31 г. // Тропой Богораза: научные и литературные материалы / сост. и науч. ред. Л. С. Богословская, В. С. Кривошеков, И. И. Крупник. М.: Институт наследия — ГЕОС, 2008. С. 284–342.
- Кан С. Лев Штернберг: этнолог, народник, борец за права евреев / пер. с англ. А. Глебовской. СПб.; Бостон: Библиороссика; Academic Studies Press, 2023. 692 с.
- Кирюшина М. Коряцкая экспедиция 1937 года // Проблемы Арктики. 1937. № 4. С. 135–136.
- Кононов А. Н., Иорши И. И. Ленинградский Восточный институт: страница истории советского востоковедения. М.: Наука, 1977. 136 с.
- Корсун С. А. Этнографические исследования А. С. Форштейна на Чукотке // «Всеобщее богатство человеческих познаний»: материалы XXX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский: Камчатская краевая науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова, 2013. С. 169–172.
- Крупник И., Михайлова Е. Пейзажи, лица и истории: эскимосские фотографии Александра Форштейна (1927–1929 гг.) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 188–219.
- Леонтьев В. В. По земле древних кереков: записки этнографа. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1976. 231 с.
- Лукашевич И. Д. Краткий очерк возникновения Высших Географических Курсов, их деятельности и преобразования их в Географический институт // Известия Географического института. 1919. Вып. 1. С. 38–66.
- Лярская Е. В. «Ткань Пенелопы»: «проект Богораза» во второй половине 1920-х — 1930-х гг. // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 142–186.

Н. Б. Вахтин

- Меновицков Г. А. Эскимосы: науч.-попул. ист.-этногр. очерк об азиатских эскимосах. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1959. 147 с.
- Михайлова Е. А. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / сост. Д. Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 95–136.
- Народы Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1083 с.
- Николаев И. Г. Предварительные результаты геологических работ Коряцкой экспедиции 1937 года // Проблемы Арктики. 1938. № 3. С. 99–106.
- Обручев С. В. По горам и тундрам Чукотки: экспедиция 1934–1935 гг. М.: Географгиз, 1957. 198 с.
- Орлова Е. П. Азиатские эскимосы // Известия Всесоюзного географического общества. 1941. Т. 73. № 2. С. 201–222.
- Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Н. Н. Диков. Новосибирск: Наука, 1974. 455 с.
- Решетов А. М. Отдание долга. Часть II // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 3–24.
- Решетов А. М. Александр Семенович Форштейн (1904–1968): страницы биографии репрессированного ученого // II Диковские чтения: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Дальстроя. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 275–279.
- Тан В. [Богораз В. Г.]. Живая сказка (Чукча Тевлянто на рабфаке) // Вокруг света. 1927, фев. № 1. С. 3–7.
- Шнакенбург Н. Б. Нымыланы-кэрэки // Советский Север. 1939. № 3. С. 85–104.
- Шокарев С. Ю. Фотоальбом А. А. Кампана — источник по истории береговой Чукотки начала 1930-х годов // Кунсткамера. 2024. № 3 (25). С. 102–120.
- Krupnik I., Chlenov M. Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. University of Alaska Press, 2013. 391 p.

Н. Б. Шнакенбург
ЭСКИМОСЫ СССР

При публикации рукописи (172 страницы машинописного текста) по возможности сохранены стиль и особенности написания автора, за исключением очевидных опечаток. Прежнее нормативное написание слова изменено на новое (например, безповоротно — бесповоротно, эксплоатация — эксплуатация, С.Ш.А. — США, заведывал — заведовал, первобытнообщинный — первобытнообщинный, мелко-товарный — мелкотоварный). Авторские расхождения в написании некоторых слов (например, евражка — еврашка) унифицированы. Написание с прописной буквы оставлено без изменений (например, Северо-Восточная Сибирская Компания). Разнобой в написании «г.» / «год», «ст.» / «столетие» устранен в сторону более частотного. Авторские знаки препинания сохранены, кроме случаев, когда могла бы возникнуть неясность при чтении. Авторские библиографические сноски оставлены без изменений, кроме опять же случаев, когда они содержат ошибки, мешающие поиску источника.

Н. Б. Шнакенбург

ЭСКИМОСЫ СССР

ВВЕДЕНИЕ. [История изучения эскимосов]

Принятое одно время (1931–1933 гг.) официальное название эскимосов СССР — «юиты» («люди») не было их действительным самоназванием и поэтому заменено в настоящее время общераспространенным названием «Эскимосы», объединяющим и остальные подразделения этой арктической народности.

Настоящее самоназвание эскимосов, видимо, «юпигыт» («настоящие люди»), но данный вопрос окончательно еще не разрешен.

В общении между собой эскимосы именуют себя по принадлежности к селениям. Например: Нывокармит — в рус. переводе Нывоканские, т.е. жители сел. Нывокан; Уназирмит — в рус. переводе Уназикские, т.е. жители сел. Уназик и т.д. Оленные чукчи называют эскимосов, главным образом принадлежащих к группе селений мыса Чаплина (Секлюк, Уназик, Кивак, Авань), — «айванат»¹. В. Г. Богораз переводит «айванат» — «живущие под восточным ветром» (по отношению к чукчам оленеводам). Оленеводы называют эскимосов также «анкалит» — «живущие на берегу моря». Но оба названия они относят часто и к приморским чукчам. Последние называют эскимосов «айванат» или же по селениям: «Вутээлит», т.е. жители сел. Серейнек (чук. Вутээн); «Унылыт», — т.е. жители сел. Уназик — (чук. Уныын).

---

¹ Названия селений даны в принятой транскрипции эскимосского языка; между транскрибированными и административными названиями селений полного совпадения нет: последние сильно искажены или же носят русские названия. Нывокак — Наукан, Серейнек — Сиреники, Уназик — Чаплино. Пользуюсь случаем указать, что название сел. Авань — «Эстигет» — искаженное английское East Head «Восточный вход» (мыс) морских иностранных карт.

Термин “Eskimo”², появившийся в иностранной литературе в 1611 г., вначале относился лишь к эскимосам американского континента. В форме “Esquimausic” или “Ashkimey” он был заимствован миссионерами из языка сев.-американских индейцев и означал «поедающие сырое мясо». Азиатские эскимосы с момента первого известия о них в русских источниках (Челобитных С. Дежнева — 1655 г.) были известны до половины XIX ст. под разными названиями: «чукчи» и «зубатые чухчи» (XVII ст.), «пешие чукчи» (XVIII ст.), «сидячие чукчи» (Г. Сарычев, Крузенштерн, О. Коцебу), «намолы» (Ф. Литке), «онкилоны» (Ф. Врангель). Последние два наименования — искажения слов: корякского «нымылъэн» — «поселянин» (оседлый) и чукотского «анкален» (живущий по берегу моря). «Зубатыми чухчами» казаки называли эскимосов по их обычаю носить в прорезях щек особые костяные втулки. По той же причине чукчи называли эскимосов о-вов Диомиды и побережья Аляски «ыкыргаулит» — «ротастые», отсюда встречающиеся в литературе названия эскимосов «каргаули». Обычно казаки именовали «зубатыми чукчами» эскимосов о-вов Диомиды, однако, по преданиям, в старину такие втулки носились и азиатскими эскимосами. «Пешими», в отличие от оленных, назывались «чукчи» — эскимосы не кочевники. Наименование «сидячие» опять-таки отличало живущих оседло эскимосов от кочевников-чукч.

Название «сибирские эскимосы» ввел в литературу врач французского судна Олинье, посетивший в 1865 г. временную стоянку эскимосов близ устья реки Анадырь. Описанные им «сибирские эскимосы», однако, продолжали фигурировать в русской литературе как носовые чукчи, пээки, аккалены, айвуаны, вутээнцы. Под носовыми чукчами и пээками подразумевались эскимосы окрестностей мыса Дежнева — сел. Нывокак и других, ныне оставленных селений восточнее и западнее мыса. Следует отметить, что наименование «носовые чукчи» могло также относиться и к приморским чукчам крайнего северо-востока Азии. Анкалены, айвуаны, вутээнцы — соответственные искажения вышеупомянутых чукотских названий. В иностранной литературе второй половине XIX ст. азиатские эскимосы были известны также под

² “Eskimo” — см.: A. Hidlicka, Anthropological survey in Alaska, Forty-Sixth Annual Report of the Bureau of American Ethnology (1928–1929), Washington, 1930, pp. 328–329.

разными наименованиями: чукчи, намоло, юит, сибирские, азиатские эскимосы. Существовали и другие наименования, но толкование их затруднительно, так как записи искажены³. Обработывая материалы переписи 1897 г., С. Патканов назвал известных ранее под разными наименованиями эскимосов — азиатскими эскимосами. Однако он удержал наименования: пээки, айваны, вутээнцы как племенные. Только В. Г. Богораз во время его пребывания среди эскимосов (1901) установил точное различие между ними и приморскими чукчами. В своей монографии «Чукчи» он предложил принять в качестве самоназвания азиатских эскимосов, в отличие от самоназвания эскимосов Аляски «иннуит» — «люди», термины «юит» и «юпигит»⁴. Но у самого исследователя эти термины оставались под сомнением. Позднее он предложил назвать эскимосов «айванами»⁵. В дореволюционное время, однако, название «азиатские эскимосы» встречается редко, больше всего они были известны под «айванами». После Октябрьской революции наименование «азиатские эскимосы» упрочивается. Вместе с тем указываются как племенные названия: нооканцы (пээки), айваны, вутээнцы. В 1930–1931 гг. Комитет Севера при президиуме ВЦИК принимает «юит» в качестве самоназвания азиатских эскимосов.

В иностранной литературе до последнего времени эскимосы СССР известны под названиями: юит, намоло, сибирские, азиатские эскимосы. Основная масса эскимосов живет за пределами СССР. Расселены они по северо-западному и северному побережью Аляски, на о-вах Малый Диомид в Беринговом проливе и Св. Лаврентия в Беринговом море (США); в низовьях реки Мекензи, на островах Канадского полярного архипелага, по западному и восточному берегам Гудзонова залива, на восточном побережье полуострова Лабрадор и Баффиновой Земле (Канада); по западному и восточному побережью о-ва Гренландия (Дания) (см. карту)⁶.

³ О них см.: W. Dall, On the so called Chukchi and Namollo people of Eastern Siberia, *American Naturalist*, vol. XV, 1881, pp. 857–868.

⁴ W. Bogoraz, The Chukchee, *Memoir of the American Museum of the Natural History*, vol. VII, part 1, p. 11.

⁵ В. Г. Богораз, О так называемом языке духов (шаманском) у различных ветвей эскимосского племени: Отд. оттиск Изв. Российской Академии наук. [М.], 1919, стр. 489.

⁶ [Прим. сост.] Карта в рукописи отсутствует.

Общая численность эскимосов точно не установлена. По Вэйеру их всего 35.888 человек. Названный автор указывает следующую численность эскимосов по отдельным территориям их расселения⁷.

Территория расселения или наименование территориального подразделения	Численность обоого пола	Примечание
Сибирь	1.200	
Аляска	13.698	
р. Мекензи	400	
Медные эскимосы	750	
Баррен-Граундз	1.000	В том числе не менее 500 человек Карибу-эскимосов
Баффинова Земля	1.513	
Лабрадор	2.500	
Полярные эскимосы	271	
Западная Гренландия	13.847	
Восточная Гренландия	709	
Итого	35.888 чел.	

⁷ E. M. Weyer, The Eskimos, Their Environment and Folkways. London, 1932, p. 1 (библиография).

ГЛАВА I. [Общие сведения об эскимосах.

Язык. Численность. Расселение. Территория]

Эскимосы типично арктическая народность, обитающая за пределами границы леса, в суровых климатических условиях севера. Археологическими раскопками и свидетельствами ранних путешественников установлено, что отдельные группы эскимосов обитали гораздо севернее современной территории их расселения. Большинство эскимосов живет оседло на берегу моря и занимается охотой на морских зверей (тюлени, морж, отчасти кит). Исключение составляет так называемая внутриматериковая группа Карибу-эскимосов — бродячих охотников на дикого оленя, живущих в тундрах северной Канады (Баррен Граундз). Почти повсеместно, в Аляске и северной Канаде, южными соседями отдельных групп эскимосов являются различные племена североамериканских индейцев (тлинкиты, атапаски, «желтые ножи», чипчевеи, кри, наскапи и др.). Являясь типично арктической народностью и по культуре, эскимосы восприняли от своих соседей — североамериканских индейцев, ряд черт культуры последних. Влияние пришлого, белого, населения сказалось более всего на эскимосах Аляски и Гренландии.

Тем не менее как эскимосский язык, так и культура (техника морской охоты, кожаные лодки, одежды и др.) отличаются своим образом от берегов Гренландии до побережья Берингова моря⁸.

В русской этнографической литературе азиатских эскимосов принято относить к так называемой палеоазиатской группе сибирских народностей, в которой они вместе с алеутами Командорских островов занимают особое положение. По языку они принадлежат к эскимосской группе.

По грамматическому составу язык азиатских эскимосов настолько близок к языку эскимосов американского континента и Гренландии, что последние, приезжая на Чукотский полуостров с китоловами XIX ст. в качестве переводчиков, обычно понимали эскимосов Азии. Но в отдельных диалектах языка азиатских, американских и гренландских эскимосов существуют свои особенности и различия. Относясь

---

⁸ См. также вторую сводную работу об эскимосах: Kaj Birkett-Smith, *The Eskimos*. London, 1936, pp. 1–250.

по строю к языкам агглютинирующим и не имеющим префиксов (приставок), язык азиатских эскимосов не доводит агглютинацию до крайнего предела. Предложение составляется из двух-трех многосоставных комплексов, против 6–8 в гренландских диалектах. По существу, в языке только две части речи: имя существительное и глагол, причем каждая может быть превращена в другую. От этих частей речи трудно отличить прилагательные, наречия, числительные и местоимения, которые могут принимать глагольные и существительные формы. Язык азиатских эскимосов сохранил древние формы так называемого звательного падежа с суффиксами «й» и «ми», отсутствующие в диалектах Америки и Гренландии. Указанная форма, с суффиксом «й», выражает обращение. Напр.: «арнарай» — «женщины!». В старинных шаманских песнопениях известна и другая форма, с суффиксом «ми» в единственном числе и «ни» во множественном. Напр.: «таруми» — «человек!», «таруни» — «люди!».

Интересен так называемый «шаманский язык», или «язык духов», применявшийся исключительно шаманами во время обрядов и сеансов. Словарь этого языка содержит слова описательные, не употребляющиеся в обычной речи.

Обычная речь	Шаманский язык
Морж — «арвок»	«тувутилик» — буквально «клыкастый»
Тюлень — «ныхсяк»	«уналик» — «усатый»
Человек — «юк»	«тару» — «душа»

Согласно мнению В. Г. Богораза, язык эскимосов СССР распадается на три диалекта: северный — нывоканский, центральный — уназикский и южный — серенекский. Преобладает центральный диалект, на котором говорят жители сел. Секлюк, Уназик, Кивак, Авань, Урелек и эскимосы, переселившиеся на побережье зал. Креста и о-в Врангеля. На этом же диалекте говорит теперь и большинство эскимосов сел. Серенек. Самостоятельный диалект его быстро исчезает и сохранился только у немногих эскимосов.

Указанные диалекты подразделяются на отдельные говоры, число которых и особенности еще не установлены.

Продолжительные сношения с американскими китоловами и торговцами оставили в языке азиатских эскимосов незначительное коли-

чество английских слов. Напр.: куля — уголь, английское “coal”; мани — деньги, английское “money”.

Встречающиеся в дореволюционной литературе указания о том, что «большинство азиатских эскимосов говорят по-английски», не соответствовало действительности. На ломаном торговом жаргоне говорили только отдельные лица. Также слабо знали до революции, и то лишь отдельные эскимосы, и русскую речь.

Язык эскимосов СССР изучен недостаточно. По существу, Нывоканский и Серенекский диалекты научно еще не записаны. Точные различия всех трех диалектов еще не установлены. Как краткий очерк грамматики⁹, так и другие лингвистические статьи В. Г. Богораза основаны на собранных им материалах центрального диалекта. На последнем были даны и вышеприведенные примеры.

Антропологически эскимосы Союза почти не изучены. По опубликованным данным Северо-Тихоокеанской экспедиции Джексона (1901 г.) показатели: рост 162 см, головной указатель 81, скуловой диаметр 148 мм — близки к таковым же у приморских чукоч. По внешним признакам тип эскимосов не однороден. Преобладающий тип характерен длинноголовостью, с сильно развитыми челюстями и скулами, коричневыми, косо поставленными глазами и монгольской складкой, узким, часто с горбинкой носом. Второй тип, близкий к чукотскому, более широкоголов; большие коричневатые глаза поставлены прямо, челюсти и скулы развиты меньше, нос широкий. Цвет кожи смуглый, волосы черные, жесткие, прямые. Волосистой покров лица развит слабо, мужчины средних лет большей частью безусые и безбородые.

По данным Всесоюзной переписи 1939 г. эскимосов СССР насчитывалось всего _____ человек¹⁰. По переписи 1897 г. их было 1307 чел., по переписи 1926/27 г. — 1293 чел. Обе последние цифры преувеличены, так как в обоих случаях к эскимосам была причислена и часть приморских чукоч. Другие данные довольно различны.

⁹ В. Г. Богораз, Юитский (азиатско-эскимосский) язык, Языки и письменность народов Севера, часть III: Языки и письменность палеоазиатских народов. Л., 1934, стр. 102–128. (Труды по лингвистике НИИ Института народов Севера ЦИК СССР, т. III). См. также библиографию.

¹⁰ [Прим. сост.] Число в рукописи пропущено; данных об эскимосах в опубликованных материалах переписи 1939 года нет.

Эскимосы расселены на крайнем северо-востоке СССР, на восточном и южном побережье Чукотского полуострова, по берегам залива Креста, на островах: Б. Диомид (сел. Имакле), Итыгран — Напакутак (сел. Секлюк) в Беринговом проливе и на о-ве Врангеля, в Ледовитом океане (см. карту). На Чукотском полуострове эскимосы обитают в следующих селениях: Нывокак (у мыса Дежнева), Уназик (на мысе Чаплина), Кивак (у мыса Чукотского), Авань (у входа в бухту Провидения), Аслек (Пlover) и Урелек (бухта Провидения), Серейнек (у мыса Улаппен). Жители сел. Имтук около одноименного мыса переселились после 1933 г. в сел. Серейнек и только иногда переходят на старое место для морского промысла. Не существует в настоящее время и считаемого иногда эскимосским сел. Чечан: жители его переехали в сел. Кивак. На северном и южном берегах залива Креста эскимосы (около 160 чел.) живут в двух селениях: Нутэпынмын и Валькалэн. Отдельные семьи эскимосов живут в окружном центре — р. п.¹¹ Анадырь и в его окрестностях. В 1926 г. группа эскимосов из селений Уназик и Урелек (45 чел.) выехали в составе Советской Колонии на о-в Врангеля.

Эскимосы Чукотского полуострова распадаются на три территориальные группы, отличающиеся лишь диалектологическими особенностями языка. К северной, отдаленной от других эскимосских групп чукотскими селениями (см. карту), принадлежат жители сел. Нывокак. Центральная состоит из селений около мыса Чаплина. Южная группа представлена одним селением Серейнек. К указанным группам относится по языку территориально отдаленное население залива Креста и о-ва Врангеля, переселившееся туда из селений центральной и южной групп. Жители острова Большой Диомид близки по особенностям языка к эскимосам Аляски. Все азиатские эскимосы оседлы, кочевых эскимосов в пределах СССР нет.

До революции территория расселения эскимосов входила в Чукотский и Анадырский уезды Камчатской губернии. Указанное административное деление сохранялось и после революции. В 1926 г. оба уезда были преобразованы в районы бывшего Камчатского округа. При национальном районировании Крайнего Севера (1930 г.) районы эти вошли в Чукотский национальный округ, подчиненный непосредственно Далькрайисполкому. В 1934 г. округ (и районы) были отнесены

¹¹ [Прим. сост.] Рабочий поселок.

Глава I. Общие сведения об эскимосах...

к Камчатской области Дальневосточного края, при разделении же последнего (1939 г.) — к Хабаровскому краю той же Камчатской области. Остров Врангеля, находящийся в ведении Главного Управления Северного пути при Совнаркоме СССР, в административном отношении подчинен Хабаровскому краю.

Из общего количества 1286 эскимосов 85 % их живет на Чукотском полуострове. Численность эскимосского населения по отдельным селениям Чукотского и Анадырского районов, а также и по острову Врангеля, по данным на 1 августа 1938 г. такова:

Наименование селений	Число хоз-в	Численность всего населения	Эскимосы	Метисы эскимосы-чукчи	Чукчи	Сельсоветы
Чукотский район						
1. Имаклек (Б. Диомид)	2	16	16	—	—	Диомидский
2. Нывокак	65	343	343	—	—	Науканский
3. Секлюк	9	55	55	—	—	Чаплинский
4. Уназик	48	246	239	—	7	
5. Кивак	17	96	42	23	31	Кивакский
6. Авань	8	46	46	—	—	
7. Урелек	11	63	63	—	—	Уреликовский
8. Аслек	7	21	21	—	—	
9. Серейнек	36	192	192	—	—	Серейниковский
Итого по р-ну	203	1078	1017	23	38	
Анадырский район						
1. Нутэнынмын	8 (чук. 24)	168	35	—	133	Нутэнынмынский
2. Валькалэн	19 (37)	182	123	—	59	Валькалэнский
3. Анадырь	4	св. нет	18	—	св. нет	
Итого по району	31		176			
О-в Врангеля	12	св. нет	70			
Итого	246		1263	23	1286 человек	

Наиболее крупными селениями являются Нывокак (343 чел.), Уназик (239) и Серейнек (192 чел.). Большинство селений населены лишь эскимосами. Исключение составляют: сел. Кивак, где происходит в настоящее время процесс смешения эскимосов с чукчами путем браков, здесь образовалась даже небольшая группа метисов (23 чел.); в селениях Нутэнынмын, Валькалэн эскимосы живут вместе с чукчами, но заметно с ними не смешиваются.

Как было указано выше, большинство эскимосов живет в Чукотском районе, на восточном и юго-восточном побережье Чукотского полуострова. Географическое понятие полуострова не совпадает с административными границами района. Полуостров является продолжением, восточной частью Чукотского, или Анадырского, хребта¹². Он предоставляет собой четырехугольный выступ азиатского материка на крайнем его северо-востоке, восточнее линии, проведенной от вершины залива Креста к вершине Колючинской губы¹³. Чукотский район имеет вполне четкие административные границы. Восточная граница его, являющаяся вместе с тем и государственной, проходит по Берингову проливу, между островами Большой Диомид (СССР)¹⁴ и Малый Диомид (США)¹⁵ и направляется в море по меридиану 180° восточной долготы от Гринвича между мысами Чаплина и о-вом Св. Лаврентия, принадлежащим США. Западная граница района — водораздел рек бассейна Амгуэмы и Эмувээм. Последняя река течет уже в пределах соседнего Чаунского района Чукотского нац. округа. Вглубь страны граница идет вплоть до истоков притока Амгуэмы — р. Тэлэкайвээм и до Анадырского (Чукотского) хребта, поворачивая отсюда на юго-восток по хребту и отделяя Анадырский район от Чукотского. Южной границей между ними является бухта Преобра-

¹² С. В. Обручев, К. А. Салищев, Чукотская летная экспедиция 1932–1933 гг., вып. II. Л., 1936, стр. 160. (Труды Арктического Института, т. LIV: Геология).

¹³ Так определяют границы полуострова С. де Ливрон и М. Клыков в книге «Лоция северо-западной части Восточного океана» (часть IV: Берингово море и пролив Беринга. СПб., 1910, стр. 208–209).

¹⁴ О нем см. статью: А. В. Власенко, Остров Большой Диомид, Изв. Гос. Географического Об-ва, т. XVII, вып. I, 1935, стр. 132–136.

¹⁵ О нем см. статью: D. Jennes, Little Diomed Island, Bering Strait, Geographical Review, vol. XIX, no. 1, 1929, pp. 78–86.

жения. Северная граница района начинается от урочищ Тенкервик — Такокаген (западнее устья р. Амгуэмы) и идет по побережью Чукотского моря, на восток, до районного центра — чукотского селения Уэлен.

Таким образом, эскимосы живут на стыке не только двух величайших материков, Азии и Америки, но и на границе двух крупнейших государств мира — Союза Советских Социалистических Республик и капиталистических Соединенных Штатов Северной Америки. Лишь небольшое водное пространство около 4 миль отделяет советский о-в Б. Диомид от американского о-ва М. Диомид. В ясные дни из селения Нывокак бывает видно как о-в М. Диомид, так и горы Аляски — мыс пр. Уэльского.

Географическая среда обитания эскимосов — возвышения (от 500 до 1000 м): скалистая полоса побережья Берингова пролива и моря, между мысами Дежнева и Улахпен¹⁶. Такой же характер носят и расположенные близ побережья о-ва Б. Диомид (Имаклеп), Аракамчечен (Кихи) и Итыгран (Напакутак).

Береговая полоса изрезана выдающимися в море мысами, заливом Лаврентия и несколькими губами (Абелешева, Грумгылит и Пенкигней). В южной части полуострова находятся бухты Маркова и Преображения и глубоко вдающаяся в материк бухта — ныне порт — Провидения. Только местами, напр. у залива Мечигмен, около мысов Чаплина и Низменного, возвышенный характер берега сменяется низменными лагунами и намывными песчано-галечными косами. Как особенность местной природы следует отметить наличие горячих источников близ эскимосских селений Нывокак, Уназик, а также на острове Аракамчечен и в проливе Сенявина.

Климат территории расселения эскимосов неоднороден. Северный пункт расселения — сел. Нывокак находится под влиянием воздушных течений полярной области, ледовитости холодного Чукотского моря и циклонов, приходящих со стороны Тихого океана. Длительная зима с октября до июня сопровождается низкими температурами до -45° в январе. Сильные осенние и зимние северо-западные ветры приносят жестокие пурги, продолжающиеся неделями. Лето характерно туман-

¹⁶ Описание побережья см. подробно у С. де Ливрона и М. Клыкова, указ. соч., стр. 216–234 и 250–284.

нами и ночными заморозками (в июле). В юго-восточной и южной части побережья (сел. Уназик, Авань, Серейнек) преобладает влияние относительно теплых воздушных течений Тихого океана. Климат здесь несколько мягче. Продолжительность зимнего сезона меньше (ноябрь-апрель). Южные ветры, иногда дующие и зимой, приносят кратковременные оттепели и вместе с тем «мокрые» пурги. Однако весной и осенью обычны морозящие дожди и туманы. Прибрежные воды не покрываются здесь сплошным льдом, и в декабре-январе, когда Берингов пролив уже бывает заполнен дрейфующим льдом, близ данных селений можно наблюдать большие пространства открытых вод.

Растительность прибрежной тундры чрезвычайно разрежена и слагается преимущественно мхами и лишайниками. Наиболее крупными ее представителями являются карликовые ива и береза, а также некоторые цветковые травянистые растения¹⁷. Лишь в некоторых укрытых от ветров местах, глубинных районах бухт и по долинам речек растут кустарники, достигающие двух метров в высоту (напр., на отдельных склонах гор, между сел. Нывокак и чукотским сел. Уэлен, в бухте Пенкигней и др. местах).

Промысловая фауна моря представлена типично арктическими и более южными формами: китами — гренландским и серым калифорнийским, белым дельфином (белуха), из ластоногих здесь еще многочисленен морж тихоокеанский¹⁸, тюлени¹⁹ — нерпа серая, пестрая, реже крылатка, латах. Изредка с севера приходит по льдам зимой белый медведь. В более значительном количестве водится белый медведь на острове Врангеля.

Летом в речках Чукотского полуострова появляется тихоокеанский лосось (голец, горбуша). Но по сравнению с водами Камчатки количество его незначительно и ход его имеет лишь местное промысловое

¹⁷ Подробно о растительности см. у Б. Н. Городкова, Ботанико-географический очерк Чукотского побережья, Ученые записки Лен. гос. пединститута им. А. И. Герцена, т. XXI, 1939, стр. 99–173.

¹⁸ См. о нем у С. И. Огнева, Звери СССР и прилежащих стран, т. III. Л.; М., 1935, стр. 333–356; также см.: Д. О. Белополюский, О миграциях и экологии размножения Тихоокеанского моржа, Зоологический журнал, т. XVIII, вып. V, 1939, стр. 762–778.

¹⁹ С. И. Огнев, указ. соч., стр. 357–465, 502–510, 523–540, 574–600.

значение. Некоторые озера, как Ачон, отличаются средоточием рыбы. Из других промысловых мест следует указать в этом отношении реку Курупкан и озера близ селения Уназик.

Наземные млекопитающие представлены белым песцом, красной лисицей, зайцем, волком. В прибрежной тундре обычны евражка, лемминг и другие мелкие грызуны. Однако по сравнению с северным побережьем полуострова животный мир территории расселения эскимосов в количественном отношении довольно беден. В значительном количестве водится белый песец на о-ве Врангеля.

На морском побережье большое количество океанических птиц (кайры, чистики, бакланы и др.) образуют настоящие птичьи базары, например у сел. Нывокак, на о-ве Б. Диомид. У берегов держится также много различных уток, часть которых остается и на зиму. Из зимующих птиц водятся полярные сова и куропатка, кречет, ворон и др. Весной и осенью над побережьем пролетают бесчисленные стада уток, гусей и других пролетных птиц.

Известные ранее, а также разведанные, в особенности за последние годы, месторождения полезных ископаемых открывают перед территорией расселения эскимосов перспективу и промышленного развития.

Специфические условия географической среды, море с богатой и своеобразной фауной, относительная недостаточность животного мира и рыбных запасов определили собой основное занятие эскимосов — морской зверобойный промысел.

**ГЛАВА II. [Археологические культуры и коллекции.
Обмен с соседями. Отношения с американскими
торговцами и с русским правительством в начале XX в.]**

Вопрос о происхождении эскимосов далеко еще не выяснен. Между тем с ним связано исследование многих других важных проблем древнейшей истории народностей Крайнего Севера СССР, в частности проблема заселения американского континента.

По одному наиболее раннему мнению, разделявшемуся в СССР проф. В. Г. Богоразом, азиатские эскимосы — остаток эскимосов, перешедших в Америку по суше, соединявшей в конце четвертичного периода оба материка. Другие ученые-американисты полагают, что эскимосы пришли в Азию из Америки. Третьи исследователи связывают предков современных эскимосов с населением верхнего палеолита Западной Европы. Исследования ученых Америки, Западной Европы и СССР в последние годы подтверждают большую сложность проблемы. Археологические и фольклорные данные показывают, что эскимосы СССР насчитывают длительный период своего развития. Однако древняя история их остается во многом еще не ясной, хотя археологические памятники дают некоторую возможность судить о ней и до прихода русских завоевателей (XVII ст.)

Археологические памятники Чукотского полуострова указывают, что древняя берингоморская культура, установленная раскопками 1926–1936 гг. на северном (до м. Барроу) и северо-западном побережье Аляски и на о-вах Диомиды и Св. Лаврентия, существовала и на азиатском берегу Берингова пролива. Большое количество предметов этой культуры хранится в музеях США и Канады. Имеются они и в музеях СССР. Так, в археологическом отделе Государственного Музея Этнографии (Ленинград) и в Государственном Историческом музее (Москва) находятся коллекции отдельных предметов вышеуказанной культуры. Коллекция первого музея была доставлена с Чукотского полуострова еще в 1909 г. Судя по кратким описям, предметы ее были найдены в окрестностях поста Дежнева на восточном, а также близ сел. Секлюк, на юго-восточном побережье полуострова.

Ряд предметов был приобретен покупкой у местного населения.

При полном невнимании в дореволюционное время к истории народов Крайнего Севера эта интересная коллекция так и осталась неопубликованной.

Коллекция эта теперь полностью описана и подготовлена к печати А. В. Мачинским, из рукописи которого и заимствованы нижеприводимые сведения.

Основную группу предметов данной коллекции составляют разнообразные по форме наконечники гарпунов, сделанные из моржового клыка. Все они коричневого или даже темного цвета, что свидетельствует о длительном нахождении их под землей. По своей форме они отличны от современных наконечников гарпунов, бытующих у азиатских эскимосов и сейчас. Особенностью старинных наконечников является также и их особый орнамент.

Среди других предметов можно указать на фигурку белого медведя из кости, миниатюрный каяк из моржового клыка, костяную копьеметалку и похожий на бабочку предмет неизвестного назначения. Фигурка медведя несколько отлична от таковых же, известных по раскопкам с о-ва Св. Лаврентия. Медведь изображен с вытянутой вперед мордой и подогнутыми, также вытянутыми вперед ногами. Большой интерес представляет костяная копьеметалка, найденная у селения Секлюк. До сих пор из раскопок американских ученых были известны лишь копьеметалки из дерева, причем исследователи относили их к позднему периоду древне-берингоморской культуры. В отличие от плоских копьеметалок с о-ва Св. Лаврентия, она согнута вдоль под прямым углом. Вдоль всей внутренней стороны идет желобок. У переднего конца ее с боков два выреза, служившие очевидно для захватывания рукой. Не менее интересен другой предмет — миниатюрный каяк из моржового клыка с изображением в центре человеческого лица. Вероятно, оно представляло собой сидящего в каяке человека. Факт находки копьеметалки и изображения каяка показывает, что эти характерные для эскимосской культуры предметы были известны предкам азиатских эскимосов в древнейший период их истории.

В той же коллекции имеются предметы аналогичные из раскопок с о-ва Св. Лаврентия, датируемые американскими археологами более поздней, так называемой Пунукской стадией древне-берингоморской культуры. Среди них следует отметить наконечники гарпунов из моржового клыка с характерным для этой стадии орнаментом, тонкий костяной наконечник копья для добычи рыбы, костяные щитки для предохранения запястья руки от удара тетивы при стрельбе из лука и др.

В указанной коллекции представлены также оббитые и шлифованные орудия из камня, ножи и наконечники копий из сланца, отнесение которых к той или иной стадии древне-берингоморской культуры представляется затруднительным.

Вторая коллекция была доставлена в Исторический музей в 1936 г. Предметы ее (около 2-х десятков) были найдены в развалинах старинных эскимосских жилищ бухты Провидения. В основном эта коллекция датируется поздней Пунукской стадией древне-берингоморской культуры. Среди предметов ее (наконечники гарпунов, орудия из камня и др.) интересен сосудик из китового уса. Каких-либо других, неизвестных первой коллекции предметов она не дает. Помимо вышеуказанных коллекций имеются отдельные, правда случайные, находки, подтверждающие справедливость мнения американских археологов о широком распространении древне-берингоморской культуры вплоть до устья реки Колымы. В 1931 г. работниками Чукотского Районного Исполнительного Комитета был найден у чукотского селения Инчоуна (к западу от сел. Уэлен) обломок предмета из моржового клыка, потемневший от времени. Особенностью находки являлся орнамент, характерный для древне-берингоморской культуры. Спутник Р. Амундсена по экспедиции «Мод» — Х. Свердруп нашел при раскопках на одном из островов в устье реки Колымы два наконечника гарпуна типа Бирнирк. Этот тип, впервые найденный на мысе Барроу (Аляска), является переходным от древне-берингоморской культуры к другой, так называемой Туле-культуре. О ее характерных особенностях будет сказано ниже. В этой связи вспомним находки мореплавателя А. Э. Норденшельда на мысе Шмидта, расположенном на побережье Чукотского моря. Во время своей экспедиции на «Веге» (1878 г.) исследователь посетил мыс Шмидта и обратил внимание на развалины старинных жилищ. В них были найдены предметы (каменные топоры, наконечники копий и гарпунов, стрелы для охоты на птиц, ножи из сланца и др.). Найденные орудия, наконечники гарпунов и др. предметы отличались от таковых же, употребляемых местными чукчами. Основываясь на чукотском предании, исследователь приписал эти находки «онкилонам», народу, некогда обитавшему на мысе Шмидта. Оставляя данное предание пока в стороне, отметим, что помещенный на таблице [так] книги А. Э. Норденшельда «Плавание Веги» рисунок «костяного

наконечника копья» оказывается на самом деле наконечником гарпуна типа Туле.

Известны также другие находки предметов Пунукской стадии берингоморской культуры и Туле-культуры с восточного и южного побережий Чукотского полуострова.

Еще в 1904 г. В. Г. Богораз опубликовал в своей монографии «Чукчи» несколько наконечников старинных эскимосских гарпунов из сел. Серейнек, среди которых два напоминали Пунукский тип. В 1924 г. известный исследователь зарубежных эскимосов Кнуд Расмуссен приобрел у эскимосов и чукчей Чукотского полуострова коллекцию предметов, найденных ими в развалинах старинных жилищ близ поста Дежнева. Большинство наконечников гарпунов данной коллекции датируются концом Пунукской стадии древне-берингоморской культуры и имеют много общего с типом Туле.

Все вышеуказанное позволяет подтвердить мнение американских археологов о существовании древне-берингоморской, а также Туле-культуры не только на азиатском берегу Берингова пролива, но и на побережье Чукотского и Восточно-Сибирского морей вплоть до р. Колымы. О юго-западном распространении этих культур сказать еще трудно. Каких-либо находок далее к западу от бухты Провидения и сел. Серейнек пока еще не сделано. Мнение Г. Коллинза о том, что древне-берингоморская культура была распространена также и до устья р. Анадырь, требует еще подтверждения.

Факт наличия древних культур на Чукотском полуострове несомненен, но он, поскольку систематических раскопок здесь еще не производилось, ничего не говорит об их характере и социально-экономическом облике их носителей. Несомненно одно, что последние были морскими охотниками и предками современных азиатских эскимосов.

О характере и развитии древне-берингоморской культуры можно судить по многочисленным памятникам, исследованным американскими археологами — Грдличкой, Коллинзом, Гэйстом, Рэйни, а также канадским ученым Дженнесом. Последнему и принадлежит заслуга открытия в 1926 г. на мысе пр. Уэльского (Аляска) и о-вах Диомиды археологической культуры, названной им «древней культурой Берингова моря». Последующие раскопки на о-ве Св. Лаврентия и близ него на небольших островах Пунук дали особо плодотворные результаты.

Появилась возможность судить о древнейшей истории населения северной части Берингова моря.

Ведущими формами этой культуры, точнее стадии, являются по Коллинзу наконечники гарпунов и предметы домашнего обихода из моржовых клыков, богато орнаментированные в особом стиле, с характерным сочетанием плавных кривых линий, кружков и эллипсов. После неизвестного периода развития богатый и тонкий орнамент древне-берингоморской культуры переходит около тысячелетия тому назад в более простой, характеризующийся сочетанием грубо сделанных, вероятно металлическим орудием, точек, кружков и эллипсов на тех же самых предметах. Среди памятников этой так называемой Пунукской культуры (точнее стадии) были обнаружены орудия с маленькими железными наконечниками, видимо, из метеорного железа. Различие между двумя стадиями можно проследить и в технике изготовления каменных орудий. На древней, берингоморской, стадии орудия преобладают оббитые, реже встречаются шлифованные орудия: топоры из камня, ножи из сланца и пр. Пунукская культура, наоборот, представлена малым количеством оббитых орудий, большинство их отшлифовано. На этой стадии появляется также много новых неизвестных до этого времени предметов: костяные пластинки панциря, щитки из кости для предохранения запястья руки при спуске тетивы лука, просверленные кусочки моржовой кости — остатки закидного орудия для ловли птицы и др. Среди других предметов обихода известны плоские глиняные жирники, горшки с грубо вдавленным орнаментом, тяжелые полозья саней из моржового клыка, служившие для перевозки добытых тюленей, мотыги также из моржового клыка, рукоятки женских ножей, костяные сверла, сосуды из китового уса. Деревянные остатки большой лодки и часто встречающиеся изображения фигурки охотника в каяке из моржового клыка свидетельствуют о развитии морских средств передвижения. Продолговатые костяные грузила указывают на существование подледного рыболовства.

Выше было указано об изменении на памятниках Пунукской культуры орнамента и о появлении новых предметов. Существенные изменения происходят и в жилище. Небольшое полуподземное жилище с каменным полом прямоугольной формы и длинным тунелеобразным коридором было характерно для первой стадии — с деревянными

стенами, сделанными из плавника. В Пунукской стадии оно сменяется таким же жилищем несколько большего размера, но со стенами, сложенными из камней, китовых костей и моржовых костей, и моржовых черепов. Последнее свидетельствует о возросшей роли охоты на китов и моржей.

Среди памятников обеих культур не было найдено ни плоских полозьев саней, ни остатков упряжи, ни других следов ездового собаководства. Обнаруженные собачьи черепа пробиты орудием. Очевидно, мясо и мозг собак шли в пищу.

В слоях Пунукской культуры были найдены также особые костяные втулки; точно такие же втулки эскимосы Аляски, о-вов Диомиды и Св. Лаврентия носили в прорезях щек и губ еще в конце XIX ст. Они были известны и эскимосам Чукотского полуострова. В числе прочих предметов необходимо указать колотушку шаманского бубна, сделанную из моржовой кости. Она была найдена на о-ве Св. Лаврентия среди предметов Пунукской культуры.

Конец Пунукской стадии древне-берингоморской культуры характеризуется грубо сделанными без орнамента наконечниками гарпунов. Они хорошо датируются находимыми вместе с ними стеклянными бусами и кусками железа, полученными путем обмена от русских, т.е. XVII ст.

Вышеописанные памятники той и другой стадии древне-берингоморской культуры позволяют составить представление об их носителях. Это были арктические морские охотники на тюленей, моржей, китов. Они добывали их с помощью гарпуна с наконечником из кости и камня. Морская охота была основным занятием. Они вели оседлый образ жизни, обитая в полуподземных жилищах. Их религией, по крайней мере на Пунукской стадии, было шаманство. Об общественном строе этих древних морских охотников сказать пока ничего нельзя. Находки древних памятников близ современных эскимосских селений, а также типичный промысловый инвентарь, отдельные пережитки которого сохранялись у современных эскимосов еще в XIX ст., свидетельствуют о прямой связи древнего населения побережья и островов северной части Берингова моря с современными эскимосами, а в какой-то мере и с приморскими чукчами.

Выше было приведено мнение Коллинза о распространении древне-берингоморской культуры к западу от Берингова пролива вплоть

до устья реки Колымы. Есть ли другие данные, помимо случайных находок А. Э. Норденшельда и Х. Свердруп, свидетельствующие о расселении носителей этой культуры — предков азиатских эскимосов на побережье Чукотского и Восточно-Сибирского морей? Уже В. Г. Богораз обратил внимание на названия некоторых чукотских селений полярного побережья полуострова. Собственно чукотские их названия не имели значения, но объяснялись из языка азиатских эскимосов. Так, например, название селения Икэлюрун объясняется эскимосским Икалюак — порода рыбы (местное русское «вахня»). Селение Нэскан переводится эскимосским «наскок» — «голова», о-в Кулючин эскимосским «Кулусик» — «старая ледяная гора». Помимо этих данных В. Г. Богораз приведем и другие. Так, близ Кулючинской губы имеется возвышенность с уже упоминавшимся названием — нэскак. Между мысами Ванкарем и Шмидта находится ныне оставленное селение Тэнкервик. Окончание названия его «вик» характерно для эскимосского языка. Топонимика побережья к западу от мыса Шмидта детально не изучалась, среди же известных по современным картам названий селений между мысом Шмидта и Чаунской бухтой каких-либо особенностей нет. Здесь зато имеются другие свидетельства. Путешественник Ф. Врангель отмечает на всем протяжении берега от мыса Шелагского до Берингова пролива «следы хижин, совершенно отличных от тех, в которых обитают горные чукчи. Судя по остаткам, хижины эти были несколько углублены в землю и покрывались китовыми ребрами и землей». Далее Ф. Врангель передает чукотское предание, повествующее о народе онкилон, который «200 лет тому назад занимал весь азиатский берег от Шелагского мыса до Берингова пролива и с которым оленные чукчи вели ожесточенную войну». А. Э. Норденшельд также нашел на мысе Шмидта «остатки множества древних жилищ, принадлежавших народу, называвшемуся онкилоны и жившему в старину в этих местах. Их жилища были отчасти построены из китовых костей и наполовину помещались под землей».

Название «онкилоны» — искаженное чукотское «анкалэн» — «приморский житель» говорит лишь о том, что этот народ жил оседло на берегу моря и занимался морской охотой. Гораздо более важны указания на полуподземные жилища. По своему облику они напоминают полуподземные жилища из китовых костей, ребер, камней и торфа, характерные для так называемой культуры Туле, хронологически более

поздней, чем культура «Берингова моря». Область распространения культуры Туле обширнее. Она простирается, очевидно, от мыса Шелагского по побережью Чукотского полуострова, затем переходит на север Аляски, Канады, захватывая также и Гренландию. На восточном побережье Чукотского полуострова памятники ее известны из окрестностей поста Дежнева. Американский археолог Рэйни доказал присутствие памятников Туле и на о-ве Св. Лаврентия.

Носители Туле-культуры также были предками современных эскимосов. Их основным занятием была морская охота на моржей, тюленей и в особенности за китом. Охотились как с больших лодок, так и с каяков. Орудия охоты изготовляли из камня, китовых костей и моржового клыка. Тот же материал служил и для изготовления предметов домашнего обихода. Эскимосы Туле-культуры жили в больших поселениях из круглых по форме жилищ, которые строили из китовых черепов, ребер, челюстей, камней и торфа.

Памятники Туле-культуры, собранные К. Расмуссеном на Чукотском полуострове, позволяют сделать заключение, что и азиатские эскимосы проходили стадию Туле-культуры — общую и остальным эскимосским племенам.

Чукотские предания, относимые В. Г. Богоразом к XII–XIII ст., повествуют о постоянных войнах с азиатскими эскимосами. Эти предания рисуют поединки из-за морской добычи, в которых участвуют безымянные чукчи оленеводы (чаучу) и эскимосы (айваны) — морские охотники. Более поздние предания о войнах полны уже подробностями, и герои их имеют имена. По старому преданию, записанному Ф. Врангелем, слышанному также В. Г. Богразом в 1901 г. и автором в 1932 г., на мысе Шмидта произошла в давнее время битва между оленеводами-чукчами и жившим здесь приморским народом. Это предание об «Онкилонах», о которых упоминает А. Э. Норденшельд, следует, очевидно, связывать с древним расселением эскимосов на побережье Чукотского моря, подтвержденном распространением на запад памятников «берингоморской культуры», и с натиском оленеводческих племен на оседлых приморских охотников.

Значительным фактом истории эскимосов еще до XVII ст. был оживленный непосредственный обмен, который они вели, помимо чукчей, с эскимосами о-ва Св. Лаврентия и Аляски. Азиатские эскимосы совершали торговые поездки далеко на юг по побережью Аляски.

Главное участие в этих поездках принадлежало эскимосам сел Нывоак и мыса Чаплина. Торговые поездки перемежались пиратскими налетами и грабежами. В этих предприятиях эскимосов в роли союзников участвовали и чукчи. Этот оживленный обмен происходил в XVIII и в начале XIX ст. Одним из центров его были острова Диомиды, куда приезжали на лодках обе группы эскимосов, а также и чукчи.

Продуктами обмена со стороны азиатских эскимосов были шкуры молодого оленя, замша, меховые рубахи, зимняя обувь, мясо и сало оленей. Из Аляски шли шкурки речных бобров и куницы, посуда из гнутого дуба, одежда из меха водяной крысы. По преданиям, из Аляски привозились также каменные топоры, медные иглы и даже рабы, захваченные в межплеменных войнах. Продукты, получаемые из Аляски, эскимосы обменивали оленным чукчам, получая от них шкуры молодых оленей, замшу и т.п. Оленеводам эскимосы обменивали подошвенную кожу тюленя-лахтака, тюлений жир, обувь из тюленьей кожи, китовый жир.

В XVII–XVIII ст. в этом обмене обращаются железные изделия (ножи, копья), стеклянные бусы и пронизки, которые эскимосы получали обменным путем через посредство чукчей от русских из Анадырской крепости. С прекращением русско-чукотской войны в конце XVIII ст. и с установлением на Колыме так называемой Анюйской ярмарки русские товары, в особенности железные изделия, медная посуда, листовой табак, чай, через оленеводов чукчей, а затем и эскимосов, все больше и больше проникают в Аляску.

Обменные отношения были развиты между азиатскими эскимосами о-ва Св. Лаврентия. Население его изготовляло специально для обмена деревянную посуду и полозья нарт из выкидного леса.

В 50-х гг. прошлого столетия на севере Берингова моря появляются в поисках китов иностранные, преимущественно американские суда, команды которых скоро завязывают торговлю с населением побережья Аляски, Чукотского полуострова, островов Св. Лаврентия и Диомиды. В связи с этим описанный выше самобытный межплеменной обмен претерпевает значительные изменения. К 80-м гг. заметно сокращается обмен эскимосов Чукотского полуострова с эскимосами Аляски и о-ва Св. Лаврентия. Такое значительное место обмена как острова Диомиды теряет теперь свое значение. Русские товары, привозимые ранее с Анюйской ярмарки, вытесняются американскими. Предметы, фигуриро-

вавшие ранее в торговле с русскими на ярмарке (моржовый клык, меха, особенно шкурки бобров), поступают к китоловам.

Усиленным спросом со стороны китоловов пользуются китовый ус, одежда из оленьих шкур и непромокаемая обувь из шкур тюленя.

Эскимосы выступают теперь как торговые посредники между китоловами и оленеводами тундры. Летом такие посредники отправлялись в больших кожаных байдарках с товарами, вымененными у китоловов, вдоль побережья до Кулючинской губы на западе и до устья реки Анадыря на юге. Зимой они ездили в тундру к оленним чукчам на собаках. Такой обмен происходил с оленеводами, а также с приморскими чукчами, особенно тех селений, к которым не подходили китобойные суда.

От китобоев эскимосы получили много новых предметов и продуктов: огнестрельное оружие, железную посуду, стальные ножи и топоры, ткани, белую муку, плиточные курительные и жевательные табаки. Вся торговля с китоловами носила меновой характер, причем обмен был неравноценным и китоловы получали большую прибыль. Центрами такой меновой торговли в 80–90-х гг. прошлого столетия были эскимосские селения: Имтук, Урелек, мыс Чаплина, Нывокак и чукотское селение Уэлен. Китоловы имели для некоторых эскимосских селений свои наименования, которые и до сего времени встречаются на иностранных картах побережья Берингова моря. Так, сел. Имтук они называли Джонс Холланд-Бэй, мыс Чаплина — Индиан Пойнт, сел. Нывокак — Ист-Кэйп, эти наименования до сих пор обычны для иностранной литературы, в которой упоминаются азиатские эскимосы.

Пользуясь полным отсутствием на Чукотском полуострове царской администрации и беззащитностью его населения, китоловы истребляют китов, разоряют моржовые лежбища, ввозят в большом количестве спиртные напитки и спаивают эскимосов при обмене. Частыми явлениями становятся насильственный увоз китоловами женщин на промысловый сезон и заболеваемость венерическими болезнями. Китоловы нанимали на свои суда матросами, гарпунерами мужчин, причем некоторые из них уезжали на зимнюю стоянку китоловов в Сан-Франциско. Эскимосы восприняли от китоловов огнестрельное оружие, металлическую посуду и другие товары и некоторые культурные навыки — знание компаса и часов, счет и календарь. Но это прогрессив-

ное влияние сопровождалось крайне отрицательными последствиями. Падение местных промыслов вызвало голодовки. Едва ли не первым таким бедствием был страшный голод 1878–1879 гг., от которого вымерло почти все население бухты Провидения. Хотя случаи голода бывали у эскимосов и раньше, однако в 80-х гг. прошлого столетия они становятся обычным явлением.

Вымиранию населения способствовали эпидемические болезни, заносимые китоловами. Один из эскимосов очень характерно указал В. Г. Богоразу: «В древнее время постоянная война уносила человеческий прирост. После того, несмотря на большое обилие морского зверя, являлся голод и опять уносил излишек. Теперь, когда американцы привозят в обилии муку и масло, является болезнь и опять-таки уносит прирост».

Своеобразное географическое положение эскимосов на стыке двух материков, существование в азиатских районах их расселения оленеводства, в продуктах которого нуждалось население Аляски, спрос оленеводов-чукчей на тюлений жир, необходимый им для освещения жилищ, — все это оказывало еще до прихода китобоев сильное влияние на развитие межплеменного обмена. В обмене этом, по всем данным XVIII ст., главную роль играли азиатские эскимосы.

Развитие межплеменного обмена способствовало дальнейшему обособлению отдельных семей, выделению среди них таких семей, которые сосредоточивали в своих руках большое количество продуктов. Это объясняет роль эскимосов в обменной торговле с китоловами и возникновение на этой основе эскимосских торговцев. В 80-х гг. прошлого столетия таким крупнейшим торговцем Чукотского полуострова стал эскимос Кувар с мыса Чаплина. Путешественники братья Краузе, посетившие Чукотский полуостров летом 1881 г., указывают, что Кувар имел даже деревянный склад товаров, приобретенных с китоловных судов. Всего товара, по рассказам братьев Краузе, Кувар имел на 20.000 немецких марок (около 6000 руб.). Они же указывают, что имя Куvara было широко известно среди китоловов. Н. Гондатти, посетивший в 1895 г. мыс Чаплина, говорит, что «помимо Ковара [так] здесь есть еще двое зажиточных инородцев Пекечин и Уэхты, которые имеют склады товаров». Описывая торговлю населения Чукотского полуострова с китоловами и также упоминая о наличии местных торговых складов товаров, В. Г. Богораз писал: «...в 900-х годах таких лавок

на Тихоокеанском берегу было 14, из них 5 на мысу Чаплина, причем 3 принадлежали Кувару, богатейшему торговцу на Чукотском полуострове. В Нуукане было 3 лавки, в Уэлене — 1, остальные лавки находились в различных эскимосских селениях. Но не следует и преувеличивать значение таких торгующих эскимосов. С одной стороны, это были торговцы, эксплуататоры своих же сородичей, но все они еще были связаны с основным производством — морской охотой, вели свое хозяйство. Они выменивали у своих сородичей для китоловов продукты морской охоты и обменивали им же (китоловам) и продукты собственного хозяйства. Они не стали еще обособившимся классом купцов, «который занимается уже не производством, а только обменом продуктов» (Энгельс).

В начале XX ст. китобойное дело на севере Тихого океана падает, и количество приходящих на Чукотский полуостров судов уменьшается. Соответственно, сокращается и торговля эскимосов с китоловами. Она переходит к так называемой Северо-Восточной Сибирской Компании — русско-американской организации капиталистов, которая получила от царского правительства исключительные права на разработку недр Чукотского полуострова, в частности золота. Правление Компании, руководящая роль в которой принадлежала американским капиталистам, ограничило деятельность поверхностными поисками золота и приступило к эксплуатации населения, что было более удобным. В 1902 г. Северо-Восточная Сибирская Компания открывает на Чукотском полуострове три торговых фактории (селение Дежнев, залив Лаврентия, бухта Провидения). У эскимосов и чукчей устанавливаются непосредственные торговые отношения с этими факториями. В этих условиях посредничество торгующих эскимосов падает, часть из них все же продолжает заниматься торговлей, приобретая товары в факториях и обменивая их на меха оленеводам. Несколько торгующих эскимосов ведут обмен с посещающими полуостров американскими шхунами. Из таких торговцев можно отметить эскимоса Напаши из сел. Нывокак. С окончанием срока концессии В.С.К. около 1909–1910 гг. торговля на Чукотском полуострове переходит к американским и русским торговцам, которые пользуются в качестве своих разъездных посредников торгующими эскимосами. Роль их как самостоятельно ведущих меновую торговлю сводится на нет. Из крупных самостоятельно торгующих эскимосов того времени следует указать Танингу

(сел. Секлюк). Он вел торговлю и с оленеводами, и с американскими шхунами.

Поселившиеся на Чукотском полуострове американские и русские торговцы, особенно Билли Томсон в бухте Провидения и братья Каравяевы на посту Дежнев, жестоко эксплуатировали эскимосов и чукчей. Кабальную зависимость населения Чукотки от этих и других торговцев ликвидировала только Великая Октябрьская Социалистическая революция.

Политика царизма по отношению к чукчам, а также и эскимосам, имела свое историческое своеобразие, выделяющее их из всех народов Крайнего Севера. В открытом столкновении с царизмом (XVII–XVIII ст.) чукчи отстаивали свою самостоятельность. Занимая окраинное, трудно доступное положение, отдаленное от места русско-чукотских столкновений в XVIII ст. — бассейна реки Анадырь, эскимосы тем не менее принимали участие в борьбе против завоевателей. Так, С. П. Крашенинников упоминает в своем «Описании Камчатки», что однажды русские после боя с чукчами нашли среди убитых двух воинов, в щеках которых были вставлены костяные втулки. По этой особенности следует, что этими воинами были эскимосы. Поход отряда войск майора Д. Павлуцкого на Чукотский полуостров в 1741 г., судя по маршруту, касался и эскимосов. Известно, что Д. Павлуцкий сжигал селения, попадавшие ему по пути, и истреблял в них «мужеск и женск пол». Сопротивление, которое оказывали ему чукотские, очевидно и эскимосские воины, было сломлено превосходящей силой огнестрельного оружия. [Но] царскому правительству не удалось завоевать и обложить ясаком чукчей и эскимосов. Отдельные попытки взятия ясака с приморских чукчей и эскимосов позже, в XIX ст., также успеха не имели.

Крайний северо-восток Сибири находился долго в очень своеобразном положении. Влияние русского правительства здесь отсутствовало, и население было предоставлено самому себе. Административное управление полуостровом из Гижигинска на Охотском побережье было чисто номинальным. Это положение мало изменилось и с образованием Анадырской округи (1889 г.), куда вошел и Чукотский полуостров. О принадлежности Чукотки Российской Империи напоминало только ежегодное крейсерство судов военного флота для борьбы с незаконным китобойством в отечественных водах. В конце XIX — начале XX ст.,

особенно в эскимосских селениях, чувствовалось сильное влияние американцев, уже более полувека посещавших полуостров. Эскимосы служили по 6–8 месяцев матросами на американских китоловных шхунах, усваивали особый торговый жаргон. Некоторые семьи отдавали детей в миссионерские школы на о-ве Св. Лаврентия и мысе пр. Уэльского. Распространены были американские товары. Эскимосы знали деньги — доллары, хотя торговля все также оставалась меновой. Отношение американцев к эскимосам и чукчам было чисто колониальным. Они видели в них прежде всего источник наживы. В 1909 г. 37 эскимосов, в том числе несколько чукчей, были привезены с Чукотского полуострова на выставку в Сеатль (С.А.С.Ш.)²⁰ в качестве экспонатов. Только около 1909–1910 гг. русское правительство начинает упрочивать свое положение на Чукотке и американское влияние начинает вытесняться русским. В 1909 г. полуостров выделяется в самостоятельный уезд с полицейским управлением в бухте Провидения, эскимосские селения юго-востока полуострова составили особую Унынскую волость.

Правительство субсидирует русских торговцев, которые начинают конкурировать с американскими. В бухте Провидения открывается церковь и фельдшерский пункт, на мысе Чаплина — школа. Миссионеры пытаются крестить эскимосов. Известен случай, когда мужчин сел. Нывокак, собранных в одно место, священник окропил водой. На этом «крещение» закончилось. Одно время (1909–1910 гг.) на посту Дежнева жил врач, делавший объезды селений полуострова. Тем не менее, никакой регулярной медицинской помощи эскимосы не получали. Фельдшерский пункт обслуживал исключительно местную русскую администрацию и торговцев. Достаточно указать, что на содержание пункта (лекарства, оборудование) отпускалось в год всего 100 рублей.

Неоднократные обращения эскимосов об открытии школы (они уже существовали в Аляске во многих местах) оставались без внимания. Только в 1912–1913 гг. была открыта школа на мысе Чаплина и в сел. Уэлен (для чукчей). Характерно отметить, что правительство отказалось открыть школу в сел. Нывокак «за недостатком средств». В школе на мысе Чаплина в 1913–1914 учебном году, существовали даже вечерние

²⁰ [Прим. сост.] Северо-Американские Соединенные Штаты.

классы, в которых обучались 30 взрослых мужчин-эскимосов и ни одной женщины. Преподавание велось на русском языке и по непонятным для эскимосов учебникам сельских школ. Выучивший с трудом начатки русской грамоты и счета ученик не находил применения знаний и скоро забывал усвоенное. Почти поголовно эскимосы оставались неграмотными и не знали русской речи.

Раньше, по старому «Уставу об управлении Иногородцами» (1822 г.) эскимосы, значившиеся в уставе как «чукчи», платили дань «по собственному их произволу, как в количестве, так и в качестве». Определенного регулярно взимаемого ясака эскимосы, таким образом, не платили. С 1915 г. предполагалось уравнивать их в правах с членами сельских обществ Камчатской области. В связи с этим эскимосы должны были бы платить денежные налоги и нести земские повинности. Проведение в жизнь этих мер, направленных к усилению правительственного гнета, началось с организации института старост. Старосты назначались исправником — начальником уезда преимущественно из зажиточной части эскимосов. Никакого самоуправления эскимосам предоставлено не было. Но вся реформа этим и закончилась. Великая Октябрьская революция покончила с намечавшимися мероприятиями навсегда.

Хотя политическое угнетение эскимосов и запоздало на несколько столетий сравнительно с другими народами Сибири, положение этой народности было очень тяжелым. Голодовка, торговая эксплуатация, нищета, полная заброшенность — характерные черты дореволюционной жизни эскимосов. Об этом свидетельствуют между прочим и соответственные документы — признания официальных лиц.

Так, чиновник особых поручений В. Солярский, изучавший по поручению Приамурского генерал-губернатора положение «иногородцев» на русском Дальнем Востоке в годы войны, сообщил: «...население нынешнего Чукотского уезда в периоды голода никогда не получало правительственной помощи и всецело было предоставлено собственным силам и в крайних случаях питалось мясом околевшей собаки, кожей морских животных, ремнями, кусками одежды и даже экскрементами людей и животных».

ГЛАВА III. [Охота на морского зверя как основа хозяйства.

Изменение приемов охоты с приходом американцев.

Виды охоты. Охотничьи объединения.

Охотничий инвентарь. Жилище. Одежда. Пища]

В одном из ранних письменных известий о Чукотском Носе — показаниях служилого человека П. П. Попова (1711 г.) говорится: «...а кормютца они чюкчи, оленные и пешие, промышляют по камням и по рекам диких олений и морскими китами, моржем, белугою, нерпами, корениями и травой». Этот отрывок указывает, что основным занятием эскимосов («пеших чюкоч», по терминологии того времени) в начале XVIII ст. был морской промысел в сочетании с охотой на сухопутных животных и собирательством съедобных растений. Как ни краток данный отрывок, но в общем он дает верную картину хозяйственных занятий эскимосов XVIII ст. Вышеописанные археологические памятники древних культур свидетельствуют, что еще задолго до XVIII ст. морская охота была исторически сложившейся основой хозяйства населения побережья и островов северной части Берингова моря. Письменный источник не только подтверждает это, но и указывает на другие виды эскимосского хозяйства, напр. охоту на диких оленей, собирательство. Дополнительными данными является фольклор. В нем говорится об охоте на горных баранов, белых медведей и песцов.

Археологические памятники указывают также и на другие занятия предков эскимосов. Во время раскопок на о-ве Св. Лаврентия были найдены тяжелые продолговатые грузила из моржового клыка. По мнению американских археологов, эти грузила служили для подледного рыболовства. Это указание находит свое подтверждение в более поздних данных, причем представляется возможным полностью судить и о внешнем виде данного орудия. В коллекции мореплавания Ф. Литке, собранной им на Чукотском полуострове и хранящейся ныне в Государственном Географическом обществе, находятся короткие удилища из расщепленных полосок китового уса с точно такими же грузилами. На конце последних прикреплены маленькие костяные крючки.

Раскопками были обнаружены также овальной формы небольшого размера просверленные кусочки моржовой кости — остатки закидного орудия, которое употребляется в охоте на птиц и в настоящее время.

Другое орудие — костяные стрелки трехзубого копья на птиц — были найдены В. Г. Богоразом в развалинах старого селения Серейнек. Хотя среди археологических памятников и не было обнаружено сетей из китового уса для ловли птиц, о них можно судить по современным данным. Эти три вида орудий указывают на распространенность охоты на птиц, которая играла известную роль и позже, в XIX ст. Предкам эскимосов были известны лук из китового уса и стрелы с наконечниками из кости и камня. В фольклоре указывается, что с помощью лука и стрел эскимосы охотились на диких оленей и горных баранов.

Письменные источники XVIII ст., а также фольклор известным образом «оживляют» археологические памятники, а в их совокупности дают общее представление о материальном производстве эскимосов в XVIII ст. Однако без дополнительных данных — прямых свидетельств того времени, например, технические приемы охоты остаются еще неясными. Необходимо обратиться к свидетельству путешественников. В этом отношении наиболее важны описания занятий «оседлых чукчей» доктора Мерка²¹.

«Оседлые чукчи, — говорит он, — заняты преимущественно охотой на морских зверей. В конце сентября начинается охота на моржа. Они бьют их в таком количестве, что даже белые медведи не могут уничтожить туши в течение всей зимы, не считая того, что по всему побережью выбрасывается морем... На охоту за моржом отправляются группами по несколько человек, бегут к ним с громким криком и один бросает острогу при помощи особых бросалок; остальные в это время тянут за привязанный к остроге ремень в 5 сажень. Если раненый зверь бросается в воду, то иногда другие моржи кидаются на ремень и пытаются помочь раненому уплыть, тогда их убивают особыми железными копьями ударом в грудь». В этом описании, инте-

²¹ [Прим. сост.] Н. Б. Шнакенбург не дает ссылок на рукопись Карла Мерка, которая была ему прекрасно известна: совместно с Ю. Бронштейном он напечатал о ней небольшую статью в журнале «Советская Арктика» (см. список трудов Шнакенбурга, наст. изд., с. 257). Рукопись хранится в Российской национальной библиотеке в Петербурге; в 1970-е годы она была переведена с немецкого и опубликована: К. Г. Мерк, Описание обычаев и образа жизни чукчей (пер. с нем. З. Д. Титовой), Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785–1795 гг. Магадан, 1978, с. 98–155.

Глава III. Охота на морского зверя как основа хозяйства...

ресны следующие моменты. Участие в охоте коллектива людей, убой животных на суше — очевидно на лежбище и большое количество добываемых моржей. Заслуживают внимания и орудия охоты: «острога» — т.е. гарпун, бросавшийся в животных с помощью метательной дощечки — «бросалки».

До сих пор было известно, что такие метательные дощечки употреблялись эскимосами в тюленьей охоте. Но должно быть удивительным упоминание о «железном копье». Совершенно очевидно, что Мерк говорит о железном наконечнике копья. В XVIII ст. железо, получавшееся путем обмена от русских, вытеснило каменные и костяные наконечники самобытных орудий.

Мерк приводит описание весенней моржовой охоты на льду. Она была также коллективной. Охотники выходили на промысел пешком, везя за собой байдары на санках. Техника охоты схожа с таковой же техникой весенне-осенней охоты на льдах, которая будет описана ниже.

Названный исследователь дает описание и охоты на китов, однако не указывает, производилась ли она с больших байдар или с каяков. «С ранней весны, — говорит Мерк, — и до октября оседлые чукчи ловят китов, помимо тех китовых туш, которые выбрасываются морем. Это опасный иногда вид охоты, если охотники не успевают достаточно проворно удалиться от раненого кита. Гарпун обычно делают целиком из моржовой кости, иногда острие из железа. К нему прикреплен прочный ремень, на нем на расстоянии 30 саженей от гарпуна привязано три целых надутых тюленьих шкуры в виде пузырей, затем через 20 саженей еще два таких же поплавка и через такое же расстояние, в конце ремня еще один. Эти поплавки, выплывая на поверхность воды, показывают им дорогу. Они следуют за китом, а когда он утомится, убивают его, закалывая копьем, как и раненых тюленей».

Как будет видно из дальнейшего изложения, современные приемы охоты на кита изменились мало. Мерк не говорит прямо, что китовая охота производилась коллективно. Об этом можно судить лишь по позднейшим данным.

Очень подробно Мерк описывает охоту на сивучей. Сразу же является сомнение, как он мог говорить об охоте на сивучей, когда сейчас в чукотских водах заход сивуча редкое явление. Однако Мерк очень ясно различает сивуча и тюленей, называя их по-разному. Оставляя в стороне вопрос о сивучах, для нас важнее всего те приемы охоты, о которых

говорит Мерк, тем более что они совпадают с рассказами стариков-эскимосов о тех же приемах охоты на тюленя. Предоставим слово Мерку:

«За сивучами охота происходит следующим образом: снимают целиком голову сивуча, с мордой и усами, и надевают на голову охотнику. Затем он ползет на животе, сжав крепко нож, и приближается к сивучам, вылезавшим на берег. Когда один из сивучей замечает ползущего и поднимает голову, чтобы разглядеть его, охотник замирает неподвижно, выставляя наружу звериную маску и подражая движению передних лаптов животного, царапает землю нарочно для этого сделанными лапами. Это вводит сивучей в заблуждение, они снова засыпают, и тогда охотник снова продвигается вперед. Приблизившись на нужное расстояние, он одним броском кидает острогу с прикрепленным к ней ременным канатом и старается ударить толстым нижним концом бросалки прямо зверю в глаз, чтобы его прикончить».

Следует отметить в описании этого вида охоты, что «острога» — это метательный короткий дротик, который бросался с помощью дощечки, увеличивавшей силу удара. Такие дротики и дощечка известны как по рассказам эскимосов, так и по упоминавшейся коллекции Ф. Литке. В отдаленном прошлом такая же дощечка из дерева употреблялась предками эскимосов. Она известна по раскопкам на о-ве Св. Лаврентия.

Мерк упоминает и о том, что оседлые чукчи ловили рыбу сетями, сделанными из китовых жил или ремешков из тюленьей шкуры. Говорит он кратко и о ловле мелкой рыбы костяной удочкой, и об охоте на белого медведя с копьем. Подробно он описывает занятия женщин: сбор в прибрежной тундре съедобных корней и растений.

Подведем итоги. Ведущей отраслью материального производства эскимосов в конце XVIII ст. была охота на крупных морских животных — моржа и кита. Эта охота производилась коллективно. Орудиями ее служили гарпуны, метательные дощечки, копья. Подсобную роль в той же отрасли играла охота на сивучей-тюленей. В ней употреблялись те же самые орудия, но другого размера. Эта охота была индивидуальной. Таковой же была охота и на белых медведей. На них охотились с копьями. Другими подсобными отраслями производства были: охота на диких баранов и оленей, ловля рыбы, а также птиц, собиравательство. Об орудиях этого вида охоты и ловли говорилось выше. Дошедшая до нашего времени сеть для ловли птиц из тонких полосок китового уса дает основание полагать, что она была известна

эскимосам и раньше. Уже по своему характеру эти виды охоты должны были быть индивидуальными занятиями. Однако только одно наличие коллективности или индивидуальности производства еще не говорит о его сущности. Пережитки из области коллективной собственности на орудия и средства производства, а в особенности из области распределения добычи, дошедшие до нашего времени (1929 г.) в совокупности с пережитками коллективного производства, дают основание говорить о первобытнообщинном способе производства, на котором покоилось эскимосское общество. Можно полагать, что еще в конце XVIII ст. первобытнообщинный способ производства у эскимосов был основным укладом. Его исторические корни идут гораздо глубже. Ведущее значение охоты на крупных морских животных, как можно судить об этом по археологическим памятникам, было характерно не только для конца XVIII ст.

По В. Г. Богоразу морская охота у эскимосов — ведущая отрасль их производства — исторически прошла две основные стадии: «1) охота на тюленей во все времена года, преимущественно в закрытых бухтах и на ледяных полях прибрежной полосы и 2) охота на моржей и китов в открытом море, требующая усовершенствованных орудий охоты, лодок и большой охотничьей активности». Археологические памятники Пунукского времени: наконечники китовых, моржовых гарпунов, строительный материал (череп моржей, кости китов) — показывают возросшую роль охоты на крупных морских животных уже в XIV–XVI ст. Можно полагать, что уже в то время охота на моржей, китов производилась в отдалении от берега. Выражение В. Г. Богораз «в открытом море» следует понимать в этом смысле, т.е. сравнительно с предыдущей стадией охоты на тюленей в прибрежной полосе.

И в начале XIX ст. ведущей отраслью материального производства эскимосов оставалась охота на моржа и кита. Орудия охоты были те же, хотя, несомненно, каменные и костяные острия наконечников гарпунов все более и более заменялись железными. Это подтверждено данными из области обмена. Но и эта замена решающего влияния на технические приемы, тем более на социально-экономическую организацию охоты, не оказывала. Можно полагать, что и к 50-м гг. прошлого столетия первобытнообщинный способ производства являлся еще ведущим укладом, хотя и здесь происходили изменения, связанные с развитием обмена.

Вторая половина XIX ст. дает совершенно иную картину. Можно говорить прямо, что время появления китоловов есть известная грань развития эскимосского общества. Торговля с китоловами, заимствование от них огнестрельного оружия внесли коренные изменения в технические приемы охоты и в соотношение отдельных отраслей производства. Прежде всего ружье вытесняет целый ряд самобытных орудий охоты. В середине прошлого столетия исчезают дротики и метательные дощечки, употреблявшиеся в тюленьей охоте, лук и стрелы, копье на белого медведя, копья для закалывания китов. Дробовое ружье быстро вытеснило трехзубое костяное копье на птиц. Однако ружье не могло вытеснить такого хорошо приспособленного к технике морской охоты орудия, как гарпун. Интересно отметить, что форма наконечника гарпуна, как и приемы гарпунной охоты были даже заимствованы китоловами от эскимосов. Позднее наконечник гарпуна в усовершенствованном виде, изготовленный целиком из железа, приспособленный к выбрасыванию из крупнокалиберного ружья, вторично вошел в охотничий инвентарь эскимосов. До настоящего времени самобытные эскимосские гарпуны играют большую роль в охоте на моржей и китов.

Охота на моржей с ружьем, несомненно, в первое время дала повышение добычи. Однако вскоре последовали и обратные результаты. Прежде всего это сказалось на лежбищах: одно за другим они начали клониться к упадку. Этому способствовали не только эскимосы, охотившиеся на моржовых лежбищах с ружьем. Китоловы после хищнического истребления китов стали охотиться на моржей. Конец XIX ст. дает резкое уменьшение добычи эскимосами китов, а также уменьшение промысла моржей. В связи с этим большее значение приобретает тюленья охота. Благодаря спросу со стороны китоловов на меха, и в частности на шкуры белых медведей, развивается охота с ружьем и на них. Нет достаточных оснований говорить о сильной развитой охоте на песца для территории расселения эскимосов. Китоловы привезли для охоты на песца пружинные капканы, и они быстро вытеснили эскимосские орудия лова (сети, падающие ловушки из льдин). Важнее отметить, что эти виды охоты получили товарное направление.

Сокращение добычи китов выдвинуло в конце XIX ст. на первое место охоту на моржей и тюленей. Соотношение отдельных отраслей

производства мало изменилось и ко времени Октябрьской революции. Ведущей отраслью оставалась морская охота на моржей, тюленей, отчасти китов. Однако по своему товарному направлению важное значение имела охота на белого медведя и песца. Подсобными отраслями являлись и рыболовство, охота на птиц и собирательство съедобных корней и растений. Эти подсобные отрасли никакого товарного направления не имели.

Торговля с китоловами, а с начала XX ст. и с осевшими на полуострове американскими и русскими торговцами, вносит элементы товарности в натуральное хозяйство эскимосов. О товарном направлении охоты на песцов и белых медведей говорилось выше. Товарное значение приобретают китовый ус, моржовый клык и отчасти изделия из шкур моржей и тюленей. В 70–80-х гг. китоловы проявляют усиленный спрос на обувь и штаны из тюленьих шкур, которые были незаменимы для них в китовом промысле. У эскимосов развивается изготовление вышеуказанных предметов специально для нужд торговли с китоловами. Они также предъявляют спрос на теплую одежду из оленьих пыжиков. В связи с этим усиливается обмен с оленными чукчами.

Однако ни один из моментов (изменение в соотношении отдельных видов охоты, элементы товарности в хозяйстве, торговля с китоловами вообще, усиление обмена с оленеводами) не оказали влияния настолько, чтобы изменить в корне ведущий первобытнообщинный уклад производства. Следует говорить, и это будет показано ниже, о развитии частнособственнических отношений внутри этого первобытнообщинного уклада. Однако нет и данных утверждать об мелкотоварном производстве у эскимосов ко времени Октябрьской революции.

О технических приемах морской охоты как ведущей отрасли материального производства эскимосов более или менее полно можно судить лишь по поздним данным периода до коллективизации. Приведенные выше наблюдения доктора Мерка и других исследователей (В. Г. Богораза) дают лишь общую картину, не уточняют ее более детально. С другой стороны, учитывая исторические изменения, произошедшие в эскимосском хозяйстве, можно иметь известное представление и о тех приемах морской охоты, которые бытовали в старину, например в конце XVIII ст. Здесь, например, будет уместным сравнить данные Мерка о китовой и моржовой охоте с приемами периода до коллективизации. С точки зрения формы эти приемы

в охоте на моржа и кита подверглись незначительным изменениям. Зато во многом изменилось содержание: это видно из способов распределения добычи и соответствующего изменения характера общественных отношений труда к морской охоте.

Перейдем к описанию технических приемов морской охоты так, как они бытовали у азиатских эскимосов в период, непосредственно предшествующий коллективизации. Это описание будет неполным, если не сказать хотя бы вкратце об орудиях морской охоты: оружие и гарпуне. Вплоть до последних лет эскимосы знали лишь американские магазинные ружья типа «винчестер». Для боя моржей служили винчестеры калибра 30×30, 30×40, в тюленьей охоте предпочитался более мелкий калибр — 25×30. В охоте на китов употребляли особые крупнокалиберные ружья, выбрасывавшие металлический гарпунный наконечник с прикрепленным к нему разрывным снарядом — «бомбочкой». Необходимым орудием и в настоящее время является гарпун. Различают моржовые, китовые и тюленьи гарпуны. Моржовый гарпун представляет собой длинный, в два метра, деревянный шест, на одном конце которого железный или костяной наконечник. Данный наконечник служит для определения крепости льда при ходьбе по ледяным полям. На другом конце шеста гарпуна находится втулка, сделанная из моржового клыка. В нее вставляется специальный штифт. На него насаживается подвижный наконечник из моржового клыка с острым железным лезвием. К этому наконечнику прикреплен конец ремня, к другому концу которого привязан поплавок из шкуры тюленя, надутый воздухом. К середине шеста прикреплен особый костяной курок. При загарпунивании моржа охотник нацеливает правой рукой гарпун, причем, обхватывая ладонью шест, держит курок указательным пальцем. Левой же рукой охотник придерживает наготове связку ремня с поплавком. Резким броском правой руки охотник мечет гарпун в убитое или раненое животное. При ударе о туловище моржа наконечник соскальзывает со штифта, прорезает кожу и проходит под нее. Деревянный шест при этом отделяется и всплывает на поверхность воды. При натяжении ремня уплывающим или тонущим животным, или же самим охотником, в случае если он держит ремень рукою, вонзившийся под кожу подвижный наконечник поворачивается поперек так, что животное остается прикрепленным к ремню. Последний привязывается к скамье вельбота

и таким образом морж оказывается загарпуненным. Если создается опасность, что при сильном натяжении ремня животным вельбот может перевернуться, то весь ремень с поплавком бросают в воду. Поплавок, оставаясь на поверхности воды, указывает путь движения загарпуненного моржа. Если он нырнет глубже, чем позволяет длина ремня, то поплавок, стремясь подняться на поверхность, натягивает ремень. Повторные движения наконечника причиняют животному боль и заставляют его подняться на поверхность воды. Морж выныривает, в этот момент бросают другой гарпун или убивают его выстрелом из ружья.

Поплавок играет в охоте важную роль. Он удерживает на воде загарпуненное животное и дает возможность вытащить добычу на лед или подтянуть ее к борту вельбота для разделки. Охота на моржей опасна: иногда раненые животные ныряют под вельбот и пробивают клыками дно. В таких случаях полавки, связанные парами на толстом ремне из моржовой шкуры, пропускают под вельбот и удерживают его на воде до прибытия помощи. Поплавки, прикрепленные к бортам вельбота или байдары, служат также для защиты бортов от столкновения с льдинами.

Помимо гарпуна и ружей в охоте на моржей употребляются также особые хлопушки для пугания нырнувшего под воду моржа. Хлопушка представляет собой тонкую и гибкую полоску китового уса, шириной в 8–10 см и длиной в 70–80 см, которая прикреплена на одном конце к деревянной ручке.

Обычным снаряжением охотничьего вельбота являются ружья с патронами, два-три моржовых гарпуна, хлопушка и две-три пары поплавков. О назначении последних говорилось выше. Кроме того, каждый охотник имел длинный нож в деревянных ножнах для разделки животных.

Китовый гарпун мало отличается от вышеописанного моржового гарпуна. Подвижный наконечник его большого размера, ремень длиннее и толще. К ремню привязываются парами (до шести пар) такие же полавки из тюленьей шкуры. Метание гарпуна в кита требует ловкости и умения, причем бросают в кита гарпун с близкого расстояния (3–5 метров). Второй охотник одновременно выбрасывает за борт ремень с поплавками. Вельбот или байдара при этом, опасаясь удара хвостом, быстро отходит в сторону.

Тюленьи гарпуны несколько отличны от моржовых. Шест тюленьего гарпуна тоньше и короче, около 1½ метров длины, наконечник меньшего размера. На крупного тюленя, так называемого лахтака, если охота происходит на воде, употребляется гарпун с поплавком. На других тюленей: нерпу серую, пеструю, крылатку, обычно гарпун применяется без поплавок.

Выше было указано, что в тюленьей охоте до последних лет эскимосы употребляли ружья типа «винчестер» калибра 25×20 или 30×30²². При охоте с берега такие ружья имели раздвижные деревянные ножки. Назначение их — дать устойчивую опору для ружья при выстреле, производимом сидящим на земле охотником. Они представляли собой деревянный циркуль с длиной ножек до 60 см. В основании его привинчивался костяной желобок. На него клалось и привязывалось дуло ружья. Необходимым орудием в тюленьей охоте является также выброска. Она представляет собой деревянную булаву, длиной 25–30 см, в утолщенную часть которой всажены три-четыре загнутых к ручке железных крючка длиной 5–7 см. В отверстие ручки продет короткий ремень, к которому привязан длинный тонкий ремень. Такая выброска служит для доставания убитого тюленя. Охотник закидывал выброску за убитое животное и подтягивал ее за ремень к державшейся на воде туше. Резким движением руки охотник дергал ремень, крючки выброски вонзались в шкуру тюленя. Перебирая ремень руками, охотник подтягивал добычу к берегу.

Необходимой принадлежностью охоты является сумка, сделанная из шкуры тюленя, шерстью наружу. Она одевалась охотником через плечо на ремне. В ней хранился вырезанный из кожи тюленя длинный тонкий ремень, к которому на охоте привязывались выброски, а также более толстый короткий ремень из кожи тюленя-лахтака. Этот ремень служит для перетаскивания добычи домой. Голова тюленя продевалась через петлю на одном конце его. Другую, большего размера, петлю охотник накидывал себе на грудь. Поддерживая руками ремень, охотник таким образом волочил за собой тюленя.

В той же охотничьей сумке хранились патроны: иногда они клались в особую маленькую сумочку, носимую охотником также через плечо на ремне. Ружье охотник носил в особом кожаном чехле через плечо.

²² [Прим. сост.] Калибр 0,2 или 0,3 дюйма.

Глава III. Охота на морского зверя как основа хозяйства...

Таково вооружение эскимоса в тюленьей охоте.

О средствах передвижения, употребляемых в морской охоте: вельботах, кожаных байдарках разных размеров, санках для перевозки байдары и добычи, собачьих нартах будет сказано ниже.

Морскую охоту, в тех формах, которые сохранились в период непосредственно предшествующий коллективизации (1927–1928 гг.), можно свести к следующим видам. 1) Охота на моржей в море на льдах или воде при сезонных передвижениях животных через Берингов пролив в Ледовитый океан в апреле-июне — и обратном ходе в сентябре, разновидностью этой охоты была раньше охота на моржовых лежбищах. 2) Охота на китов в море при таких же сезонных передвижениях этих животных — на юге Чукотского полуострова в апреле и при возвращении их из Ледовитого океана в октябре-ноябре. 3) Охота на тюленей весной и летом с берега или на воде в прибрежной полосе: тюленья охота в бухтах при замерзании их осенью с маленькой байдары, зимняя охота на них же в море у кромки льда, промоин и под льдом (ловля сетями).

Охота на моржей, китов и тюленей (с байдары) производилась коллективно. Другие виды тюленьей охоты носили индивидуальный характер.

Для охоты на льдах эскимосы выезжали на байдарках или вельботах и отыскивали небольшие группы моржей, лежащих на ледяных полях. Заметив такую льдину, охотники высаживались с подветренной стороны, подкрадывались и стреляли. Выстрел был смертельным, если пуля попадала в моржа ниже затылка, в то место, где голова соединялась с туловищем. Попадания в туловище только ранили моржа, он сейчас же бросался с льдины в воду и старался уплыть. В этом случае другие охотники на вельботе преследовали животное и бросали гарпун описанным выше способом. Поплавок гарпуна удерживал животное на воде и его добивали выстрелом. Если морж был убит сразу, то его разделявали здесь же на льдине. Прежде всего отделяли голову с клыками и брали ее в вельбот. Затем разрезали тушу на шесть-восемь частей, внутренности и кости бросали в море. С моржей-самок перед разделом снимали шкуру. Она считалась лучшей для покрытия жилищ, обтягивания байдары и изготовления ремней. Тушу самки разрезали на четыре-восемь частей. После раздела части туши втаскивались в вельбот особыми крюками. Обычно вельбот нагружали мясом двух, иногда трех туш моржа. После этого

вельбот направлялся к берегу. Там мясо выгружалось, и вельбот опять уходил в море. Ход моржей, особенно весной, для эскимосов своего рода «страдная пора». Если моржа много, то охота идет днем и ночью, тем более что ночью в мае-июне уже достаточно светло.

В малоледовый год, когда моржи направлялись в Ледовитый океан по воде, эскимосы охотились прямо с байдары или вельбота. Для рассеивания плывущего стада один из охотников ударял хлопушкой плашмя по воде. Моржи бросались от громкого звука в стороны. Наметив одиночного моржа, байдара подходила к нему на выстрел и охотники открывали стрельбу. Убитых животных старались быстрее загарпунить. Разделка в этом случае происходила у борта, к которому привязывали тушу ремнями. Если замечали на воде двух-трех животных, то подходили к ним на выстрел и действовали ружьями. Обычно сразу убить моржа не удавалось. Раненые животные скрывались, убитые быстро тонули. Так как стрельбу открывали с далекого расстояния, то охотники на байдаре не успевали подойти достаточно близко, чтобы можно было успеть бросить гарпун. Охота на воде давала большие потери: около половины убитых животных тонуло или скрывалось.

Охота при обратном движении моржей на льдах и воде аналогична по своим приемам вышеописанной.

Охота на лежбищах происходила осенью, в то время, когда моржи, следуя из Ледовитого океана, залегали на определенных местах Чукотского побережья. До прихода китобоев таких лежбищ было больше. Из лежбищ в настоящее время посещаются моржами три: у чукотского селения Инчоун, к западу от сел. Уэлен, на северном, низменном берегу острова Аракамчечен и на отмели близ чукотского селения Рэткен, расположенного в бухте Руддера. Из этих лежбищ только одно (Аракамчеченское) расположено на территории расселения эскимосов. По наблюдениям специалистов-биологов, на данном лежбище залегали до 3.500 моржей. В настоящее время оно находится под охраной. О том, как производилась охота на лежбищах, можно судить по рассказам стариков. Часть охотников подходила пешком к лежбищу, держа наготове копы и гарпуны. Другая часть держалась на байдарках в отдалении от лежбища. Пешие охотники подкрадывались к спящим моржам и, стараясь не шуметь, кололи их копыями. Удавалось заколоть десятки животных, прежде чем моржи кидались в воду. Раненых и бросавшихся в воду преследовала и загарпунивала другая часть охотников на

байдарках. Этот старинный способ коллективной поволоки моржей был распространен до разорения лежбищ китоловами во второй половине XIX ст. Очевидно, такая охота происходила на небольших по количеству моржей лежбищах. Там, где залегали сотни моржей, такая поволока вряд ли была возможной. Встревоженные и раненые моржи довольно опасны для людей, особенно на воде. С другой стороны, есть указание, что в 1920 г. на лежбище близ сел. Уназик было заколото эскимосами описанным способом около 600 моржей. Однако это количество преувеличено.

До появления огнестрельного оружия вышеуказанные приемы моржовой охоты на льдах и воде применялись исключительно с гарпуном. На море эскимосы выезжали в кожаных байдарках и каяках. Коллективная охота на китов производилась до появления китобойного ружья на байдарках с помощью китового гарпуна, который бросали в цель рукою. Об этом способе говорит еще Мерк. Более полно о нем можно судить по сообщениям недавнего времени. В охоте участвовало обычно три-четыре байдары, одна из них вела нападение, остальные играли вспомогательную роль. Преследовали кита на парусах или на одно-ручных веслах. Нападающая байдарка подходила на близкое расстояние к киту, и гарпунер, стоя на ее носу, метал гарпун, стараясь попасть в область сердца или плавник хвоста. Первым достигалось обессиливание кита от потери крови, вторым он лишался способности к быстрому движению. Одновременно с гарпуном бросали за борт поплавки из тюленьих шкур, надутые воздухом и привязанные к длинному ремню наконечника гарпуна. В тот же момент байдарка, опасаясь удара хвостом, быстро отходила в сторону. Сначала загарпуненный кит уходил под воду, затем показывался на поверхности. При удобном случае метали второй и третий гарпун. Потеряв много крови, кит замедлял движение, причем поплавки удерживали его на воде. Охотники с нападающей байдары закалывали обессилевшего кита длинным копьем с каменным наконечником. Собравшиеся вместе охотники привязывали тушу к байдарам толстыми моржовыми ремнями и тянули ее на веслах к берегу, где и производилась разделка. Этот старинный способ китовой охоты бытовал и в начале XX ст., причем вместо копья кита добивали выстрелом из ружья.

С конца XIX ст. эскимосы стали применять в охоте на кита железный гарпун с разрывным снарядом, который выбрасывался силою выстрела

из особого крупнокалиберного китобойного ружья. В этой охоте употреблялись и самобытные гарпуны. Охота производилась на вельботах под парусом. Этот способ охоты применяется эскимосами и в настоящее время, поэтому остановимся на нем несколько подробнее.

Учитель Чаплинской школы, бывший свидетелем китовой охоты в апреле 1928 г.²³, описывает данный прием следующим образом²⁴. «Заметив в море плавающего гренландского кита, охотники быстро снарядили вельботы и выехали в море. Нагнав кита, охотник с ближайшего вельбота вонзил в него гарпун с прикрепленным к нему поплавком, но кит, несмотря на боль, причиняемую ему наконечником, продолжал так же быстро уходить. Тогда охотники другого вельбота, подойдя к хвосту кита, вонзили гарпун с поплавком в связки хвоста с целью прервать последние. Удар был нанесен удачно, и кит сейчас же замедлил свой ход и стал кружиться в пространстве около одного километра в диаметре. Как только ход кита был ослаблен, в него метнули другой гарпун с поплавком и стали подготавливаться к окончательному убою его. Для этого охотники на вельботах подплыли ближе, так что когда кит вынырнул, то с первого вельбота выстрелили ему в бок, стараясь попасть между ребер. Выстрел был удачен, снаряд разорвался внутри кита и причинил ему моментальную смерть.

Затем ремнями всаженных гарпунов тушу привязали к вельботам и таким образом прибуksировали ее к берегу. У самого берега тушу прикрепили ремнями к столбам из старых китовых ребер и приступили к разделке. Предварительно был совершен священный ритуал, связанный с убиением кита. Раньше всего отрезали те части туши, которые поедаются на китовом празднике, потом срезали весь ус, позднее приступили к разделке мяса и жира. Для раздела туши кита эскимосы употребляли особые ножи и сечки на длинных шестах[»]. О делении мяса, жира и уса кита будет сказано ниже.

В конце XIX ст. уже не сохранились старинные способы тюленьей охоты: короткими дротиками и гарпунами с каяка, гарпуном с берега,

²³ [Прим. сост.] То есть А. С. Форштейн.

²⁴ [Прим. сост.] Здесь открываются кавычки, однако в рукописи Н. Б. Шнакенбурга они не закрыты; видимо, цитата из материалов А. С. Форштейна заканчивается на втором абзаце, однако возможно, что и описание тюленьей охоты далее принадлежит Форштейну.

подкрадыванием в накинутаой на спину охотника тюленьей шкуре к лежащим на льду животным. Во время пребывания В. Г. Богораз у эскимосов бытовала еще охота с коротким тюленьим гарпуном у отдушин, которые тюлени протаивают во льду дыханием. Охотник в этом случае сидел около отдушины на особом маленьком стульчике и держал наготове гарпун. Колебание воды на поверхности отдушины, означавшее движение тюленя вверх, заставляло охотника настораживаться. С приближением тюленя к поверхности воды охотник бросал гарпун и садился для упора на лед, обвязав себя ремнем от гарпуна. Затем он расширял ножом отверстие отдушины и вытаскивал наверх добычу.

Вытеснившее гарпун огнестрельное оружие изменило приемы охоты на тюленя: некоторые из них совершенно исчезли. Основным видом тюленьей охоты была зимняя охота с ружьем, охотник, спрятавшись за льдину, терпеливо поджидал добычу у промоин или кромки льда. Появление на поверхности воды головы тюленя вызывало выстрел. Добыча извлекалась из воды выброской.

Если море покрывалось льдом на значительном расстоянии от берега и тюлени отходили к чистой воде, то на охоту выезжали на собаках обычно два-три охотника вместе. С собой они брали маленькую байдарку. Ее везли обычно на тех же собачьих нартах. Если же они шли пешком, то байдарку везли за собой на маленьких санках. Оставив собак на определенном месте, охотники спускали байдарку на воду и подстерегали тюленей. Один из них в этом случае стрелял, двое других управляли байдарой.

Летом охотились с берега или в прибрежной полосе моря с байдары. В первом случае охотник выбирал удобное место и прятался за камни, выставив впереди себя винчестер на ножках. Увидев показавшуюся из воды голову тюленя, охотник нацеливался и стрелял. Летом обычно тюлени имеют слабый жировой слой и быстро тонут. Поэтому охотник стрелял в него и стремился нанести смертельную рану. Раненое животное подтягивалось к берегу выброской и добивалось выстрелом в голову. Обычно охотник брал с собой маленькую байдарку и тюлений гарпун. Сейчас же после выстрела охотник спускал на воду байдарку и, приблизившись к животному, бросал гарпун.

При охоте в прибрежной полосе выезжали в море на байдаре втроем, не удаляясь от берега. Двое гребли, а третий, сидя на носу байдары, стрелял в появившегося тюленя. Добыча доставалась выброской или

загарпунивалась. Осенью, когда бухты начинали покрываться льдом, на охоту выезжали на собаках или шли пешком. В том и другом случае брали с собой байдарки, ружья, гарпуны, палатки и припасы. Если шли пешком, то байдарку везли за собой на маленьких специальных санках. Прибыв на место, охотники ставили палатку. Обычно охота начиналась рано утром. Байдарка спускалась на воду. Медленно передвигаясь по воде, охотник выжидал появления животного. Заметив тюленя, он подъезжал к нему и стрелял, стремясь опять-таки нанести смертельную рану. После этого добыча доставалась выброской или загарпунивалась. Иногда охотник высаживался на берег и, спрятавшись за камни, выжидал появления тюленя. Обычно в охоте в бухтах участвует один человек; для ночлега же в палатку собирается несколько охотников.

Описанными выше приемами эскимосы добывают разного вида тюленей: нерпу серую, пеструю, крылатку и лахтака. На последнего охотятся у промоин весной, осенью в бухтах, с байдары. Эти способы тюленьей охоты с ружьем у промоин и кромки льда, с байдары, с берега бытуют у эскимосов и в настоящее время.

К морской охоте следует отнести и охоту на белого медведя зимой. Добыча его уже до революции была небольшой, а в настоящее время белый медведь промышляется только случайно. Вооружение охотника на белого медведя состояло из винчестера на ножках, шипов для хождения по гладкой ледяной поверхности, лыж-ледок для ходьбы по снегу, охотничьей сумки, в которой находились тонкий ремень, еда и смена обуви. Необходимой принадлежностью был также шест длиной в два метра с нижним наконечником из кости, который служил для определения крепости льда при ходьбе. Для перевозки мяса и шкуры охотник брал маленькие санки.

В охоте на белого медведя были обязательны две-три собаки, которых охотник держал на ремне. В охоте участвовал всегда один охотник. Уйдя в море на значительное расстояние, охотник осматривал окружающий лед с высоких торосов. Заметив зверя, охотник стремился подойти к нему с подветренной стороны как можно ближе. Затем он спускал собак. Они бросались на медведя и заставляли его, защищаясь от укусов, «сесть» на лед. Как это сделано, то охотник подходил к медведю и убивал его наповал. Шкура немедленно же снималась и грузилась на санки. Если поверхность льда была не торосиста и удобна для перевозки груза, то одновременно забиралось и мясо.

Глава III. Охота на морского зверя как основа хозяйства...

С первого взгляда охота на белого медведя представляется простой, но она также трудна и опасна. Передвижение по льдам вдали от берега сопряжено с опасностью. Поднявшийся ветер может оторвать лед от берега или разломать его и унести охотника. Отыскивая медведя по следу, охотник легко может провалиться под лед. Длительное время надо, чтобы найти и умело подойти к зверю. Если охотник или собаки издали замечены медведем, то он обычно убегает.

Вообще вся морская охота сопряжена, особенно зимой, с большими трудностями и опасностями. Охотник рискует провалиться под лед, его может унести на оторвавшейся льдине в открытое море. В каждой семье есть охотники, которых уносило на льдах. Известны случаи, когда охотников сел. Уназик приносило, после нескольких дней дрейфа в море, к берегам острова Св. Лаврентия.

Опасна также и осенняя охота с байдары. Тонкий обломок льда может разрезать кожаную покрывку байдары. Эскимосы берут с собой моржовый жир. В случае пореза дыру быстро затыкают куском жира. В морской охоте требуются также, помимо умения и выносливости, физическая сила и крепкое здоровье. Достаточно сказать, что зимняя охота часто производится в 35–40° мороза. В этом случае мороз, сковывая ледяные поля, даже оказывает охотникам помощь.

Отношения труда в морской охоте в предреволюционном прошлом и до начала коллективизации эскимосского хозяйства складывались в форме производственного объединения родственных семей вокруг основного средства производства — байдары или вельбота. Байдары и вельботы находились в частной собственности главы обычно наиболее состоятельной семьи. Владелец байдары (вельбота), так называемый «байдарный охотник» (анъялихтак), распоряжался ею по своему усмотрению: он мог продавать ее, не спрашивая согласия членов производственного объединения. Остальные средства производства — ружья, гарпуны, байдары малого размера — также находились в частной собственности их владельцев. В случае смерти байдарного хозяина байдара-вельбот переходила к его сыну. Наряду с этой частной собственностью на средства производства существовала коллективная собственность на байдары производственного объединения в целом. Участники таких, тоже родственных, объединений считались все собственниками байдары. Для продажи ее нужно было общее согласие. В таком случае руководителем произ-

водственного объединения выступал обычно пожилой, наиболее опытный охотник.

Существование некогда коллективной собственности на средства производства подтверждается бытовавшими еще недавно отношениями в распределении добычи. В. Г. Богораз наблюдал в 1901 г. на м. Чаплина распределение мяса кита, причем «все имели на него право». Этот обычай равномерного распределения китового мяса сохранялся у эскимосов вплоть до начала коллективизации. По свидетельству того же исследователя, относящемуся к началу XX ст., «полвека тому назад после каждой удачной охоты лучшие части китового уса делились между всеми жителями поселка. С развитием меновой торговли с китоловами этот обычай распределения китового уса вышел из употребления. Поздней он делился между участниками охоты неравномерно[»].

Интересен и другой обычай, подтверждающий первобытнообщинный некогда характер распределения. Первый из эскимосов, кто бы он ни был, даже ребенок, заметивший белого медведя близ селения, мог потребовать себе его шкуру. Охотник, убивший этого медведя, получал только мясо. Однако это право в большинстве случаев было только номинальным.

Отношения внутри производственного объединения в том виде, как они сохранялись к началу коллективизации, были характерны уже наличием элементов эксплуатации. Если мясо и жир распределялись между участниками объединения поровну, то наиболее ценная товарная часть продукции — моржовый клык, шкуры, китовый ус — делились уже совершенно иначе. Чтобы понять это, необходимо рассмотреть состав производственного объединения. По роли участия в охоте лица, входящие в объединение, делились на гребцов, стрелков и рулевого. Последний, как правило, являлся владельцем байдары или вельбота. Он обычно руководил охотой и распределением добычи. Вторым лицом после «байдарного хозяина» был отец его или другой старик, преимущественно близкий родственник. Он являлся своего рода «советником». Он, имея большой производственный опыт, давал «байдарному хозяину» те или иные указания по ведению охоты и вместе с тем по исполнению связанных с нею религиозных обрядов. Такой «советник» помещался на задней скамье байдары или вельбота, вблизи «байдарного хозяина», и участвовал непосредственно в охоте как гребец.

На носу стоял передний стрелок с ружьем. Он всегда был настороже в поисках и ожидании добычи. Второй стрелок сидел на передней скамье вблизи первого. Одновременно он являлся и стрелком, и гребцом. Другие члены объединения в коллективе из четырех-пяти человек, имевшие на руках весла, являлись гребцами. Таков был состав производственного объединения эскимосов — участников охоты на моржей и китов. Во время охоты на тюленей с байдары роли могли меняться: гребцы были стрелками и наоборот. В тюленьей охоте с берега каждый член объединения, имевший ружье, охотился по своему усмотрению. В этих случаях мясо, жир и шкура принадлежали тому, кто убил тюленя. Исключением являлись шкуры тюленя-лахтака. Как происходило распределение добычи в производственном объединении, показывают следующие факты, о которых сообщает учитель школы сел. Уназик на мысе Чаплина²⁵. За весенний сезон охоты 1928 г. одно из объединений добыло тридцать моржей, пять тюленей-лахтаков, других тюленей — четыре. Мясо и жир были распределены поровну. Из тридцати шкур моржа владеец, в данном случае вельбота, взял себе двадцать две, кроме того 35 кг клыка и две шкуры тюленя-лахтака. Близкий родственник его — «советник» — получил две моржовых и две лахтачьих шкуры и также 35 кг клыка. Оба стрелка получили по одной моржовой шкуре и по 10 кг клыка, одному из них досталась шкура тюленя-лахтака. Остальные четыре члена объединения — гребцы — получили по одной моржовой и тюленьей шкуре и по 5 кг клыка (в среднем по одной паре).

Такое неравномерное распределение клыка и шкур было общепринятым правилом. Владеец байдары-вельбота получал моржовый клык даже в том случае, если не участвовал лично в охоте.

Неравномерное распределение существовало и при дележе китового уса. Мясо и жир кита делились поровну не только между членами объединения, добывшими животное, но и среди остальных обитателей селений, прибывших к разделу животного. Иначе обстояло дело с распределением китового уса. Руководство разделом уса принадлежало владельцу того вельбота, с которого был брошен в кита первый гарпун. В этом случае владеец вельбота считался «хозяином» кита. Весь ус разделялся на три части. В первую часть входил ус малой величины,

²⁵ [Прим. сост.] То есть А. С. Форштейн.

во вторую две равные половины остального уса среднего и большого размера. Ус малого размера раздавался поровну старикам и старухам селения, а также членам объединения, совершенно не участвовавшим в данной охоте. Одна половина среднего и большого уса давалась объединению «хозяина кита», вторая — остальным принимавшим участие в охоте объединениям. Первая половина распределялась «хозяином кита» следующим образом. В указанном случае 20 больших усин взял сам «хозяин кита», четыре получил передний стрелок и одну старик-«советник». Остальной ус данной половины был распределен между всеми членами объединения, при этом равные, но вторичные доли получили «хозяин кита» и передний стрелок. Вторую половину уса «хозяин кита» роздал объединениям, участвовавшим в охоте, причем первенство получения уса определялось порядком метания в кита гарпуна. Распределение этой второй половины производилось следующим образом. Так как в конкретном случае в охоте на кита участвовало пять вельботов, то все члены объединения четвертого вельбота получили по две больших ушины на человека, а пятого — по две средних. Различия между владельцами вельботов, стрелками, гребцами, «советниками» сделано не было. Другая часть второй половины была сложена на берегу и разделена на две доли. Большую долю получил второй вельбот, меньшую третий. В каждом из объединений второго и третьего вельбота «хозяин» разделил между всеми членами ус поровну.

В вышеописанном обычае дележа кита можно отметить два противоположных направления. Добытый кит принадлежал владельцу того вельбота, с которого был брошен первый гарпун. Данный владелец даже считался «хозяином кита» и руководил разделом добычи. По своему характеру это обладание китом не может назваться частной собственностью. Мясо и жир распределяются поровну, причем не только между участниками охоты, но наделяются и посторонние — жители соседних селений. Это, несомненно, яркий пережиток права коллективной собственности на добычу. До некоторой степени право коллективной собственности проявляется и при распределении китового уса. Ус малого размера, т.е. наименее ценная часть его, дается старикам и старухам и членам объединений, не участвовавшим в охоте. В распределении наиболее ценного уса, среднего и большого размера, равномерности уже нет: лучший ус получает объединение «хо-

зяина кита», причем внутри этого объединения распределение уса крайне неравномерно. Большую часть получает сам «хозяин кита» — владделец вельбота. Здесь уже выступало право частной собственности.

Выше было приведено свидетельство В. Г. Богораза о том, что еще в 50-х гг. прошлого столетия «лучшие части китового уса делились между всем жителями поселка». Сопоставление этого свидетельства с приведенными данными 1928 г. дает уже иную картину. Развитие частных собственнических отношений под влиянием торговли с китоловами и пришлыми торговцами пошло дальше и создало в морском хозяйстве эскимосов эксплуататорскую верхушку в лице владельцев байдар и вельботов. Особенностью данного положения было то обстоятельство, что ведущая отрасль материального производства — охота на крупных морских животных — могла происходить только коллективно и в форме описанных выше производственных объединений. Но отношения в области распределения не соответствовали коллективной форме производства. Здесь были налицо уже частно-собственнические отношения с неравномерным распределением продуктов, хотя и сохранялись в то же время пережитки коллективного распределения.

Приспособленность к жизни у моря нашла свое выражение и в своеобразных эскимосских средствах передвижения: большой открытой кожаной лодке (ан'япик) и одноместном закрытом кожаном челноке (каяк). Старинный каяк представлял собой узкий веретенообразный решетчатый остов до 1½ метров длины, который, за исключением круглого отверстия посередине, обтягивался наглухо шкурой тюленя-лахтака. Охотник садился внутрь отверстия и привязывал себя ремнем фартука из тюленьей шкуры к каяку. Поверх обычной одежды едущий в каяке всегда надевал непромокаемый дождевик из кишок моржа. Положив гарпун на верх каяка, охотник передвигался, выслеживая добычу, с помощью двухлопастного весла. В легких каяках охотники выходили в море и участвовали в охоте на моржей и китов. Обычно с каяков охотились на тюленей. В. Г. Богораз объясняет исчезновение каяка у азиатских эскимосов следующим образом. Заимствование огнестрельного оружия сократило в значительной степени применение гарпуна, особенно в тюленьей охоте с каяка. Охотник должен был держать ружье обеими руками и не мог поэтому поддерживать равновесие каяка на воде при отдаче выстрела: каяк перевортывался и охот-

ник падал в воду. Вывернуться из воды без помощи весла невозможно, и кроме того тонуло и ружье. Вот поэтому азиатские эскимосы, по мнению В. Г. Богораза, оставили каяк. В 1901 г. каяки почти не встречались: упомянутый исследователь видел один каяк в сел. Серейнек и один в сел. Уназик.

Кожаная лодка (байдара), легкая на ходу и удобная для вытаскивания на берег и лед, сохранилась и сейчас. Она представляет собой лодку от 3 до 10 метров длиной со слабо выраженным килем, т.е. почти плоскодонную. Деревянные части остова байдары скреплены лишь тонкими ремнями и полосками китового уса без гвоздей. Остов обтягивается 4–6 шкурами моржа, разрезанными по толщине. В старину на байдаре передвигались с помощью одноручных весел, причем гребцы располагались на лавочках друг за другом по обоим бортам. Рулем служило большое, широкое одноручное весло. Поперечные весла с уключинами позднего происхождения были заимствованы от китоловов. Старинные байдары были приспособлены и к парусу. Он шился из моржовых желудков, выделанных тюленьих шкур или ровдуги. Такой парус имел прямоугольную форму и прикреплялся к поперечным палкам, привязанным неподвижно к мачте. Подобная установка давала возможность использовать ветер лишь одного направления по прямому пути движения байдары.

Косой матерчатый парус эскимосы заимствовали от китоловов. От них же была принята система прикрепления паруса к мачте на блоках. В связи с этим появилась возможность использовать силу ветра различного направления.

Байдары вообще бывают разных размеров, последнее зависит от целевого назначения. Байдара (ан'япик), о которой говорилось выше, употребляется в моржовой и китовой охоте. Для дальних морских переходов служат большие байдары (аяклюхтак), поднимающие до 4 тонн груза. Такие большие байдары были в употреблении и в старину. В одном из преданий говорится, что однажды эскимосы сел. Нывокак отправились в Аляску через Берингов пролив на байдаре, имевшей одних только гребцов 30 человек. Для тюленьей охоты на воде и доставания убитых тюленей с берега служат байдары, однотипные с вышеуказанными по устройству, но меньшего размера. Они бывают от 1½ метров для одного человека и до 3-х для двух-трех человек. Байдара (ан'япик и аяклюхтак) приспособлена и к руль-моторам, которые

Глава III. Охота на морского зверя как основа хозяйства...

обычно ставятся не за кормой, а в особом колодце в самой лодке, в кормовой ее части.

Уже в 90-х гг. прошлого столетия у эскимосов появились деревянные лодки (вельботы), заимствованные от китоловов. Вельботы до революции были во всех селениях, но ими владели обычно лишь самые состоятельные эскимосы. Некоторых из них перед самой революцией имели вельботы с руль-моторами. Двое торгующих эскимосов: Чарли из сел. Авань и Сан-Браун из сел. Уназик, владели двумя парусно-моторными шхунами. Из истории известно, что еще в 1885 г. торговец Кувар приобрел у китоловов парусную шхуну, но она была отобрана у него как контрабандная капитаном русского военного клипера «Стрелок».

Вельботы имеются и сейчас в каждом эскимосском селении. Они представляют собой длинные, до 30 футов, деревянные лодки с глубокой осадкой. Передвигаются на них эскимосы с помощью длинных весел, вставляемых при гребле в уключины, или коротких одноручных байдарного типа. Во втором случае употребляют весла, загребая воду под себя, как и на байдарках. Кроме весел, применяют косой парус с кливером, а также руль-моторы, причем они устанавливаются в особом колодце в корме.

Для передвижения по суше и выезда на охоту зимой по льду эскимосы пользовались собаками, запрягая их в нарты (санки), которые, как и упряжь, по своей форме были сто лет тому назад иными, чем сейчас. В то время собачья нарта была похожа на чукотские оленные санки. Собаки запрягались в них по шесть штук «веером». Управлялась собачья упряжка криком и ударами кнута. Такого типа нарты и упряжка пережиточно сохранились и до настоящего времени: они употребляются в собачьих беговых состязаниях. Распространенные ныне нарты на высоких копыльях, как и упряжь попарно — «гусем», были заимствованы эскимосами от приморских чукчей. В старину, однако, по словам эскимосов, у них бытовали нарты низкие, без копыльев, с поперечными перекладинами, укрепленными на двух грубо сделанных полозьях из дерева. Этот тип нарт, очевидно, ведет свое начало от древнего типа санок, полозья которых из моржового клыка были обнаружены среди памятников «берингоморской культуры». Эти так называемые санки «пешего охотника» служили в древнее время для перевозки каяка к кромке льда и подвоза дерева-плавника, причем в санки впрягался

сам охотник. От этого древнего типа происходят и два вида коротких по размеру санок, бытующие у эскимосов и сейчас. Для перевозки байдар употребляются деревянные санки 25–30 см длины и 20 см ширины, подбитые полосками моржового клыка. Копылья санок имеют отверстия для ремней. Для перевозки байдары необходимы двое санок. Одни ставятся под нос, а вторые под корму байдары. Пропущенными с обеих сторон ремнями байдары привязываются к санкам. Охотник тянет за собой байдару, держа в руках ремень, привязанный к носу байдары. На санках второго вида перевозят туши убитых тюленей. Они представляют собой деревянные санки размером 50×60 см, сделанные из двух продольных и трех поперечных деревянных планок, поставленных на полозья из расщепленного по толщине на две части моржового клыка. К концам планок прикреплены ременные петли. Через них пропускаются ремни, которыми привязывается туша к санкам. К передним планкам привязывается длинная петля из ремня. Она надевается охотником на грудь, причем концы ее пропускаются над локтями рук, как при волочении туши тюленя на ремне.

Имеются также и современные санки пешего охотника для перевозки припасов при отправлении на песцовую охоту пешком. Эти санки длинны по размеру и напоминают собою нарты, но отличаются от них. На полозьях установлены три копыла с поперечными перекладинами, на которые положены доски. Спереди такие нарты имеют дугу, соединенную полозьями. Охотник тянет нарты за ремень, привязанный к дуге.

Среди других средств передвижения следует отметить лыжи овальной вытянутой формы, представляющие собой деревянные обода с переплетом из ремней или полосок китового уса. В передней части обода к переплету привязываются две ременные петли. В одну из них продевается носок, а вторая плотно стягивает задник обуви. Такие лыжи ступающего типа служат для пешего передвижения по снегу. Для хождения по гладкой и скользкой поверхности льда эскимосы прикрепляют к подошве обуви особые костяные или железные шипы. Таковы средства передвижения, бытующие у азиатских эскимосов и теперь.

Сообщения мореплавателей конца XVIII ст. (Г. Сарычев) позволяют предполагать сходство старинных подземных жилищ азиатских эскимосов с жилищами, известными по раскопкам на о-ве Лаврентия и относимыми американскими исследователями к эпохе Пунукской куль-

туры. Это жилище из челюстей кита (нынлю) с узким туннелеобразным выходом сохранилось местами до второй половины XIX ст. Еще в 1901 г. жители сел. Уназик помнили имена семей, которым принадлежали находившиеся там развалины «нынлю». Посредине такого жилища был плоский камень, на котором стояла жировая лампа, горевшая днем и ночью и обогревавшая помещение. По сторонам на деревянных помостах ставились пологи из шкур диких, а позже домашних оленей. Подземное жилище было общим для нескольких семей, каждая из которых помещалась в своем пологе. Очевидно все же, что пологи — более позднего происхождения и появились в результате обмена с оленеводами.

Летом служило другое, наземное, жилище. Основу его составляли поставленные кругом и связанные сверху китовые кости, покрыт этот остов был моржовыми шкурами. Внутри жилища также ставился меховой полог. Если нынлю было зимним коллективным помещением нескольких семей, то летом каждая семья жила отдельно. Эти летние жилища бытовали еще в 80–90-х гг. прошлого века, когда землянок уже не было.

С развитием обмена с оленеводами в XIX ст. появились надземные жилища современного типа, с деревянным куполообразным остовом, покрытым моржовыми шкурами. Внутри такого жилища («мантырак») — полог из оленьих шкур. Жилища такого типа существовали уже, по свидетельству капитана Гупера, на мысе Чаплина в 1848 г. Таким образом, можно полагать, что переход от нынлю к современному жилищу совершился совсем недавно, причем отдельные нынлю сохранялись и позже.

По наблюдениям Нельсона (1881 г.) в сел. Нывокак, надземные жилища сооружались не из отдельных частей, а из плотно сложенных камней с удлиненным, также каменным выходом. Покрытие из моржовых шкур покоилось на шестах и перекладинах изнутри и было укреплено ремнями с подвешенными к ним камнями. Семьи в жилищах сел. Нывокак жили в отдельных пологах из шкур оленя.

В 90-х гг. прошлого века у зажиточных эскимосов сел. Уназик появились легкие дощатые дома с двускатной крышей и окнами. Эти дома они приобретали у китобоев. Они служили летним жильем, а чаще для хранения товаров. Примерно в 1900-х гг. деревянные дома появляются в других эскимосских селениях, особенно на юге Чукотки. Летние жилища с покрытием из моржовых шкур сменились матерчатыми палат-

ками и деревянными домами. Большинство эскимосов стало делать остов летнего жилища из дерева, покрывая его моржовыми шкурами.

Таким образом, к революции у эскимосов бытовало два основных типа жилища: зимнее (мантырак) — куполообразный остов из деревянных жердей, покрытый моржовыми шкурами, без окон и с пологом из оленьих шкур, и летнее жилище четырехугольной формы с остовом из дерева, покрытым моржовыми шкурами, с пологом внутри или палаткой. Летом они жили и в зимних жилищах, заменяя шкуры покрытия на старые или обтягивая остов брезентом.

Эти типы сохраняются с известными изменениями и теперь.

В древности, в эпоху войн, эскимосы строили укрепления из камней в виде стен, за которыми укрывалось население. Такие укрепления известны между сел. Нывокак и Уэлен, на восточном побережье о-ва Б. Диомид и в других местах. На о-ве Б. Диомид два каменных укрепления находятся на высоте 100 ф[утов] над морем. В начале XIX ст. у азиатских эскимосов существовали еще общинные дома типа «кашим» эскимосов Аляски, представляющие собой землянки большого размера. В них происходили совещания, религиозные церемонии, пляски и т.д.

К бытующим ныне хозяйственным постройкам относятся ямы для хранения моржового и китового мяса и так называемые подставки. Ямы выкапываются в земле, стены их укреплялись китовыми костями или деревом. Вторые представляют собой поставленные стоймя китовые ребра с укрепленными на них досками. На досках хранятся кожаные лодки, старые покрышки от жилищ, сани. Летом на ребрах подставок развешивают тонко нарезанное кусками мясо морских животных, которое таким образом провяливается под солнцем.

Зверобойный промысел определял собой и местоположение эскимосских селений. Все они расположены по пути движения морских животных, на выдающихся в море намывных косах или на склонах скалистых мысов.

Преобладающим типом одежды эскимосов Азии в конце XVIII — начале XIX ст. были: у мужчин штаны и меховая рубаша без разрезного ворота из оленьих шкур, у женщин комбинэ чукотского типа с широкими рукавами. Нельсон отмечает в 30-х гг. прошлого века преобладание среди эскимосов одежды описанного типа. Только в сел. Нывокак покроем одежды приближался к одежде эскимосов Аляски. Мужчины и женщины носили кухлянку с капюшоном, меховые штаны и обувь

из оленьих шкур; отличалась мужская кухлянка от женской тем, что была короче. Преобладание чукотского типа одежды из оленьих шкур следует связывать с развитием межплеменного обмена. С тех пор тип и покрой одежды почти не изменились. Зимой эскимосы носили описанную одежду, летом — поношенную зимнюю одежду или кухлянку, штаны и обувь из тюленьих шкур. В дождливые дни для выезда в море эскимосы надевали непромокаемые плащи с капюшоном из моржовых или тюленьих кишок. Иногда плащи эти делали из тонкой кожи с китового языка. В конце XIX ст. эскимосы носили еще длинные кухлянки из птичьих шкурок. В единичных случаях эта одежда сохранялась и позже. Необходимой принадлежностью был балахон из материи, который надевали поверх меховой одежды. Он предохранял мех от снега и сырости. Короткая, средняя (до колен) и выше обувь из выделанных тюленьих шкур, с подошвами из кожи лахтака отличалась водонепроницаемостью и высоко ценилась китобоями. До революции только некоторые эскимосы носили белье или верхнюю матерчатую одежду европейского типа — платье и рубашки. Большинство надевало одежду из шкур прямо на голое тело.

Основным питанием эскимосов служили мясо и жир морских животных в сыром, вяленом, квашеном и вареном видах. В качестве приправы употребляли и различные растения. Особую склонность всех эскимосов к моржовому и тюленьему жиру отмечают многие путешественники. В. Г. Богораз указывает также, что эскимосы высоко ценят и оленье мясо, называя его «сладкой пищей оленеводов». Однако это мясо не было обычной пищей. Эскимосы питались и рыбой. Зимой они ели замороженную рыбу тонко наструганными кусочками. Иногда варили ее целиком в котле. От русских проникли чай и сахар, от китобоев и торговцев — спиртные напитки, которые ввозились в большом количестве, особенно в период 1900–1910 гг.

Падение добычи моржей и китов тяжело отразилось на питании эскимосов. Достаточно указать, что один добытый кит часто давал жителям двух-трех селений пищу на полгода. Голодовки были до революции обычным явлением у эскимосов.

ГЛАВА IV. [Общественные отношения. Брак и семья. Семейно-родовые общины. Татуировки]

Степень общественного развития в целом и семейно-брачные отношения, сложившиеся ко времени Октябрьской революции, совершенно изучены у эскимосов Азии не были. Пережитки прошлых общественных отношений и их роль в послереволюционном быту азиатских эскимосов также не привлекали внимание исследователей.

История общественного строя азиатских эскимосов — проблема, которую еще предстоит решить. Без ее разрешения невозможно в достаточной мере полно написать и историю этого народа. С другой стороны, исследование данной проблемы имеет и большое политическое значение. Отрицая наличие родовой организации у эскимосов, буржуазные ученые вместе с тем подвергают сомнению закономерность рода в первобытной истории человечества вообще, пытаются тем самым «опровергнуть» в данном вопросе марксизм.

В своей посмертной работе «Социальный строй американских эскимосов»²⁶ В. Г. Богораз подверг уничтожающей критике построения буржуазных ученых, писавших об общественном строе зарубежных эскимосов. «Большая часть исследователей старых и более новых, — говорит он, — подошла к эскимосскому социальному строю весьма элементарно. Сравнивая его с европейским обществом, они не находили в нем самых существенных с их точки зрения элементов и даже прямо отказывались признать за ним право на название “общество”»²⁷.

Названный ученый приводит ряд таких ложных концепций. По Гоуксу, который изучал эскимосов Лабрадора, их общественная организация «должна считаться на практике равной нулю»²⁸. По мнению видного датского эскимолога Кай Биркетт Смита, «вождей у эскимосов нет. Нет ни знати, ни рабов, ни кланов, ни тайных обществ,

²⁶ В. Г. Тан-Богораз, Социальный строй американских эскимосов, Вопросы истории доклассового общества: сб. ст. к пятидесятилетию книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М.; Л., 1936, стр. 195–256. (Труды Института антропологии, археологии и этнографии, т. IV).

²⁷ Там же, стр. 198.

²⁸ [Прим. сост.] E. W. Hawkes, The Labrador Eskimo. Canada Geological Survey, Memoir, is. 91, 1916, p. 108. Цит. по указ. статье Богораз, стр. 199.

которые сопровождают кланы... Им всем одинаково чужда идея правительства, идея государства»²⁹.

Другие ученые признавали у эскимосов наличие в лучшем случае семьи, семейно-родственных объединений, семейных связей. Указывая на классовую ограниченность буржуазных исследователей, В. Г. Богораз совершенно справедливо говорит, что «западные ученые просто не могли увидеть и собрать тот материал по структуре эскимосского общества, который отталкивался от их упрощенного научного мировоззрения»³⁰.

Только марксистская теория развития общества, к овладению которой вплотную подошел в последние годы своей жизни В. Г. Богораз, дала возможность ему правильно поставить и отчасти разрешить проблему общественного строя эскимосов американского континента. На большом конкретном материале советский ученый показал у них распад первобытнообщинных отношений и пришел к выводу, что они в своем общественном развитии перешли «от материнского рода к отцовскому». Названный ученый привел убедительные факты, не оставляющие теперь сомнения, что эскимосское общество в своем историческом развитии прошло стадию материнского рода. Однако развернутого показа новой общественной единицы — рода отцовского сделать В. Г. Богоразу не удалось. Остался неясным и вопрос датировки появления отцовского рода. В силу этого проблема в целом оказалась до конца не разрешенной. В указанной выше работе В. Г. Богораз не характеризовал общественного строя эскимосов Азии в прошлом, хотя и указал на интересные сопоставления и у них. Ниже приводимые данные в порядке постановки проблемы позволяют выдвинуть предположение, что общество азиатских эскимосов также проходило стадию материнского родового строя. На это указывает ряд сохранившихся до недавнего времени пережитков. Несмотря на приниженное положение женщины в дореволюционном быту, она играла исключительно важную роль в религии. На это очень характерно указал В. Г. Богоразу один из эскимосов мыса Чаплина:

²⁹ [Прим. сост.] K. Birket-Smith, Caribou Eskimo. Report of the Fifth Thule Expedition 1921–24, vol. I, Copenhagen, 1929, p. 257. Цит. по указанной статье Богораза, стр. 206.

³⁰ Там же, стр. 202.

«...напрасно думают, что женщины слабее мужчин в охоте. Домашнее колдовство сильнее, чем те заклинания, которые произносятся в тундре. Тщетно ища, ходит мужчина вокруг: но те, которые сидят у лампы, действительно сильны, им легче подзвать к берегу добычу»³¹. Важную роль играли женщины как хранительницы домашних святынь и в татуировании. По представлению эскимосов, морскими животными владеет женское божество; в Азии это «Большая женщина», в Аляске и в Гренландии — Седна. Этой подводной хозяйке морских животных азиатские эскимосы посвящали даже особый обряд. Указанная выше роль женщины в религии, наряду с представлением о хозяйке морских зверей, восходит к очень древнему прошлому — к культу женщины-прародительницы эпохи матриархально-родового общества. С ним, очевидно, может быть связана и небольшая костяная фигурка женщины из археологических коллекций Государственного Музея Этнографии (Ленинград), доставленных в 1909 г. с Чукотского полуострова. Данная фигурка по трактовке совершенно аналогична таковому же женским фигуркам, известным по археологическим раскопкам в Аляске и на о-ве Св. Лаврентия.

Пережитки матриархального строя сохранялись и в брачных отношениях. Говоря о правовых отношениях, существовавших у азиатских эскимосов в предреволюционные годы, В. В. Солярский указывал, что у них «муж по общему правилу переходит в дом жены, а после ее смерти возвращается в дом своих родителей»³². Это указание не свидетельствует, однако, в прямом смысле о существовании матриликального брака. Дело в том, что мужчина у эскимосов должен был перед заключением брака отрабатывать свою невесту, участвуя в качестве охотника в том семейно-производственном объединении, куда входили ее родители. Даже после фактического заключения брака он оставался известное время вместе с женой в жилище ее родителей. В том случае, если при отработке невесты мужчина не жил у ее родителей, он обязан был прожить у них после брака год-полтора, участвуя своим трудом в хозяйстве. Только после известного времени молодая пара отделялась

³¹ [Прим. сост.] В. Г. Богораз, Чукчи, часть II. Л., 1939, стр. 63.

³² В. В. Солярский, Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края, Материалы по изучению Приамурского края, вып. XXXVI. Хабаровск, 1916, стр. 2.

и строила свое жилище. Но мужчина продолжал охотиться в объединении родителей жены. Таким образом, указание В. В. Солярского и отработку невесты нужно понимать лишь как временную матрилокальность брака, свидетельствующую о былой постоянной матрилокальности. Наряду с таким временным поселением мужчины у родителей невесты нужно отметить и переход жены в жилище родителей мужа после обязательной отработки. Это говорит о завершившемся фактически переходе к патрилокальному браку.

По другому любопытному указанию В. В. Солярского, дети у азиатских эскимосов «после смерти матери и при наличии отца поступали под власть родителей и родственников матери». Это можно объяснить пережитком материнского счета родства, когда дети считались принадлежащими к роду женщины.

Интересны и нормы наследования. Семейное имущество наследовали сыновья умершего или его братья. Жена и дочери не наследовали. Это объясняется тем, что женщина должна была некогда, согласно нормам экзогамии, уходить из своего рода в род мужа. С другой стороны, если женщина оставалась жить с мужем у своих родителей, то после смерти ее отца ближайшими наследниками являлись ее дети, а не муж. В этом нужно, очевидно, видеть былую общеродовую собственность на имущество.

Важнейший институт патриархального строя — экзогамия — не соблюдался эскимосами в предреволюционные годы. С другой стороны, совершенно не освещен вопрос о брачном праве эскимосов. Преобладающей формой был парный брак, с отработкой невесты. Бытовали случаи заключения браков между малолетними. К сожалению, отсутствуют указания на родственные взаимоотношения их родителей. Еще недавно у эскимосов существовал обычай «обмена женами»: две брачные пары менялись взаимно женами на известное время. Сущность этого обычая неясна. С одной стороны, тут сохранялись следы древнего группового брака, с другой, в таком обмене участвовали и совершенно посторонние лица — чукчи, эскимосы других селений. Существовало у эскимосов и многоженство. Наблюдалось оно редко и обычно только среди зажиточных. Так, у торговца Куvara было три жены. У торговца Танинга было даже шесть жен, из которых три были живы еще в 1921 г. Все же случаи многоженства были редки. Очевидно, изучение различных форм брака, и главным образом со стороны родственных взаимо-

отношений лиц, вступающих в таковой, может вскрыть и былые экзогамные нормы.

Следы экзогамных норм видны из четкого различия терминов родства в отношении дядей с материнской и отцовской сторон. Так, «мой» дядя по матери — «анак», по отцу — «атата» (уназикский диалект); в серенекском диалекте соответственно «кагак» и «тукуй». По словам эскимосов, терминология их родства строго различает родство со стороны отца и матери. Свидетельством былой экзогамной родовой структуры эскимосского общества являются, вероятно, и характерные пережитки тотемизма.

Некоторым пережитком общеродового имени служат, очевидно, сохранившиеся до настоящего времени общие имена, которыми данная группа семей отличает себя от других семей. В сел. Уназик известны семьи, называющие себя общим именем Нынлювак, Лякармит, Пагагмит и др., в сел. Серейнек — Серейнермит и Сиякармит, в сел. Нывокак — Майорармит, Ситконармит, Тугрармит и др.

Следы общеродового имени можно проследить и в обычае давать новорожденным имена умерших предков.

Все это позволяет сделать вывод, что азиатские эскимосы также прошли в своем развитии стадию рода, который по всем признакам был материнским. Это подтверждается указанными пережитками в области религии, брака и наследственного права. Об этом же говорит и фольклор — предание о «Большой женщине», в котором В. Г. Богораз справедливо усматривает своеобразное отражение падения древнего материнского права. Гораздо сложнее вопрос об образовании отцовского рода. Ко времени революции эскимосы вели, правда, счет родства по отцу, наследование происходило у них от отца к сыну, брак был патрилокален, но важнейший признак рода — экзогамия — не соблюдался. Это дает основание полагать, что у предков азиатских эскимосов начала образовываться новая общественная единица, которая не сложилась, однако, в отцовский род. Отсюда видна справедливость мнения В. Г. Богораза о том, что эскимосское общество проходило в своем историческом развитии стадию материнского рода. Это положение подтверждается также и на материалах, известных у азиатских эскимосов.

Среди них наблюдались до самого последнего времени общественные образования, известные в литературе под названиями «группа

односельчан», «семейно-байдарная группа» и даже «семейно-родовая община». В селении Нывокак известны шесть таких общин: Майорамит, Ситконармит, Тыгрармит, Упарармит, Мамропагмит и Копыньгормит. В сел. Уназик их восемь: Нынлювак, Пагагмит, Лякармит, Сянермельгок, Акульрарвик, Уныхкумит, Сироньпак и Паглермит. В сел. Серейнек две: Серейнермит и Силякармит.

Каждая из таких семейных общин состояла из нескольких обособленных семей. Такая семья вела свое индивидуальное хозяйство, главой его считался мужчина.

Во главе селения, как это было установлено нами в 1931–1932 гг., стоял «хозяин земли» (селения), представитель наиболее состоятельной семейной общины. Таким «хозяином земли» был обычно старик или пожилой мужчина. Он руководил всей общественно-производственной жизнью односельчан, которые должны были считаться с его авторитетом. «Хозяин земли» открывал и закрывал промысловый сезон, определял время поездок к оленеводам для обмена и т.п. Вместе с другими стариками селения «хозяин земли» разбирал ссоры и тяжбы своих односельчан. Институт этот не был выборным, и функции «хозяина земли» переходили по мужской линии, обычно от отца к сыну. До революции некоторые из таких «хозяев земли» принадлежали к торговцам.

Экзогамия, как указывалось, не соблюдалась, и с этой точки зрения общество азиатских эскимосов представлялось «безродовым». Вместо отцовского рода были образования в виде семейных общин, отношения внутри которых покоились на родственной основе отдельных семей, каждая из которых вела свое хозяйство. На сезон охоты такие семьи объединялись в байдарно-вельботные группы. Отношения внутри этих групп — между владельцами байдар и вельботов, с одной стороны, и лишенными этих основных средств производства гребцами и стрелками, с другой, — были основаны на частной собственности. Развитие на этой почве отношений эксплуатации прикрывалось родством между членами группы.

Частнособственнические отношения привели к образованию явно выраженной имущественной верхушки в лице владельцев байдар и вельботов, а также торговцев. Таким образом, ко времени Октябрьской революции эскимосское общество переживало уже процесс классовообразования, хотя оно и не было еще сложившимся классовым обществом.

* * *

Для выяснения прошлых семейно-брачных и родовых отношений у азиатских эскимосов большое значение имеет изучение татуировки. Она весьма характерна для эскимосов. Полная неизученность татуировки со стороны содержания и недостаточные данные о формах ее не дают еще возможности связать таковую с определенными сторонами общественного строя эскимосов. Можно лишь полагать, что татуировка имела религиозно-магическое значение (знаки духа-защитника) и, с другой стороны, была связана с брачными отношениями. Наиболее полные сведения о татуировке у азиатских эскимосов содержатся в рукописи доктора Мерка. Он приводит такие данные о формах ее, которые не встречаются у последующих исследователей. Кроме того, он дает объяснения, которые помогают уяснить в известной степени и значение татуировки. Д-р Мерк говорит о ней следующее: «Женщины татуируют железной, иногда четырехгранной иглой, которую они отковывают, раскалив на огне жирника и затем ударяя по ней камнем. Кончик иглы втыкается в жженный мох, смешанный с ворванью, служащей светильней в жирниках, или же смазывается смешанным с мочой графитом, который находят в изобилии у берегов реки близ стойбища Поухта; при шитье³³ они пользуются графитом для смазывания нити. В раннем возрасте, еще до достижения десяти лет, девочкам татуируют две линии вдоль носа, до лба. Затем следует татуировка подбородка, затем щек, а выходя замуж или по достижении 17 лет татуируют наружную сторону рук до самой кисти различными орнаментальными фигурами... В более редких случаях женщины татуированы на лопатках или лобке знаком [*]³⁴. Татуируются также мужчины оседлых чукчей, а у оленных чукчей только в редких случаях, а именно: по лицу, по груди от подмышек, по наружной стороне рук, где изображаются фигуры убитых ими врагов. На наружной стороне рук они обозначают себя фигурой (1)³⁵. ... На лице

³³ «При шитье», т.е. в процессе татуирования; оно производилось по В. Г. Богоразу путем накола иглой кожи и протаскивания через него тонкой нити из сухожилий оленя. [Прим. сост.] В имеющемся экземпляре рукописи рисунки отсутствуют.

³⁴ [Прим. сост.] В рукописи плохо различимый карандашный рисунок.

³⁵ В оригинале рукописи Мерк приводит рисунки татуировки. Для удобства мы обозначаем их номерами и даем отдельно в таблице. [Прим. сост.] Рисунки, к которым отсылают цифры, в рукописи отсутствуют.

они изображают по обе стороны фигуры (2), а ниже сплошную линию. Далее по внешним углам обоих глаз двойную черту, иногда с добавлением двух более коротких, а между глазами через нос одну линию. Над бровями изображают знак (3) снаружи, от углов рта вниз косую линию или же (4), а иногда такую же фигуру у углов глаза; иногда у углов рта изображаются узоры (5) или (6) и (7), а на нижней челюсти узор (8), или знак (9), или продолговатый закругленный (10). У некоторых щеки целиком покрыты изогнутыми выющимися линиями».

В этом довольно детальном описании следует отметить указание на связь женской татуировки с возрастом. Очевидно, чем взрослее становилось лицо женского пола, тем сложнее становился рисунок. Важно в связи с этим другое указание, что наиболее сложный рисунок был связан с выходом девушки замуж, а возможно и с достижением ею половой зрелости. Можно предполагать, что татуирование девушек являлось своего рода обрядом причисления их к взрослым женщинам.

Очень интересно сообщение Мерка о сложном рисунке мужской татуировки. Как ни мало известно о татуировке у азиатских эскимосов, однако другие исследователи ничего не говорят о сложности рисунка татуировки мужчин. Нельсон указывает кратко, что татуировка азиатских эскимосов-мужчин была более проста и однообразна по рисунку, чем у женщин. Он говорит, что у мужчин обычно татуировалось лицо (щеки, подбородок) и реже руки. По Нельсону, на обеих щеках ближе к углам рта наносились маленькие кружочки или крестики. Иногда этот кружок обводился вторым кругом с расходящимися из центра радиальными линиями. В нижней части щек изображался также угол — острием вниз. Нос у мужчин не татуировался, на подбородок же наносились одна-две линии. В. Г. Богораз кратко упоминает, что эскимосы-охотники о-ва Большой Диомид после каждого добытого ими кита делали татуировку на суставах пальцев. О рисунке этого вида татуировки исследователь ничего не сообщает. Как было сказано уже выше, эскимосы мужчины татуировали на лицах изображения человекоподобной формы. Эти фигурки являлись изображениями духов — защитников эскимосов от болезней, несчастий и т.п.

Выше были приведены данные Мерка о рисунках женской татуировки. Укажем дополнительно наблюдения Нельсона. Он говорит, что эскимоски мыса Восточный (т.е. сел. Нывокак) татуировали груди, а иногда плечи и руки выше локтя. Татуировка лица у женщин состояла из

шести-восемью пар линий, которые шли от нижней губы до конца подбородка. На каждой из сторон лица по направлению от виска к подбородку изображался узор из кружков, спиралей и двух или трех вертикальных линий. Руки татуировались двумя параллельными линиями от запястья до локтя. У локтя указанные линии пересекались двумя другими короткими линиями. По запястью и к концу параллельных линий шли две пересекавшие их линии, окружавшие руку. Нельсон не упоминает татуировку носа. Между тем татуирование его двумя-тремя параллельными линиями от переносицы до крыльев было весьма обычным делом. Мерк кратко упоминает о татуировке подбородка у девочек. Дополнительно можно указать, что подбородок у лиц женского пола татуировался двумя, тремя, пятью и даже семью линиями. Наблюдения Нельсона дают возможность представить рисунок женской татуировки на руках. Однако следует указать, что и на руках у женщин (включая и кисть) наносился весьма сложный рисунок из линий, спиралей и кружков. Вообще рисунки женской татуировки были разнообразны и сложны.

Все вышесказанное позволяет сделать некоторые выводы. Татуировка женщин отличалась сложностью и разнообразием рисунка. Она была связана с возрастом и выходом девушки замуж. Вполне возможно, что отдельные знаки, как об этом упоминает Мерк, на лопатке и лобке имели целью защиту женщин от болезней и других несчастий. Об этом более определенно можно сказать в отношении татуировки у мужчин (изображения духов-защитников на лицах). Мужчины наносили на тело изображения убитых ими врагов и знаки, связанные с добычей кита. Сложность рисунка мужской татуировки, о которой сообщает Мерк, требует еще проверки. В какой мере связана татуировка азиатских эскимосов с прошлыми родовыми отношениями, остается еще неизвестным.

ГЛАВА V. [Анимистические представления.

Шаманство. Обряды и праздники.

Представления о загробном мире. Запреты.

Борьба с религией при Советской власти]

«В первобытном обществе причиной появления религиозных верований было бессилие людей в борьбе с природой, т.е. крайне низкий уровень экономического развития»³⁶. Это положение подтверждается и на материалах эскимосской религии.

Основой шаманского культа эскимосов являлись анимистические представления их об окружающем мире. Согласно таковым эскимосы верили, что не только они сами, [но] и животные, и птицы, и разные явления природы и даже быта наделены особой душой.

С другой стороны, эскимосы полагали, что существуют еще и духи, которые подразделялись ими на благожелательных и вредоносных. Последняя категория (турнырат) была наиболее опасна по отношению к людям (т.е. эскимосам). Различные несчастья, особенно болезни, приписывались действиям «злых турнырат».

К обожествляемым духам эскимосы относили «духа моря» — Качак'а³⁷, хозяина морских зверей, которому справляли особый обряд. Существо мужское, с моржовыми клыками, Качак обитает, по мнению эскимосов, вместе со своей женой на дне моря. Он имеет свое хозяйство и часто требует от людей жертвоприношений и даже кожаные лодки и вельботы. Наряду с морским духом, по представлениям эскимосов, в море находится и «Большая женщина» (Нулирах[п]ак), владеющая моржами и другими морскими животными. Очевидно, «Большая женщина» есть не что иное, как подводная хозяйка морских зверей Седна, предания о которой распространены у всех эскимосов от Берингова пролива до Гренландии. На пережитки тотемизма указывают многочисленные данные из области верований и обрядов. Например, эскимосы причисляли к разряду душ людей души дельфина-касатки, волка, ворона и белого кречета. В. Ф. Власова сообщает интересный факт, что тотемом некоторых семей эскимосов о-ва Врангеля является белая

³⁶ Антирелигиозный учебник [под ред. М. М. Шейнмана], изд. 2-е. М., 1940, стр. 214.

³⁷ Это Кэрэткун приморских чукчей.

гагара, с которой они считали себя в родстве³⁸. Данный факт следовало бы отнести скорее к вышеуказанным пережиткам тотемизма. Вряд ли можно говорить о наличии тотемов у эскимосов, сохранившихся до настоящего времени. Тотемистические представления (родство душ человека и животных, родство человека с гагарой) еще раз свидетельствует, что и у азиатских эскимосов существовал род как экзогамная группа, ибо наличие тотемов неотделимо от экзогамно-родовых тотемных групп.

Убийство касатки, волка, ворона, белой гагары и кречета у эскимосов было запрещено. Более того, до недавнего времени существовало представление, что касатка, зимой превращающаяся в волка, есть в то же время и человек (т.е. эскимос). Касатка считалась вместе с тем и охранителем людей от несчастий. Деревянное изображение касатки эскимосы носили при себе на ремне. С другой стороны, фигура касатки изображалась черной краской на байдарах и вельботах (по бортам носовой части). Эскимосы считали, что такое изображение касатки может принести удачу в морском промысле.

Нельсон, посетивший бухту Провидения в 1881 г., приводит в своей работе «Эскимосы Берингова пролива» рисунок головы мальчика с «тотемными знаками ворона», сделанными татуировкой на лбу. Однако В. Г. Богораз, полемизируя с Нельсоном, отрицает тотемный характер этих знаков, считая их лишь изображениями духов-защитников.

Очевидно, углубленное изучение тотемистических представлений эскимосов и особенно связи их с татуировкой на лицах и рисунками на лодках могло бы помочь выяснению прошлых родовых отношений, о следах которых говорилось выше.

С представлениями о духах связаны священные материальные предметы (амулеты), в частности скульптурные изображения духов-защитников, охраняющих семьи или отдельных людей (эскимосов) от несчастий и других действий злых духов.

Такие изображения духов-защитников, вырезанные из дерева, хранятся в эскимосских коллекциях Гос. Музея Этнографии (Ленин-

³⁸ В. Ф. Власова, Эскимосы острова Врангеля, Советская Арктика, 1935, № 5, стр. 61.

град), привезенных с Чукотского полуострова еще в 1909 г.³⁹ Дух-защитник (№ 1) изображен в форме человеческого лица (разм. 15,8×8,5 см), с реалистической трактовкой эскимосского физического типа (толстые губы, подчеркнутые скулы). По нашим данным, полученным от эскимосов, такие деревянные лица являлись охранителями семьи и помещались в жилищах. В. Г. Богораз кратко упоминает, что такие охранители в форме лиц имеются у чукоч, однако он ничего не говорит о них у эскимосов. Другое такое же изображение (№ 4) охранителя жилища представляет собой небольшую деревянную человеческую фигурку (разм. 20,7×5,5 см) с вращающимися руками и ногами, которые прикреплены к туловищу сухожильными волокнами. К спине этой фигурки привязана волокнами маленькая голова человека из дерева с вырезанным изображением лица. На лице первой фигурки большего размера сохранились следы «кормления», очевидно жиром. В описи той же коллекции упоминается в числе «предметов культа» деревянная палка (разм. 40×3 см) с изображением двух человеческих лиц, вырезанных одно над другим, которые также носят следы «кормления». К сожалению, подлинный предмет утерян, но, вероятно, и он принадлежал к изображениям духов-охранителей.

Вполне возможно, что вышеупомянутые человекоподобные изображения духов-защитников (лица, фигурки) целых семей следует связывать с культом духов-предков, но это предположение требует еще своего подтверждения.

В. Г. Богораз упоминает, что у эскимосов были и другие охранители, относившиеся к охоте на морских зверей и принадлежавшие байдарному объединению. К числу таковых относились старые наконечники гарпунов, головы чаек, кусочки различных частей кита и камень для гадания. Все эти предметы хранились в виде особой связки.

Среди предметов упомянутой выше коллекции находится и деревянное изображение головы белого медведя (разм. 7×3,3 см). Значась в описи как «поплавок, привязываемый к удочке во время рыбной ловли», это изображение, однако, по данным эскимосов, представляет собой духа-защитника индивидуального человека. Такого рода амулеты В. Г. Богораз приводит для чукоч⁴⁰.

³⁹ Коллекция отдела Сибири, опись № 1909.

⁴⁰ В. Г. Богораз, Чукчи, часть II. Л., 1939, стр. 60.

Для защиты от злых духов, особенно при болезнях, эскимосы наносили на лицо красной охрой или графитом полосы — знаки помазания. Точно так же при болезнях на лица больных наносились татуировкой схематические человекоподобные фигурки. По мнению В. Г. Богораза, эти татуированные изображения представляли собой духов — «защитников» человека.

Религиозные обряды и празднования у эскимосов почти не изучались. Материалы этого рода, собранные в 1901 г. В. Г. Богоразом, также незначительны. По мнению исследователя, основной смысл эскимосских празднований заключается в «обряде воскрешений убитых зверей», сопровождаемом драматическими представлениями и плясками. Данный обряд складывается из трех основных моментов: 1) примерного убийства зверя с извинениями; 2) торжественного потребления добычи, точнее ее частей, которые сберегаются для обряда; 3) речей и напутствий, в которых присутствующие уговаривают зверя удалиться к своим сородичам и рассказать им или хозяину зверей, как хорошо принимают их люди. Зверь должен привести вместе с собой на будущий год своих собратьев. Обычно в обряде зверя заменяет чучело, голова (моржа, тюленя) или кости. Таким образом, весь смысл обряда направлен к магическому увеличению добычи для будущего охотничьего года. С другой стороны, составной целью обряда является и благодарность за удачную охоту.

Примером этого может служить обрядовый праздник кита, который справлялся в зимнее время семьями, входившими в байдарное объединение. Шкура тюленя с положенными на нее кусочками туши кита, замещающая собой целого животного, вносилась в спальный полóg жилища и хранилась там несколько дней на почетном месте. «Киту» приносили для «кормления» обрядовую пищу, «поили» его водой, обращались все время с большим почтением. Во время праздника днем и ночью совершались обрядовые пляски и шаманство. Происходило также и обильное угощение мясом убитого кита всех участников, в том числе и гостей. Необходимыми принадлежностями праздника являлись особые молитвенные доски и одноручные обрядовые весла. На них рисовались черной краской или тюленьей кровью сцены китовой охоты со всеми подробностями. По существу, это должно было изображать магическое производственное действие, обеспечивающее будущую удачу в настоящей китовой охоте. Праздник

завершался бросанием в море остатков обрядовой еды, крошек и объедков. Предполагалось, что этим возвращалась жизнь убитому киту, который «уходил» в море.

Совсем еще недавно эскимосы о-ва Врангеля справляли благодарственный обряд в честь убитого белого медведя. Сразу же после убийства медведя охотник заверял убитого, что не он убил его, а кусочек свинца. Лишь только после этого снималась шкура, причем доставалось сердце, разрезанные части которого разбрасывались по сторонам. Снятая шкура с оставленным в ней черепом, приносилась в жилище, где «медведь» «угощался» поставленной перед ним едой, чаем. «Медведю» даже предлагалась курительная трубка. Во время «угощения» глава семьи напевал и постукивал в бубен. Обычно охотнику подпевала его семья. После такого обряда череп вынимался из шкуры и относился подальше от жилища. Шкура же шла после этого в обычную обработку⁴¹.

Некоторые другие обряды В. Г. Богораз рассматривает как обряды благодарности духам морских зверей за удачную охоту. К ним относится так называемый «праздник голов», справлявшийся в летнее время. Моржовые головы, приготовленные для празднования, клались на шкуре посреди жилища. Около них зажигалась большая жировая лампа. Головы обильно «угощались» пищей. Во время обряда совершалось жертвоприношение, пляска, кроме того, разыгрывалось и представление. К длинному ремню, за который брались все мужчины, привязывалась самая большая моржовая голова. Мужчины, изображая собой охотников, полагали, что они тащат пойманного моржа. Таким образом представлялась символическая охота на моржей. Весь обряд проводила женщина данной семьи.

В. Г. Богораз дает описание и некоторых других праздников азиатских эскимосов (обряд в честь морского духа Качака, «Большой женщины», праздники гагары и «хождения вокруг»)⁴².

Главными из них являлись праздники в честь Качака и «Большой женщины», справлявшиеся в зимнее время. Обрядовые моменты обоих праздников почти совпадают друг с другом. Праздник Качака

⁴¹ А. И. Минеев, Белый медведь, Советская Арктика, 1935, № 5, стр. 42. [Прим. сост.] У Шнакенбурга ошибочно «стр. 45».

⁴² В. Г. Богораз, Чукчи, часть II. Л., 1939, стр. 88–94 и 95–97.

в особенности справлялся в сел. Серейнек; в большинстве же других селений главным праздником был обряд в честь «Большой женщины». Интересной принадлежностью этих праздников являлась сеть, сплетенная из сухожилий, которая подвешивалась ниже дымового отверстия в жилище. К сети привязывались деревянные изображения чаек, помазанные кровью тюленя, и игрушечные весла. В празднике употреблялись разрисованные весла и доски с изображениями на них охотничьих сцен (см. выше Китовый праздник). Сеть, употребляемая на «празднике гагар», прикреплялась к особому шесту, разрисованному узором из прямых линий. Деревянные изображения гагар подвешивались на петельках к ремням. Держа конец ремня в руках, человек мог заставлять птиц скользить вверх и вниз по ремню. Во время обряда присутствовавшие свистели в особые свистки.

Интересно отметить, что миниатюрные изображения птиц, сделанные из кости, были найдены на о-ве Лаврентия среди археологических памятников Пунукской культуры.

Во время праздника «хождения вокруг» участники его вращали, напевая свои напевы, особое колесо в направлении движения солнца. Несколько мужчин при этом били в бубен. Необходимой принадлежностью обряда являлись деревянные миниатюрные изображения кита и байдар с сидящими в них людьми. Последние прикреплялись к четырехугольной рамке из весел, подвешенной к шесту. К основанию последнего и было приделано вращающееся колесо.

Проведение указанных празднований сопровождалось всегда жертвоприношением кусочков мяса, разбрасываемых по сторонам, битьем в бубен, пением и плясками.

Главными отправителями религиозных праздников были шаманы. В функции их входили также совершение жертвоприношений при открытии и закрытии охотничьих сезонов, магическое привлечение зверей в случае плохой охоты, «предсказание» погоды, «защита» людей от злых духов и «врачевание». Каждое селение имело своего главного шамана. Обычно шаманами являлись мужчины, но были известны и «могущественные» шаманки. Вообще женщина в религии эскимосов играла большую роль, особенно в части заклинаний и магических действий. В ведении женщины находились священные амулеты (охранители); женщина готовила обрядовую пищу; наиболее старая

в семье женщина совершала татуировку и знаки помазания. При жертвоприношении — «встрече» убитого кита женщины произносили заклинания примирения с ним.

Особого шаманского костюма у эскимосов не было, но подвески, бахромы, кисти обычной одежды служили указанием на принадлежность к шаманам.

Обычно на праздники с целью влияния на окружающих шаманы устраивали особые действия (сеансы), проводившиеся ими в спальных помещениях при полной темноте. Во время сеанса шаман, держа в левой руке бубен овальной формы, правой постукивал колотушкой из китового уса о кожу бубна. При этом шаман напевал и вызывал духов-помощников, с которыми «советовался об удаче» в охоте; здесь же делались и различные предсказания. Очень часто сеансы сопровождались и различными фокусами. Например, муж шаманки Упынэ с мыса Чаплина «мог погружаться» под землю вместе с бубном, выходить наружу жилища и стучать в дверь. В. Г. Богораз объясняет этот фокус тем, что эскимосские шаманы вырывали в своих жилищах подземные ходы, через которые и выходили наружу, возвращаясь таким же образом обратно.

Шаманы делали фокусы при дневном свете. Вышеупомянутая шаманка Упынэ произвела в присутствии В. Г. Богораз искуственный фокус, «разрезав» ножом живот у своего сына. Весь секрет фокуса заключался в том, что шаманка заранее набрав в рот замороженных кусочков тюленьей крови, растаяла их, а затем, держа между пальцами нож, склонившись над животом, выпустила «кровь» в «разрез», и мальчик встал как ни в чем не бывало. Шаманские фокусы на суеверных, к тому же неграмотных эскимосов оказывали очень большое влияние.

Шаманы получали известное вознаграждение за те или иные «услуги». Прежде всего, не участвующий в охоте шаман имел право получить часть китового уса, моржовые головы с клыками, моржовые шкуры. Шаманам выделялась всегда доля моржового или китового мяса, хотя бы они и не участвовали в охоте.

Таким образом, шаманы выступали как самые настоящие эксплуататоры.

По представлению эскимосов, умершие продолжали жить в загробном мире такой же жизнью, как и на земле. Вместе с умершими родственники клали поэтому предметы домашнего обихода, посуду,

нитки, иголки (для женщин); гарпун, ружье, табак (для мужчин). Торговец Кувар, как сообщает В. Г. Богораз, «оставил на могиле одного из своих сыновей даже граммофон и старый китоловный вельбот». Все клавшиеся с покойником на кладбище предметы ломались. Души предметов, «отделенные» таким образом от самого предмета, покойник «брал» с собой. Умершего обычно одевали в меховую одежду и связывали тело ремнями. Покойника отвозили на кладбище зимой на собаках, а летом относили на руках, привязывая тело к шесту. На месте погребения покойника клали на землю и раздевали, одежда разрезалась на части. Если умерший был охотник, то обычно убивали собаку. Тело оставляли лежать на земле. Идущие с места похорон старались запутывать следы так, чтобы покойник не нашел дороги обратно в жилище. Предполагалось, что душа умершего могла, найдя жилище, причинить вред живущим родственникам. Особенно опасным считался погибший в море. Его душа, как верили эскимосы, всегда причиняла живым разные несчастья. Для того чтобы оградить живых родственников от души человека, погибшего в море, совершалось особое жертвоприношение.

Большую роль в верованиях и жизни эскимосов играли так называемые запреты, нарушение которых считалось тяжким грехом. Запреты эти довольно многочисленны и в основном связаны с морем. К примеру, можно указать на следующие запреты, записанные автором в сел. Серейнек в феврале 1932 г. «Нельзя отряхивать рукавичкой снег с обуви: кит на охоте будет ударять хвостом и опрокинет байдару». «Нельзя закрывать тарелкой тарелку: тюлень не будет показываться на поверхности моря».

В. Г. Богораз указывает, что главным запретом у эскимосов являлся запрет употреблять зимой дерево для топлива. Эскимосы объясняли этот запрет тем, что запах дыма может «отпугнуть» тюленей.

Во время охоты на кита женщинам селения запрещалась обработка шкур и в особенности натирание их ольховой краской. Эскимосы верили, что если женщина вымоет в морской воде запачканные соком ольховника руки, то она отгонит от берега всех китов. Ряд других запретов относился к женщине в период очищения. Женщина должна была избегать малейшего прикосновения к мужу. Считалось, что в противном случае мужа постигнет полная неудача в морской охоте.

Запрещалось также на байдары, идущие на охоту в море, брать свежую воду и топливо для варки пищи. Поэтому охотники должны брать с собой для пищи сырое или вяленое мясо. Утолять жажду разрешалось кусочками льда.

Попытки христианской проповеди со стороны американских и русских миссионеров среди эскимосов Чукотского полуострова успеха не имели. Наоборот, известен случай, относящийся примерно к 1908 г., когда русский миссионер, пытавшийся насильственными мерами бороться против шаманов, был изгнан эскимосами из селения и едва не убит. Некоторые эскимосы, правда, считались крещеными и носили православные имена. Интересно отметить, что миссионеру в бухте Провидения помогал при церковной службе крупнейший эскимосский шаман Уваун, который знал по-русски слова молитв, не понимая их содержания.

С другой стороны, можно было бы указать и на факт влияния американских миссионеров. В 1932 г. один из работников Райисполкома видел в жилище эскимоса на о-ве Большой Диомид металлическое изображение Христа, которое было получено еще до революции от американского миссионера. Изображение Христа висело вместе с «духами-охранителями» и рассматривалось эскимосами как один из амулетов. Таким образом, христианство заметного влияния на религиозные представления эскимосов не оказало.

Как и у других народов Сибири, религия эскимосов явилась тормозом, а шаманы злейшими врагами социалистического строительства.

Борьба за укрепление советов, развертывание коллективизации, переустройство отсталого быта проходило у эскимосов в условиях острой классовой борьбы, в которой шаманы выступали яростными противниками Советской власти.

Уже отчет Чукотского Районного Исполнительного Комитета за 1928–1930 гг. отмечает, что «шаманско-зажиточная часть в этот период выявила себя в антисоветской деятельности более открыто»⁴³.

Со времени XVI партийного съезда, который «вошел в историю партии как “съезд развернутого наступления социализма по всему

---

⁴³ Н. Б. Шнакенбург, Классовая борьба на Чукотском севере (рукопись), стр. 5. [Прим. сост.] В неопубликованных работах Шнакенбурга такой рукописи обнаружить не удалось.

фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации” (Сталин)»⁴⁴, классовая борьба в Чукотском районе заметно обостряется. Теряя влияние среди трудящихся эскимосов, видя свою неминуемую гибель в будущем, шаманы и другие чуждые элементы решаются даже на крайние меры.

Тот же отчет Чукотского Районного Исполнительного Комитета указывает, что в 1930 г. «шаманская часть с группой эскимосов ездила на Малый Диомид, где капитану военного американского парохода “Нордланд” жаловалась, противоречиво выставляя действительные факты нашего положения, и, прибыв домой в Наукан, не дали осмотреть красноармейцу вельбот и обезоружили такового, а затем, боясь сделанного, написали в РИК ложное письмо, обвинив во всем учителя и требуя удаления его из Наукана». Возглавляли эту группу бывший торговец и шаман Тагаенга.

Победа колхозного строя в последующие годы, большая политико-просветительская работа, проведенная местными организациями, в корне подорвали влияние шаманов. Сами эскимосы осознали вредную роль шаманства. Комсомолец Ктугге (сел. Серейнек) даже написал стихи, разоблачающие шаманов. Сравнивая мрачное прошлое с новой колхозной жизнью, тов. Ктугге пишет:

Посмотри к нам теперь,
Погляди в нашу дверь,
Мы теперь не будем лечиться у тебя,
Мы будем лечиться у себя.
Мы теперь тебя хорошо знаем,
Сколько ты обманывал,
Знаем, сколько ты от товарищей отнимал,
Что ты делал — мы все помним⁴⁵.

Другой комсомолец, тов. Умкауге, из того же селения в письме к учителю Чукотской культбазы сообщил, что колхоз теперь проводит весеннюю охоту без участия шаманов⁴⁶.

⁴⁴ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938, стр. 236.

⁴⁵ Из статьи И. Скачкова «Антирелигиозная работа на Крайнем Севере и в Дальне-Восточном крае» (Антирелигиозник, 1938, № 8–9, стр. 33–34).

⁴⁶ Там же, стр. 33.

Даже в сел. Нывокак, где было особенно сильно шаманское влияние, положение изменилось. Весной 1939 г. колхозники селения разоблачили пять шаманов, вредивших тайком колхозу. Общее собрание постановило: исключить их из колхоза и просить районные организации о выселении шаманов из селения.

Хотя в настоящее время социальные корни шаманства и уничтожены, однако среди взрослой и особенно пожилой части эскимосов религиозные предрассудки еще сильны.

Товарищ Сталин с предельной четкостью вскрыл причины живучести пережитков капитализма, в том числе и религии, у народов СССР. Выступая на XVII съезде партии товарищ Сталин говорил: «...нельзя сказать, что мы преодолели пережитки капитализма в сознании людей. Нельзя сказать этого не только потому, что сознание людей в его развитии отстает от их экономического положения, но и потому, что все еще существует капиталистическое окружение, которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР и против которого мы, большевики, должны все время держать порох сухим»⁴⁷.

Антирелигиозная пропаганда, преодоление шаманских суеверий в сознании является в настоящее время одной из важнейших задач дела коммунистического воспитания трудящихся эскимосов — строителей социализма.

---

⁴⁷ Там же, стр. 33.

ГЛАВА VI. [Народное искусство. Фольклор. Игры. Песни и бубен]

Народное художественное творчество эскимосов почти не изучено. Между тем их разнообразные художественные произведения показывают богатейшие творческие возможности и способности этого народа. Помимо искусствоведческого интереса эскимосское творчество (резьба по кости и дереву, фольклор, пляски) представляют собой важный источник для изучения истории самих эскимосов. О происхождении и начальных этапах развития эскимосского народного творчества сказать еще ничего нельзя. В некоторой своей части (резьбе по кости) оно восходит, несомненно, своими корнями к тонкому искусству древней «берингоморской культуры». Принято думать, например, что уродливые человекоподобные фигурки, которые эскимосы вырезают из моржовой кости и теперь, — подражание японским или китайским статуэткам, случайно попавшим на север чуть ли не в конце XIX ст. На самом деле подобные фигурки из дерева и кости, но более грубо сделанные, были обнаружены археологическими раскопками на о-ве Св. Лаврентия. По времени они относятся к периоду Пунукской культуры. Очевидно, в свое время они являлись изображениями религиозного характера.

Сложившимися к Октябрьской революции видами эскимосского творчества являлись сказочный и песенный фольклор, деревянная и костяная скульптура, рисунок на дереве и моржовой кости. Среди других видов изобразительного искусства можно отметить вышивку подшейным волосом оленя, бисером, цветными нитками (одежда, перчатки, сумочки), мозаичный подбор (одежда, коврики, сумочки) и аппликацию (одежда, обувь, детские мячи). Часто вышивки волосом, нитками сочетались с мозаичным подбором и аппликацией на тех же самых предметах, так что точного разграничения между ними установить нельзя. Следует указать, что в особенности вышивка была связана с общественным положением данного лица. Наиболее состоятельные эскимосы имели хорошую, богато разукрашенную одежду. С другой стороны, вышивалась и одежда шаманов; в последнем случае вышивка носила строго религиозный характер.

В то время как некоторые виды изобразительного искусства эскимосов носили религиозный характер, другие имели реалистический характер. Последние получают свое дальнейшее развитие уже после

Октябрьской революции. По участию в выполнении тех или иных работ в изобразительном искусстве эскимосов можно наметить две области: мужскую и женскую. К первой относились костяная скульптура малых форм (фигурки зверей, шхуны) и рисунок на моржовых клыках. Это область мужского изобразительного искусства чисто реалистического характера. Ко второй области можно отнести вышивки одежды и изделия (туфли, коврики, сумочки), исполнявшиеся исключительно женщинами. В области искусства, связанного с религией, роль женщины являлась более широкой. Например, татуирование, раскрашивание лица исполнялись всегда женщинами. Остается еще неясным, женщины или мужчины наносили во время обрядов рисунок на особых досках — изображения охотничьих сцен, с другой стороны, есть предположение, что изображения духов-охранителей из дерева делались шаманами-мужчинами.

В фольклоре такое разграничение провести трудно. Сказки рассказываются мужчинами и женщинами. Особых сказителей у эскимосов нет, но в каждом селении всегда есть люди, которые знают фольклор больше других. Материал изобразительного искусства довольно разнообразен. Для скульптуры малых форм употребляли кость (моржовый клык) и дерево. Художественные коврики, сумочки и т.п. изготовлялись из выделанных тюленьих шкур.

В одном случае шерсть на шкурах оставлялась, в другом начисто удалялась. Путем длительного процесса тюленья шкура обрабатывалась до кожи белого цвета. Иногда такая кожа окрашивалась в красный цвет раствором в моче и жире камня кровавика. Тонко выкроенные кусочки белой или красной тюленьей кожи использовались путем наложения (аппликации) в украшениях одежды, обуви, ковриков и т.п. Кусочки оленьих шкур употреблялись в качестве украшений в зимней одежде и обуви.

Одежда и обувь женщины отличались подбором окраски шкур, предпочиталось при этом сочетание белого и темного цветов. Для этой цели эскимоски подбирали оленьи шкуры так, чтобы одежда получалась пестрой. Мужчины, наоборот, любили одежду из оленьих шкур ровной темной окраски. Принцип сочетания шкур разной окраски — мозаику применяли и в художественных изделиях (коврики, сумочки, туфли). В этом случае мозаичный подбор мог быть из оленьих и из тюленьих шкур.

Материалом украшений летней одежды и обуви служили почти исключительно тюленьи шкуры. Полоски тюленьей шерсти или шкуры вшивались, например, в штаны сбоку (лампасы) или нашивались на поверхность их в виде бахромы. Последняя красилась в красный цвет. Дождевики из моржовых кишок часто украшались разноцветными перьями морских птиц, иногда целыми утиными головками.

В вышивке широко применяли белый подшейный волос оленя, а из привозных материалов цветные нитки и бисер, иногда кусочки разноцветной материи. Орудия женского изобразительного искусства немногочисленны: кроильная деревянная доска, широкий женский нож, а также ножницы, стальные иглы, наперсток. Шитье производилось нитками, изготовленными из сухожилий, снятых с ног или спины оленя. В художественной вышивке и изделиях основным являлся геометрический орнамент (линии, квадратики, ромбы, звезды, круги, крестики). Орнамент растительный (изображения растений, листьев) ограничен и применяется почти исключительно в вышивке туфель. О рисунке, связанном с областью женского искусства (татуировка) говорилось выше, в главе «Общественный строй». О деревянной скульптуре (изображения духов-охранителей) говорилось также в главе «Религия».

Переходим к области мужского изобразительного искусства. Основное место занимала здесь костяная скульптура. Она была представлена в дореволюционное время различными фигурками животной формы (тюлени, моржи, олени и др.), вырезанными из моржового клыка. Отдельные эскимосы искусно вырезали также из клыка модели шхун небольшого размера. Костяная эскимосская скульптура строго реалистична. Изображения моржей, лежащих на льду — точное подражание настоящим животным. Пропорции туловища строго соблюдены. Каждый мускул фигурки точно походит на мускул животного. Каждой фигурке придана динамичность движения.

Еще неясен вопрос, в какой мере эскимосы раньше вырабатывали художественно гравированные моржовые клыки. Выработка их получает свое развитие лишь после Октябрьской революции. С другой стороны, известны рисунки на трубках, сделанных из моржового клыка, с изображением сцен морской охоты. В числе других костяных изделий были известны пряжки к ремням с точечным орнаментом, вырезавшиеся из моржового клыка. О других формах костяной

скульптуры до революции ничего не известно. Можно лишь полагать, что чернильные приборы, шахматы, ножи для разрезывания бумаги до революции изготавливались случайно.

Эскимосское народное творчество самобытно, своими корнями оно уходит в далекое прошлое этого народа. Элементы подражания, возникшие в результате сношений с китоловами, были довольно ограниченны (модели шхун); подражание в рисунке картинкам журналов также не оказало значительного влияния на сюжеты изображаемых сцен. Они сводились до революции преимущественно к бытовым или сказочным сюжетам.

Наиболее ярко изобразительное искусство проявлялось в украшениях к одежде и в изделиях из шкур. Некоторые предметы этого вида искусства, привезенные в 1909 г., хранятся в коллекциях Гос. Музея Этнографии (Ленинград). Одно из украшений подола одежды (колл. № 2106-7) в виде узкой полосы составлено из квадратиков продолговатых кусочков оленьей шкуры белого и темного цветов (мозаика). Ряды квадратиков чередуются с окрашенными в красный и зеленый цвет полосками тюленьей шкуры. Местами вшиты кусочки материи (кумач), ремешки и окрашенная в красный цвет шерсть. Внизу украшение опушено мехом росомахи. Мужские штаны (коллекция № 2106-3), сделанные из тюленьей кожи шерстью наружу, украшены вшитыми лампасами красного цвета из шерсти тюленя. Сзади к штанам пришиты кисти из полосок тюленьей шкуры. Известны также дождевики из моржовых кишок с головными капюшонами, обвешанные полосками из окрашенной в красный цвет тюленьей шерсти. По краям дождевика (низ, капюшон, рукава) пришиты полосы из выделанной кожи тюленя, красного цвета.

Разнообразна была вышивка геометрическим орнаментом по обуви. К примеру, можно указать мужскую обувь до колен из тюленьей шкуры (колл. № 4979). Обсоюзки⁴⁸ из оленьих лапок обшиты внизу выделанной белой кожей тюленя. Последняя орнаментирована квадратиками красной тюленьей кожи. Сверху обувь обшита каймой из белой тюленьей кожи с темными полосками, которые вышиты белым оленьим волосом в форме волнистой стежки. Такой же стежкой вышито соединение кожи обуви с оленьими лапками. На короткой мужской обуви

⁴⁸ [Прим. сост.] Накладка на носок обуви для ее усиления.

белая кайма, идущая поверху, вышивалась чисто оленьим волосом в виде круглолинейного и спирального орнамента.

Женская обувь из выделанной черной тюленьей кожи украшалась нашитыми полосками из белой выделанной кожи тюленя.

Изготовление такого рода украшений путем наложения отдельных полосок и кусочков (кружочки, ромбы, квадратики) белой тюленьей кожи применялось на кожаных поясах.

Примером художественного коврика может служить коврик (колл. № 4949-15, размер 68×47 см), сшитый из 9-ти чередующихся белых и темных квадратов из тюленьей кожи, сплошь орнаментированных полосками, кусочками белой и темной тюленьей кожи. По краям коврик обшит темно-красной полоской из кожи тюленя, на которую нашиты белые ромбики. Края в свою очередь опушены каймой из белой тюленьей кожи.

Каждый квадрат коврика сплошь украшен геометрическим орнаментом из двух перекрещивающихся эллипсов с кругом посредине из тоненьких полосок красной тюленьей кожи. В середине круга дан кружок из темно-красной кожи с расходящимися радиальными полосками. По бокам квадрата мелкий геометрический звездообразный орнамент. Вся орнаментовка в квадрате коврика выполнена наложением (аппликацией) кожи.

В других ковриках геометрический орнамент вышит оленьим волосом.

Сочетание орнамента на мячах различно. К примеру, можно указать мяч (коллекция № 4979-17) из черной выделанной кожи тюленя (размер 15×17 см). По сторонам нашиты белые кружки с кружочками темно-красного цвета из тюленьей кожи. Сверху и снизу нашиты белые треугольники, справа и слева — продолговатые кусочки из белой кожи. Центр мяча сверху перекрещивают две белые полосы. Одна из них прямоугольная, вторая в виде удлиненного эллипса. По поверхности мяча нашиты кружочки из красной и ромбы из белой кожи.

Вышивка бисером в дореволюционное время применялась преимущественно на кожаных мужских поясах. Они вышивались сплошными круговыми чередующимися рядами разноцветного бисера.

Основным сюжетом сказочного фольклора азиатских эскимосов являлось широко распространенное среди эскимосских племен предание о подводной хозяйке морских животных. У аляскинских и грен-

ландских эскимосов эта подводная хозяйка известна под именем Седны, у эскимосов же Азии — как «Большая женщина (старуха)». Варианты этого предания различны и у азиатских эскимосов, но в общих чертах они могут быть сведены к следующему.

Подводная хозяйка зверей была настоящей женщиной, но не желала выходить замуж. Это послужило причиной столкновения ее с собственной семьей. Однажды в ссоре отец отрубает ей каменным топором руку; женщина опрокинула лодку, в которой плыли она и ее родные, и ушла жить на морское дно. Там она становится хозяйкой тюленей, моржей и китов. Для успеха в охоте люди должны задабривать ее и строго выполнять запреты, связанные с именем «Большой женщины». Одним из распространенных вариантов этого сюжета является сказка о девушке, которая нашла мертвую китовую голову. Содержание сказки вкратце таково. Единственная дочь престарелых родителей упорно отказывается выходить замуж. Гуляя на берегу моря, она находит голову, точнее черепные кости кита. Они внезапно оживают, становятся китом, который уносит девушку на дно морское. Там она рождает от кита младенца — получеловека-полутюленя и продолжает жить на дне морском. В. Г. Богораз правильно указывает, что данный сюжет является своеобразным отголоском древнего материнского права и господства женщин при материнском родовом строе.

Другим характерным сюжетом фольклора является сказка о невинно гонимом сироте, живущем с бабушкой, которым односельчане не дают мяса и всячески их обижают. С помощью колдовства сирота превращается в красивого ловкого юношу, который избивает своих обидчиков и становится первым человеком в селении. Второй сюжет также связан с общественными отношениями, характерными для периода распада рода: нарушение взаимопомощи и поддержки бедных, выделение первых по положению людей в селении.

Особым разделом являются сказки о животных. Среди них необходимо отметить распространенную и у приморских чукчей сказку о вороне и волке, которые катались с горы.

У эскимосов развито и песенное творчество. Песни исполнялись под удары бубна и обычно во время исполнения плясок. В песнях, кратких по размерам, часто из нескольких слов, воспевались любовь, подвиги охотников и т.п. Особым видом являлись песни, в которых высмеивались поступки кого-нибудь из односельчан. Песни исполня-

лись мужчинами и женщинами. Обычно песню начинал кто-либо из эскимосов под удары бубна с низкой протяжной ноты. Слова подхватывались двумя-тремя другими участниками плясок, ударявшими в бубен. Припев исполнялся всеми присутствующими. Достигнув высоких нот, мотив падал и заканчивался пением начинавших. Далее следовало повторение песни с включением новых слов. Во время пения начинались пляски. Они исполнялись эскимосами стоя или сидя на одном месте, причем плясала обычно группа из двух-трех танцоров, мужчин и женщин. Количество танцоров могло достигать до пяти. Каждая пляска имела свое замысловатое значение, а поэтому и исполнение ее было различным. Обыкновенно в плясках изображались сцены охоты или быта.

Например, были известны пляски «тюленя», «моржа», «ворона» и ряд других. Различными движениями рук, туловища, наклонами головы танцор показывал присутствующим, как лежит на льдине морж, как подкрадывается к нему охотник и т.д. Вороний танец обычно сопровождался плавными взмахами и опусканиями рук (полет ворона) с характерными наклонами и поворотами головы. Последнее должно было изображать идущего по земле и покачивающего головой ворона. В других плясках танцоры делали приседания, выпрямлялись и совершали прыжки, не сходя при этом с места. Каждая пляска всегда сопровождалась глухими ударами палкой в бубен и пением присутствующих. Обычно в середине темп музыки и пение настолько учащались, что танец превращался в быстрые, но на одном месте движения танцоров. Последние в конце пляски так утомлялись, что отходили в сторону и опускались на землю в изнеможении. В зимнее время пляски исполнялись в спальном пологе, летом — на площадках у жилищ. В летнее время мужчины и женщины принимали участие в плясках в своей обычной одежде. Зимой при этом мужчины снимали верхнюю одежду и оставались в штанах и обуви. Участники танцев — женщины зимой снимали верхнюю одежду, накидывая на себя матерчатые балахоны (камлейки). Танцоры-мужчины всегда надевали на руки летом и зимой красиво расшитые перчатки.

Во время религиозных праздников исполнялись особые обрядовые пляски, точное содержание их неизвестно, но можно полагать, что в этих случаях изображались сцены морской охоты религиозного значения. Участницы обрядовых плясок — женщины, например на «кито-

вом празднике», выступали в пологах без одежды, но в коротких женских штанах.

У азиатских эскимосов распространены и различные игры — состязания, в которых принимали участие взрослые и дети. Из таковых можно указать на игру в кожаный мяч, поднимание тяжестей — камней, бег вперегонку на расстояние и бег по кругу. Подбрасывание человека вверх на моржовой шкуре. В последнем случае мужчина и женщина показывали свою ловкость. Подброшенные вверх, они должны были стоймя же опуститься на шкуру, которую присутствующие держали за края в натянутом положении. В дни празднеств устраивали и состязания — бега на собаках, однако они развиты у эскимосов были мало.

Игры и состязания наряду с плясками являлись составным моментом каждого большого религиозного праздника. Однако они устраивались и не только во время их. Например, пляски могли происходить в любые свободные от занятий дни. С другой стороны, игры и состязания для мальчиков являлись своего рода воспитательной тренировкой силы, ловкости и выносливости будущего охотника.

До революции общепринятым музыкальным инструментом был бубен. Он представлял собой обруч овальной формы с короткой ручкой, на который натягивалась выделанная кожа моржового желудка. При ударах плашмя палкой кожа издавала глухие звуки, под которые и происходила пляска. Такие же по форме бубны, но с особой колотушкой из полоски китового уса, употреблялись шаманами во время сеансов. В отдельных состоятельных семьях имелись привозные из Америки граммофоны. Других музыкальных инструментов до революции эскимосы не знали.

Вышеописанные виды народного творчества бытуют у эскимосов и теперь. При этом можно отметить две тенденции. Творчество, связанное с религией (деревянная скульптура и рисунок религиозного содержания), отмирает. Костяная скульптура, рисунок на моржовых клыках, вышивка, пляски, наоборот, обогатившись новым социалистическим содержанием, получили дальнейшее развитие.

**ГЛАВА VII. [Установление Советской власти на Чукотке.
Заселение о-ва Врангеля. Политика Советской власти на Чукотке.
Кооперация. Местные советы. Спасение «Челюскина».
Колхозы на Чукотке. Промышленное производство.
Школьное образование. Культурное строительство.
Медицинская помощь. Перемены в быту]**

«Свергнув помещиков и капиталистов, — говорит товарищ И. В. Сталин, — Октябрьская революция разбила цепи национально-колониального гнета и освободила от него все без исключения угнетенные народы обширного государства»⁴⁹. Только поэтому, благодаря Великой Октябрьской Социалистической революции, политически бесправные в прошлом, эксплуатируемые торговцами, эскимосы стали строителями своей новой жизни.

Однако в силу обстоятельств установление Советской власти на обширной территории быв. Чукотского уезда затянулось на несколько лет. Свержение двойного гнета: российских помещиков-капиталистов и местных кулаков-торговцев, переход к власти советов имели здесь свои особенности. В Чукотском уезде промышленный пролетариат отсутствовал, население было политически и культурно совершенно отсталым. В таких условиях установление Советской власти среди чукоч и эскимосов уезда могло произойти лишь с братской помощью и под руководством передового русского рабочего класса и его боевого авангарда — партии большевиков. Товарищ И. В. Сталин указывает на эту великую освободительную роль пролетариата в отношении к угнетенным народам России. «Пролетариат, — говорит он, — не может освободить себя, не освобождая угнетенные народы»⁵⁰.

Непосредственное проведение Октябрьской революции среди населения Чукотского уезда зависело прежде всего от дальневосточных революционных центров — Хабаровска, Владивостока — и складывавшейся здесь политической обстановки. Провозглашение Советской власти на Дальнем Востоке III-м краевым съездом советов 27 декабря 1917 г. для далеких северных уездов края (Анадырского, Чукотского) имело лишь учредительное значение. Не изменилось положение

⁴⁹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, 2-е изд. М.; Л., 1926, стр. 177.

⁵⁰ Там же, стр. 177.

и с переходом власти к Советам в Камчатской губернии, совершившееся в январе-марте 1918 г.⁵¹ Вскоре на Дальнем Востоке начались интервенция и гражданская война. Это обстоятельство не дало возможности краевым центрам оказать братскую помощь народам чукотского севера — установить среди них Советскую власть. Однако, как увидим дальше, в самый разгар гражданской войны (лето 1919 г.) Владивостокская подпольная организация большевиков сделала в этом отношении героическую попытку (Анадырский Ревком). В конце 1917 — начале 1918 г. в удаленных северных уездах края, Анадырском и Чукотском, создалась довольно своеобразная политическая обстановка. Переход власти к местному совету Рабочих и Солдатских депутатов в первом уезде оказался чисто формальным. Отсутствие пролетариата и представителей краевых органов Советской власти сыграло решающую роль. В Совет вошли представители той же кулацкой торгово-промышленной Анадырской «знати». Достаточно сказать, что во главе Совдепа 1918 и 1919 гг. стояли Ребров, Пчелинцев, Михалев — в последующем активные участники разгрома Ревкома в 1920 г.⁵² Во главе администрации Чукотского уезда остался комиссар Временного правительства. Летом 1918 г. он, узнав от команды торговой американской шхуны об октябрьском перевороте, скрылся на шхуне в Америку. Вплоть до лета 1919 г. никакой собственно власти в Чукотском уезде не было. Пароходное сообщение с Владивостоком и Петропавловском на Камчатке было прервано.

Летом 1919 г. в Анадырь прибыли на пароходе представители колчаковского правительства, которым местный Совет не оказал сопротивления, власть в уезде перешла к колчаковцам. Одновременно колчаковцы захватывают власть и в Чукотском уезде. Тем же пароходом в бухту Провидения и в Уэлен прибывает колчаковская администрация во главе с начальником уезда Хреновым.

Год колчаковского правления (1919–1920 гг.) был для населения Чукотского полуострова таким же мрачным, как и прошлое время

⁵¹ Эту дату приводит Г. Рейхберг в книге «Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке. 1918–1922» (М., 1940).

⁵² История гражданской войны на Чукотском севере не изучена. Для Анадырского уезда события излагаем по статье А. Васильева «Героические страницы борьбы за власть советов на Чукотке» (Советская Чукотка, № 18, 7 ноября 1938 г.).

паризма. Торговцы так же продолжали эксплуатировать эскимосов и чукчей. Американские шхуны ввозили беспрепятственно спирт и занимались хищническим убоем моржей на лежбищах. Школа и фельдшерский пункт не работали.

В Анадыре радиостанция была разрушена белыми и не действовала, Чукотский полуостров не имел радио совершенно. Таким образом, казалось бы, чукотский север был целиком отрезан от той кровопролитной борьбы за власть советов, которая шла на фронтах гражданской войны. Однако и здесь происходили героические события большой политической важности. На одном и том же пароходе летом 1919 г. в Анадырь прибыли нелегально два большевика (М. Мандриков и А. Берзин), посланные на север владивостокской подпольной организацией РКП(б). К осени им удалось среди местнорусского населения сел. Анадырь сплотить группу единомышленников, а затем поднять восстание. В ночь с 15 на 16 октября 1919 г. колчаковцы были арестованы и власть перешла к Революционному Комитету, который на территории Анадырского и Чукотского уездов и объявил Советскую власть.

Анадырский Ревком выпустил декрет об ликвидации долгов у местного населения и национализации имущества американской фирмы Свенсон и Ко.

«Одновременно было выпущено обращение к населению округа с призывом об объединении и помощи братьям по оружию»⁵³. Анадырский Ревком просуществовал всего 47 дней и не успел послать в Чукотский уезд своих представителей, в нем остались колчаковцы. В силу этих обстоятельств вышеуказанное постановление Ревкома о ликвидации долгов и национализации имущества в Чукотском уезде проведено не было.

«Однако в деятельности Ревкома были допущены серьезные ошибки, приведшие к роковой гибели членов Ревкома. Отсутствие опыта руководящей работы в условиях скрытого сопротивления классового врага, недостаточная работа по объединению национальной бедноты, либеральное отношение к колчаковцам — вот основные ошибки», — пишет А. Васильев⁵⁴. 31 января 1920 г. контрреволюционеры устроили переворот, арестовали членов Ревкома, а затем предательски их рас-

⁵³ А. Васильев, указ. статья.

⁵⁴ Там же.

стреляли. Но дни колчаковщины были сочтены. В тот же самый день 31 января 1920 г. во Владивостоке восставшие революционные солдаты и рабочие города свергли диктатуру колчаковского ставленника генерала Розанова. В Анадырском и Чукотском уездах колчаковцы продержались недолго. Летом 1920 г. в Анадыре происходит свержение местных колчаковцев и организуется второй Революционный Комитет, который вновь объявляет на территории обоих уездов Советскую власть. Летом 1920 г. в бухту Провидения прибывает уполномоченный Дальневосточной Республики (Д.В.Р.), который и представлял собою власть в Чукотском уезде. Занятие гор. Петропавловска на Камчатке и Охотского побережья в октябре 1921 г. белобандитским отрядом Бочкарева и движение части белых на Анадырь заставляют членов Анадырского Ревкома уйти в горы. Организация Ревкома в Чукотском уезде была временно отложена. С изгнанием белобандитов из Петропавловска в ноябре 1922 г. Камчатский Губревком назначает своим представителем в Чукотском уезде одного из живших здесь русских. Зимой 1922/1923 г. в Уэлен прибывают уполномоченные Анадырского Ревкома, которые и организуют в Уэлене Чукотский уездный революционный комитет. Таким образом, Советская власть окончательно устанавливается на территории Чукотского уезда лишь в 1923 г., в то время как в соседнем Анадырском уезде установление Советской власти должно считать в 1920 г. Хотя организация Советской власти и произошла в Чукотском уезде своеобразно — путем смены одного административного аппарата другим, тем не менее чукчи и эскимосы не оказались в стороне от борьбы за упрочение новой, революционной власти. Весной 1923 г. на окраинах Дальнего Востока происходила окончательная ликвидация белобандитских шаяк Пепеляева и Бочкарева⁵⁵. Местное население Камчатки оказало деятельную помощь в этом Красной Армии. Чукчи и эскимосы Чукотского уезда с участием живших здесь русских были объединены Революционным комитетом в партизанские отряды. В частности, из эскимосов сел. Нывокак был образован большой хорошо вооруженный отряд, проходивший военное обучение. Двигавшаяся на собаках из Средне-Колымска в Уэлен банда белых капитана Беляницкого, узнав о готовом отпоре, была вынуждена повернуть обратно на Колыму.

⁵⁵ Об этом см. у Г. Рейхберга, указ. соч., стр. 205–209.

К указанному периоду относится авантюрная попытка захвата о-ва Врангеля и закрепления его за Британской империей⁵⁶. В сентябре 1921 г. на о-ве Врангеля был высажен отряд канадцев под начальством А. Крауфорда, который поднял на о-ве британский флаг и объявил остров принадлежащим Великобритании. Однако в следующем 1922 г. ожидавшийся корабль со сменой и продовольствием не прибыл. Отряд Крауфорда начал испытывать голод в первую же зиму. В январе 1923 г. Крауфорд с двумя спутниками сделали неудачную попытку перебраться с острова по льдам на Чукотский полуостров: они, очевидно, погибли. Оставшийся на острове канадец Найт умер от цинги и прибывшая летом 1923 г. на шхуне «Дональдсен» спасательная экспедиция застала в живых лишь эскимоску-повариху. Спасательная экспедиция тем не менее сделала вторичную попытку оккупации острова. Был высажен новый отряд в составе 13 аляскинских эскимосов под начальством американца Уэльса. Последовавшие дипломатические переговоры не привели ни к чему. Советское правительство направило летом 1924 г. из Владивостока экспедицию под начальством Б. В. Давыдова, которая сняла оккупационный отряд Уэльса и подняла на острове Врангеля флаг Советского Союза⁵⁷. В 1926 г. на о-ве была поселена колония из русских охотников и эскимосов во главе с Г. А. Ушаковым, т.е. о-в Врангеля был фактически закреплён за СССР.

* * *

Намечая на X съезде РКП(б) очередные задачи партии в национальном вопросе, товарищ И. В. Сталин говорил: «Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) национальностей, которую мы унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях»⁵⁸. Далее товарищ И. В. Сталин указывает, что при проведении национальной политики в отношении народностей, не успевших пройти периоды промышленного

⁵⁶ [Прим. сост.] Вычеркнуто в рукописи.

⁵⁷ Об этом см.: Г. А. Ушаков, Остров Врангеля, Советская Арктика, 1936, № 8, стр. 22–27 и 29.

⁵⁸ И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. М., 1938, стр. 76.

капитализма, «необходимо учесть все особенности экономического состояния, даже исторического прошлого, быта и культуры этих народностей»⁵⁹.

Эти исторические указания вождя народов легли в основу национальной политики Советской власти и среди отсталых народностей Крайнего Севера. В 1924 г. при Президиуме ВЦИК был образован особый Комитет помощи малым народностям Севера, под руководством которого и протекала работа местных органов Советской власти. Советское правительство определило для народов Севера особые формы советского строительства (родовые, позже туземные советы, национальные райисполкомы), освободило народы Севера от всяких налогов, несения воинской повинности, предоставило населению Севера широкий кредит для восстановления хозяйства. Данные мероприятия были проведены также и среди эскимосов Чукотского полуострова. Советское строительство здесь осложнялось целым рядом обстоятельств. Надо было вначале завоевать доверие со стороны чукчей и эскимосов, снабдить их огнестрельными припасами и продуктами первой необходимости по твердой государственной цене, оградить их от эксплуатации торговцев и хищничества контрабандных шхун.

Первые шаги Чукотского уездного Революционного Комитета были направлены к ликвидации частной торговли, к борьбе с плаваниями иностранных шхун. Последние вели торговлю с населением на спирт и попутно истребляли на лежбищах моржей. После короткого периода (1922–1923) концессионной торговли канадской фирмы Гудсон-Бэй на территории Чукотского уезда открывается советская государственная торговля летом 1924 г. в бухте Провидения фактории Охотско-Камчатского Акционерного Рыбопромышленного общества. В факториях ОКАРО чукчи и эскимосы могли покупать по установленной цене необходимые товары. Особенно трудно было вести и налаживать советскую работу. Один из первых председателей Чукотского Революционного Комитета в своем докладе, относящемся к 1925–1926 гг., писал: «...туземцы не имеют представления о старой и новой России и власти вообще. Они знают: раньше был белый царь, который посылал начальников, надо было бесповоротно их слушаться. Сейчас их посылают Ленин, Калинин... большие начальники, которые убили царя и про-

⁵⁹ Там же, стр. 77.

гнали богатых — этих также надо слушаться»⁶⁰. Преднамеренно культивируемое в прошлом самодержавием такое «безропотное послушание» было громадным тормозом для советской работы. Тем не менее уже в 1925–1926 гг. в эскимосских и чукотских селениях были организованы низовые органы Советской власти, называвшиеся лагерными исполнительными комитетами (лагеркомы), подчинявшиеся непосредственно уездному Революционному комитету. По мере политического роста чукоч и эскимосов они были заменены выборными, так называемыми туземными советами с ограничением при выборах эксплуататорской верхушки населения. Доверие со стороны трудящихся чукчей и эскимосов к Советской власти росло и это дало возможность в 1928 г. провести первый съезд советов Чукотского района⁶¹; Революционный комитет, выполнивший свою задачу, при этом был ликвидирован. Первый съезд советов избрал туземный Районный Исполнительный комитет народов чукчей и эскимосов. В состав его вошли трудящиеся эскимосы⁶².

Помимо открытия государственной торговли в 1924 г., Советское правительство в лице Комитета Севера оказывает конкретную помощь эскимосам. В 1925 г. в бухте Провидения был открыт на случай недостатка мяса хлебозапасный магазин с продуктами и товарами на сумму 19.368 рублей. Было дано также указание факториям отпускать нуждающимся в кредит. Так, в том же году факторией ОКАРО эскимосам из Нывокак были отпущены в кредит продукты на сумму около 300 рублей⁶³. В то же время были повышены и заготовительные цены на пушнину, моржовые и тюленьи шкуры. В 1925 г. для эскимосов были открыты в селениях Нывокак и Серейнек новые школы. Начала оказываться и медицинская помощь: были отпущены средства на содержание постоянного медицинского работника в районе, а в 1926 г. был

⁶⁰ Чукотка за 1925–1926 гг. Доклад председателя Чукотского ревкома. Архив Главсевморпути. Дела Комитета Севера при президиуме ВЦИК (в дальнейшем — Архив ГУСМП ДКС), оп. 57, д. 149, л. 7.

⁶¹ Чукотский уезд был преобразован в район несколько ранее, в 1925 г.

⁶² В дальнейшем мы будем излагать социалистическое строительство лишь среди эскимосов, примерно теми же путями шло строительство и среди чукчей района.

⁶³ Бодунов, По Чукотскому полуострову. Жизнь, предания и обычаи туземцев, 1925 г. Архив ГУСМП ДКС, оп. 66, д. 271, л. 19.

прислан специальный отряд Наркомздрава. Наконец, в 1928 г. Комитет Севера открывает в заливе Лаврентия культурную базу (школа, больница, собачий питомник), в задачу которой входило и обслуживание эскимосов.

Большую роль в деле подъема эскимосского хозяйства и подготовке его к социалистической реконструкции сыграла кооперация. Основание ее в Чукотском районе положил учитель — комсомолец тов. Я. Тарасов. В 1925 г. он организовал в селении Нывокак кооператив. Вначале это было более чем скромное предприятие. В 1926/1927 г. кооператив селения имел оборотных средств всего лишь 362 р. 57 к. Советское правительство оказало всемерную помощь кооперированию эскимосов. В 1927 г. по представлению Далькрайисполкома Совнарком РСФСР отпустил ссуду в 120.000 рублей для улучшения экономического положения населения Чукотского полуострова. В числе закупленного на эти деньги промыслового инвентаря и оборудования было десять вельботов, три из них были переданы эскимосам селений Уназик, Аван и Имтун. На основе такой широкой помощи и началось дальнейшее развитие кооперации в эскимосских селениях. Было приступлено и к организации кооперативно-промысловых сезонных групп. Проведенная предварительно разъяснительная работа дала свои результаты, эскимосы начали осознавать преимущества кооперативного труда и в области производства. Можно привести некоторые любопытные данные о развитии у эскимосов кооперации. Вот «Протокол организационного собрания инициативной группы по образованию туземного кооператива в районе селений Эстихет и Урэйлюк», состоявшегося 20 августа 1927 г. в селении Эстихет:

«1. Слушали. Сообщение председателя Напаургина, что из жителей селений Эстихет и Урэйлюк по предварительной записи 15 человек изъявили желание записаться в члены кооператива, а 10 из них хотят пользоваться вельботом и зверобойным ружьем, присланными Комитетом Содействия Народностям Севера.

1. Постановили: 1) считать, что записалось уже достаточно желающих вступить в члены кооператива и что можно организовать немедленно кооператив под названием Эстихетский туземный кооператив “Морской охотник”. 2) Установить вступительный взнос в размере одной нерпичьей шкуры и паевой взнос в размере четырех нерпичьих

шкурок или, считая на деньги, 2 рубля вступительный и 10 рублей паевой взнос»⁶⁴.

Вскоре были организованы кооперативы и промысловые сезонные группы и в других эскимосских селениях: Уназике и Имтуке, а в 1928 г. и в Серейнеке.

Кооперация быстро завоевала доверие со стороны населения Чукотского района. Хотя помимо нее существовала и государственная торговля, тем не менее роль и значение кооперации в общей экономике района неуклонно росли. Указанное положение показывают следующие данные:

Годы	Рост торгового оборота	Рост доли в снабжении	Рост доли в заготовках
1927/28	50.502 р. 66 к.	28,4 %	40 %
1928/29	94.554 р. 13 к.	36 %	43 %
1929/30	105.926 р. 04 к.	48 %	63 %

В 1930 г. в крупных эскимосских селениях (Нывокак, Уназик, Серейнек, Имтук) действовали три больших кооператива-интеграла, в правлениях которых работали эскимосы и инструктора-русские. В 1931 г. по постановлению правительства государственная торгово-заготовительная сеть в районе была передана местной кооперации. Для подъема эскимосского хозяйства роль кооперации была велика. Организация промысловых групп, пошивочных артелей послужила основой последующей коллективизации и реконструкции эскимосского хозяйства. На кооперативной работе выросли также десятки эскимосов-активистов.

Для поднятия политической активности и сплочения трудящихся эскимосов Районный Исполнительный Комитет в 1929 г. проводит съезд советов юго-восточной части Чукотского района. По решению съезда территория расселения эскимосов была выделена в особый эскимосский район с центром в сел. Уназик. Границами этого района были установлены: бухта Преображения на юге и бухта Мечигмен на севере. Вне данного района осталось лишь одно селение Нывокак, расположенное севернее других эскимосских селений. Указанное районирование было дальнейшим этапом подготовки к коллективизации и перестройке экономики

⁶⁴ Архив ГУСМП ДКС, оп. 65, д. 282 «О снабжении промысловым инвентарем берегового туземного населения Чукотки (1927 г.)», приложение 11.

эскимосов на новых, социалистических началах. На съездах советов в январе-апреле 1931 г. и феврале 1932 г. трудящиеся эскимосы вынесли ряд важных решений об улучшении работы местных советов и усилении борьбы с враждебными элементами. На съезде обсуждался также важнейший вопрос — организация колхозного строительства среди эскимосов. Этот исторический поворот не мог быть выполнен без борьбы с чуждым элементом. В 1931–1933 гг. была проведена кампания по пере-выборам в советы. Эскимосы выбрали в них достойных, преданных Советской власти людей. Пробравшиеся ранее в советы шаманы и быв. торговцы были изгнаны. Примерно с этого времени низовые советы стали называться национальными советами или просто сельсоветами.

В дальнейшем в связи с организацией национального округа и раз-укрупнением Чукотского района особый эскимосский Райисполком был ликвидирован.

Поворотным этапом социалистического строительства среди на-родов Крайнего Севера было постановление Правительства о создании национальных округов (декабрь 1930 г.). Усиленная работа по органи-зации Чукотского национального округа была развернута с весны 1931 г. После перевыборов национальных советов и проведенных районных их съездов в апреле 1932 г. в поселке Анадырь состоялся первый окружной съезд Советов, в котором участвовали и делегаты-эскимосы. Двое из них были выбраны в состав Окружного Исполни-тельного Комитета. Дальнейший подъем строительства среди эскимо-сов (коллективизация, рост культуры, создание кадров и т.д.) тесно связан с развертыванием социалистического строительства непосред-ственно в округе и с освоением Северного Морского Пути. Эти два фактора, явившиеся частью грандиозной борьбы за построение со-циализма, которую вели народы Советского Союза в годы Сталинских пятилеток, определили собой все последующее развитие эскимосов.

Конкретные же политические, хозяйственные и культурные до-стижения, имеющиеся налицо у эскимосов, — яркий пример торжества ленинско-сталинской национальной политики. Осужденные в прошлом на вымирание, эскимосы в настоящее время вместе с другими народа-ми СССР деятельно трудятся над осуществлением исторической за-дачи перехода страны к высшей фазе социализма — к коммунизму.

Изложение истории социалистического строительства в Чукотском округе — не задача данного очерка. Необходимо остановиться на

некоторых моментах освоения Северного Морского Пути в пределах Чукотского полуострова, и то лишь поскольку оно касалось эскимосов. В октябре 1932 г. по окончании своего героического рейса Северным Ледовитым океаном «Сибиряков» несколько дней стоял в бухте Провидения. Руководство экспедиции в лице О. Ю. Шмитда оказало местной эскимосской школе значительную помощь: ей были даны безвозмездно строительный материал и письменные принадлежности, в которых школа нуждалась. В 1934 г. эскимосы приняли деятельное участие в спасении героев-челюскинцев. Общий ход спасательной операции широко известен и нет надобности его повторять. Укажем лишь конкретные примеры участия в нем эскимосов. В сборнике «Как мы спасали челюскинцев»⁶⁵ летчик-орденоносец Б. Пивенштейн кратко говорит о помощи эскимосов сел. Уназик, подготовивших аэродром для самолетов, направлявшихся в ледовый лагерь. На самом же деле помощь местного населения Чукотского района была гораздо большей, чем о ней указывает автор. Вот что пишет учительница школы бухты Провидения и об участии эскимосов в спасении челюскинцев, и о тех чувствах, которые были вызваны вестью о гибели «Челюскина». На призыв местного Совета подготовить собак для перевозки баллонов с сжатым воздухом, необходимых самолетам, немедленно откликнулось все население. Быстро были подготовлены собаки для вывоза экипажа, как это вначале предполагалось, прямо по льду на берег.

Приведем довольно характерную выдержку из рукописи учительницы тов. Сергеевой 25/II-34 г. «Какой огромный сдвиг».

«Несчастье с советским пароходом, таким чужим, неизвестным еще недавно и таким близким и родным сейчас, — и попораны все шаманские запреты. Тагрути из села Сиреники “хозяин земли”, влиятельный и авторитетный сторонник и защитник шаманских устоев, убил вчера кита. “По закону” он не имеет права три дня работать какую бы то ни было работу, а сегодня, получив наше воззвание, в ночь с 23-го на 24-е выехал с тремя другими нартами на спасение советских людей на льду».

И в дальнейшем эскимосы приняли горячее участие, они расчищали от снега аэродром, который в дни пург заносился снегом и оказывался непригодным для посадки самолетов. Эскимосам — рабочим Пloverской мастерской часто приходилось по трое суток не ложиться

⁶⁵ [Прим. сост.] Как мы спасали челюскинцев. М., 1934.

спать, выполнять срочную починку самолетов. Для населения бухты Провидения весь март и апрель прошли, как указывает тов. Сергеева, «в непрерывном гуле самолетов, кипенье и суете: нарты, баллоны, чистка аэродрома, прием, отправка самолетов, поездки в Пlover и обратно с поломанными и отремонтированными частями, перетаскивание самолетов, таяние снега, кипячение воды» — вот та работа, в которой принимали самое деятельное участие эскимосы бухты Провидения и окрестных селений вместе с жившими здесь русскими работниками.

Советские полярники не забыли это, и ровно через два года им представился случай оказать помощь унесенным в Чукотское море эскимосам. Морская охота во льдах, особенно зимой и осенью, сопряжена с большими опасностями. Как рассказывает тов. Поликашин, в апреле 1936 г. пятнадцать охотников сел. Нывокак промышляли тюленей в Беринговом проливе. Южным внезапно поднявшимся ветром оторвало припай и отрезало их от берега. В дореволюционном прошлом никто бы не пришел на помощь охотникам, их ждала неминуемая гибель. На этот раз выручили самолеты полярной станции Уэлен. Летчики Каминский и Баталов отправились в разведку и на второй день поисков обнаружили пропавших охотников. Так как на торосистый лед посадка была невозможной, то эскимосам были сброшены теплая одежда, продовольствие, напитки и примуса. Ежедневно самолеты следили за дрейфом льдины, на которой находились охотники. Ее медленно гнало ветром и течением на северо-запад. Но вот ветер переменился, задул норд и лед начало прижимать к берегу против Чукотского селения Че[?]тунь. Эскимосы благополучно перебрались на берег. Чукчи доставили их на собаках в Уэлен, откуда спасенные отправились домой — праздновать вместе с односельчанами пролетарский праздник 1 мая.

Несколько позже, в 1935–1938 гг., на Чукотском полуострове развернулась большая работа по освоению прилегающей части Северного Морского Пути. Были направлены различного рода экспедиции. В них приняли участие также и эскимосы. Их знание путей сообщения, местности, природы, весь их опыт, выработанный веками в борьбе с суровой природой, сыграли большую роль в успешном проведении экспедиционных работ. Они были привлечены в качестве проводников, каюров, переводчиков и т.п. В качестве рабочей силы эскимосы участвовали и в постройке полярных станций. Две из них были открыты в эскимосских селениях (бухта Провидения, мыс Чаплина).

В бухте Провидения строится порт, в который уже и сейчас прибывают десятки пароходов, совершающих рейс по Северному Морскому Пути. Наряду с рабочими и служащими, прибывшими с материка, эскимосы работают и служат в различных предприятиях порта. Таким образом, привлечение эскимосов в качестве местных трудовых резервов к освоению Северного Морского Пути — задача вполне разрешимая.

* * *

1931–1932 гг. были для эскимосов «годами великого перелома». Следуя за передовыми народами Советского Союза, они также начали массами вступать в колхозы и перестраивать свою жизнь на новых социалистических началах. Конкретная же история колхозного строительства эскимосов вкратце такова. Охота на моржей весной и осенью 1930 г. была неудачна и запасов мяса сделать почти не удалось. Уже в начале зимы население сел. Уназик стало испытывать недостаток мяса. К этим затруднениям прибавился еще и несчастный случай. В феврале 1931 г. во время тюленьей охоты вдали от берега поднявшимся ветром унесло на льдине семнадцать охотников. Один из них так и погиб, остальным удалось выйти по льдам на берег и спастись. Этот пример наглядно показал эскимосам, что такая зависимость от стихийных сил природы может быть преодолена только путем объединения их хозяйств на коллективных началах и на базе новой, высшей техники. Созванное Районным Исполнительным Комитетом общее собрание охотников селения постановило: для ликвидации недостатка в мясе и для помощи друг другу в охоте объединиться в колхоз. Так возник первый в Чукотском районе эскимосский колхоз «К новой жизни». Одним из организаторов и первым председателем колхоза был охотник Матлю, участник партизанского отряда против белых в 1922–1923 гг. Примеру сел. Уназик проследовали и другие эскимосские селения. В сел. Нывокак организовался в том же 1931 г. колхоз «Ленинский путь», в сел. Серейнек — «Ударник», в селениях Авань и Урелек — «Промысловик». Развернулась коллективизация и среди эскимосов Анадырского района. В 1932–1933 гг. в колхоз вступили эскимосы сел. Нутэнынмын, Валькалэн и Койпергыргын. Эскимосы о-ва Врангеля объединились в производственное товарищество в 1937 г. До этого они охотились на договорных началах с управлением острова.

Развертывание коллективизации среди эскимосов проходило в условиях острой классовой борьбы, которую вели шаманы и бывшие

торговцы. Интересно отметить, что в этой борьбе против колхозов приняли участие и чукотские шаманы. Так, крупнейший чукотский шаман Акрв'ячки вредил Уназикскому колхозу «К новой жизни», несколько раз «насылал порчу» на его председателя тов. Матлю, требовал от колхозников для себя мяса, запугивая их смертью. Не единично, но показательно было дело шамана Нунлеглина, одного из видных эскимосских шаманов селения Нывокак. При организации колхоза Районный Исполнительный Комитет допустил здесь ряд перегибов. Так, например, вопреки директивам Партии и Правительства были обобществлены швейные машины, собаки, сани и другие предметы личного имущества. Местный кооператив помимо этого ограничивал норму выдачи патронов, без которых невозможно было охотиться. Так, колхозникам отпускалось патронов больше, одноличникам меньше. Кроме того, кооператив задержал продажу оленьих шкур, которые были необходимы для пошивки одежды.

Всеми этими обстоятельствами, вызвавшими недовольство населения, шаман Нунлеглин, за которым скрывались другие шаманы и бывшие торговцы, широко пользовался для своей вражеской работы, [он использовал также] и древние верования эскимосов, и начатки христианства, занесенные американскими миссионерами.

Шаман убеждал население не вступать в колхоз, не посылать детей в школу, не покупать товары в кооперативе. Он запугивал одиночников тем, что вступивший в колхоз и слушающийся Советскую власть эскимос будет наказан «жизнью под землей». По шаманским представлениям, нарушивший обычай эскимос «продолжит жизнь» после смерти под землей, где постоянно снег и дождь и мало пищи. Наоборот, соблюдающие обычаи будут жить после смерти на небе, где тепло и много пищи. Шаман установил день «воскресенья», как это делается миссионерами среди эскимосов Аляски. В этот день Нунлеглин запрещал эскимосам выходить на охоту. В одно из воскресений он устроил близ своего жилища пляски под бубен, во время которых убеждал колхозников выйти из колхоза. Первое время, осенью 1932 г., деятельность шаманской группы увенчалась успехом. Из колхоза вышла часть эскимосов, ячейка комсомола распалась. Тогда работниками Чукотского Районного Исполнительного Комитета вместе с колхозниками и комсомольцами была проведена большая разъяснительная работа среди эскимосов селения, разоблачавшая шамана. Одновременно были ликвидированы имевшие место перегибы в работе.

Лишь после этого вышедшие из колхоза эскимосы вернулись обратно. Укрепились и ячейка комсомола.

К весне 1933 г. Нунлеглин потерял доверие и у своих непосредственных последователей. Старики высказывали прямое недовольство крестом, который наряду с амулетами носил Нунлеглин. Далее шаман сделал крайне неудачное предсказание, объявив, что колхозники на предстоящей весенней охоте ничего не убьют. Как раз наоборот, в первый же выезд на море колхозники добыли кита. Правление колхоза поделило мясо[, дав его] и не участвовавшим в охоте эскимосам. Последнее подняло авторитет колхоза, и кроме того, эскимосы на факте убедились в лживости шаманского предсказания. После этого шамана Нунлеглина стали слушаться очень немногие и лишь прямые его последователи.

Антисоветская борьба шаманов и быв. торговцев против колхозов, школ, кооперации происходила и в других эскимосских селениях; дело Нунлеглина в этом отношении исключением не являлось. Выступали шаманы и против сельсоветов.

Потребовалось, однако, несколько лет упорной политико-организационной воспитательной работы со стороны окружных и районных партийно-общественных организаций для окончательной победы колхозного строя среди эскимосов. Им была также предоставлена материальная помощь, колхозам давались денежные суды для покупки моторов, вельботов, ружей и другого промыслового оборудования. Большую роль в развитии коллективизации сыграла и играет сейчас Моторно-Промысловая Станция, эта своеобразная северная МТС, организованная Главным Управлением Северного Морского Пути в бухте Провидения в 1936 г. Станция обслуживает морской промысел путем предоставления колхозникам вельботов и шхун. При станции есть мастерская для ремонта моторов, ружей и предметов хозяйственного обихода (примуса и т.п.). Инструктора станции ведут организационную работу по руководству колхозами. По данным Чукотской Землеустроительной экспедиции Наркомзема РСФСР на 1 августа 1938 г., из 232 эскимосских хозяйств Чукотского и Анадырского районов в колхозах было 227 хозяйств. Из 11-ти единоличных хозяйств члены семи работали в предприятиях Главного Управления Северного Морского Пути. Таким образом, коллективизировано около 96 % всех эскимосских хозяйств обоих районов. Это дает основание заключать, что колхозный строй и новые социалистические формы труда оконча-

тельно утвердились в эскимосской экономике. В связи с этим изменилась и социальная структура эскимосского общества. Эксплуататорские элементы были вытеснены или ликвидированы совсем. Эскимосы-колхозники стали носителями новых социалистических отношений.

Коллективизация внесла коренные изменения в экономику эскимосского хозяйства. Значительным достижением является рост технического оснащения морского промысла, увеличение добычи, изменение направления хозяйства, появление таких источников дохода, которые были неизвестны в прошлом.

Благодаря лучшей обеспеченности моторными вельботами колхозники-эскимосы охотятся в настоящее время у самой кромки льдов в местах лежки основного моржового стада. Наряду с этим увеличилось и число выездов колхозных бригад на места охоты. Если на парусном вельботе или кожаной байдаре группа охотников состояла из 10–12 человек, то при наличии мотора количество участников бригады сократилось до 5–7 человек. Освободившиеся колхозники, являвшиеся раньше гребцами, т.е. не участвовавшие активно в охоте, образовали новые охотничьи бригады. Так передовая колхозная техника повысила производительность труда в морском промысле, что не могло не отразиться на росте добычи. Приведем пример: эскимосы сел. Серейнек при слабой вооруженности промыслового флота моторами добыли в 1932 г. 220, а в 1937 г. при полной обеспеченности моторами — 513 моржей.

Однако необходимо отметить некоторые моменты, которые еще не дают возможности произвести полностью социалистическую реконструкцию морского промысла. Еще в достаточной степени эскимосские колхозы не снабжены промысловым оборудованием, вельботами, моторами. Не достает и новых гарпунных китобойных ружей, старые пришли в негодность. Эскимосы сел. Нывокак требуют от торгующих организаций привоза лебедек для переноса моржового мяса с берега к жилищам, которые расположены на высоком склоне горы. Необходимы также для промысла моржей ружья с сильно убойными патронами. За последние годы широкое распространение в тюленьей охоте получили мелкокалиберные ружья отечественного производства. Только на основе коллективизации появились начатки промышленной обработки продукции морского промысла. Еще в 1932 г. в нескольких селениях были установлены жиротопки. Переработанный в них горячим способом жир морских животных вывозится во Владивосток в качестве

технически-смазочного продукта. В настоящее время поставлен вопрос о постройке в бухте Провидения небольшого завода для переработки на месте жира и шкур морских животных для технических целей.

На постановку костерезного дела было обращено специальное внимание. В 1933–1935 гг. в Чукотском районе работал инструктор-художник, в задачу которого входила постановка костерезного промысла в колхозах. Инструктор проводил в селениях курсы, обучая колхозников костерезному делу. Так, в одном только селении Нывокак на курсах костерезов-мастеров обучались 96 эскимосов. В мастерских при колхозах селений Нывокак, Уназик, Урелек, Серейнек мастера-костерезы выделывают художественные предметы из моржового клыка: фигурки животных, шахматы, ножи для разрезания бумаги, чернильные ручки и т.п. Часть мастеров-художников занимаются цветной и черной гравировкой клыка на различные бытовые общественно-политические сюжеты. С 1931–1932 гг. среди женщин широко развилась пошивка из тюленьих шкур туфель, ковриков, сумочек, перчаток, которые украшаются бисером, оленьим волосом и цветными нитками. Все эти художественные изделия находят спрос на внутреннем рынке Союза.

На основе коллективизации произошел несомненный рост товарности эскимосского хозяйства. Товарность продукции его для Чукотского района исчислялась на 1 августа 1938 г. в 38 %.

Общее направление хозяйственной деятельности эскимосских колхозов Чукотского района по отдельным промыслам и занятиям представляется в следующем виде:

Промыслы	
Моржовый	60 %
Пушной	6,5 %
Рыболовство	3,6 %
Оленеводство	1,2 %
Личный промысел	1,1 %
Занятия	
Собаководство	0,5 %
Служащие и рабочие	19 %
Извоз	2 %
Прочий заработок	1 %

Из таблицы ясно видно, что морская охота остается основой эскимосского хозяйства. В общем направлении его она занимает 60 %. Значение морского промысла более понятно из его товарности. Она дает лишь 27,6 % выхода товарной продукции. Остальные 72,4 % потребляются в различных видах в самом хозяйстве. Мясо и жир морских животных все еще основной продукт питания эскимосов. Значительная часть и в основном тюленьего жира идет для освещения и отопления жилищ. Сжигаемый в жирнике тюлений жир вместе с тем нагревает спальный пол, в котором живет семья. Внедрение керосиновых ламп, а также печек, переход в деревянные дома с печным отоплением, т.е. замена тюленьего жира, несомненно, повысила товарность морского промысла в целом. Жир при этих условиях может быть использован в качестве технического смазочного продукта для предприятий вне района. То же относится к моржовым и тюленьим шкурам. Уже сейчас шкуры моржей, идущие на покрытие жилищ, заменяются деревом и брезентом. Более широкая замена их может дать предприятиям промышленности вне района ценный материал для приводных ремней. Часть моржовых шкур, используемых на обтягивание байдар, ремни и другие хозяйственные нужды, незаменима и несомненно будет оставаться в хозяйстве и в дальнейшем. То же можно сказать и о тюленьих шкурах. Хотя они и сдаются в фактории, тем не менее часть их потребляется в хозяйстве: одежда, обувь, ремни, другая часть идет в кустарную обработку для пошива. Точно так же известная часть продукции морского промысла: жир, шкуры, обувь, ремни — обмениваются местным оленеводам. Этот обмен имеет большое значение для эскимосов. Они получают путем его от оленеводов мясо, а главное шкуры оленей для теплой зимней одежды. Таким образом, последующая социалистическая реконструкция эскимосского хозяйства должна учитывать вышеуказанные исторически сложившиеся моменты.

Роль пушного промысла кажется не так великой (6,5 %), однако он играет исключительно важную роль в отношении товарности его продукции. Пушной промысел, главным образом добыча песцов, а также зайцев, евражки, отчасти белого медведя дает 96 % товарности. Шкуры песцов, белого медведя целиком сдаются в государственные фактории. Лишь небольшое количество шкурок зайца, евражки потребляется в самом хозяйстве и идет в кустарную обработку для опушки туфель или сумочек и т.п. Следует отметить, что

эскимосские колхозы ведут пушной промысел организованно. В разрешенный период охоты на песца охотничьи бригады выезжают в места набега песцов, особенно на реку Курупкан, где и расставляют пружинные капканы. Бригада живет во время охоты в промысловых избушках, в которых запасаются заранее топливо, продукты, теплая одежда, промысловое оборудование и т.п. Эта рационализация — результат коллективного ведения хозяйства в целом. Подобной организованной охоты раньше не было. Что касается добычи белого медведя эскимосами Чукотского района, то она невелика. Наблюдаемое за последние годы уменьшение добычи белого медведя ставит вопрос о запрещении охоты на него совсем.

О кустарном промысле говорилось выше. Как таковой он также возник и развился лишь с коллективизацией. То же можно сказать и о рыболовстве, хотя роль его и невелика — 3,6 %. Эскимосы стали ловить рыбу в настоящее время неводами. Раньше они знали только лов крючками и короткими сетками. Оленеводство и личный промысел незначительны.

Можно отметить появление новых источников дохода. Так, служба-работа занимает 19 % направленности эскимосского хозяйства. Многие эскимосы отошли от своего исконного занятия морской охотой и являются рабочими или служащими предприятий и учреждений района. В качестве нового источника дохода возникла регулярная перевозка грузов на собаках, вельботах и шхунах. За последние годы (1938–1939 гг.) колхозники селений Уназик и Нывокак разгружают пароходы, привозящие в селения товары, уголь и другие грузы.

Только колхозный строй обеспечил эскимосов материально. Стахановские бригады Серейниковского и Уназикского колхозов, перевыполняя установленные нормы добычи моржей, зарабатывают от 18 до 20 тысяч рублей каждая, т.е. по 3000–3300 рублей на человека за сезон. Благосостояние колхозников растет. К примеру, можно указать на селение Серейнек.

До коллективизации (1928 г.) хозяйство данного селения [имело] всего товарного дохода около 110 рублей в год. В 1932 г. колхозное хозяйство того же селения получило в среднем от товарной продукции 339 рублей 87 копеек, а в 1937 г. уже 970 рублей в год. Это помимо полного удовлетворения собственного потребления в мясе и жире морских животных.

На высокие заработки и доход колхозники покупают в торговых факториях различного рода привозные товары⁶⁶.

* * *

Указывая на одну из очередных задач перед коммунистами на окраинах — ликвидацию народной темноты, товарищ И. В. Сталин еще в 1920 г. писал: «Но для этого необходимо развить местную национальную школу, национальный театр, национальные просветучреждения, поднять культурный уровень народных масс окраин, ибо едва ли нужно доказывать, что невежество и темнота — самый опасный враг советской власти»⁶⁷. Как было указано выше, в дореволюционное время эскимосы были почти поголовно неграмотны и не знали русского языка. Представитель Чукотского уездного Революционного комитета тов. Иванов констатирует в своем отчете исключительно низкую грамотность населения уезда: «Воспитанием туземцев царское правительство не занималось и не интересовалось. В 1913–14 гг. были построены первые две школы, за это время, т.е. за 12 лет, никаких следов работы этих школ не обнаружено... процент говорящих по-русски в этих двух селениях чрезвычайно низок, почти незаметен. В одном на 250 человек, в другом на 300 с лишним 1–2 человека. Да и те говорят с пятого на десятое»⁶⁸.

Несмотря на налаженную работу школ, в 1926–1927 гг. процент грамотности эскимосов был еще низок — всего около 24 % (мужчин — 21,1 %, женщин — 2,8 %)⁶⁹. Такое положение являлось тормозом совет-

⁶⁶ [Прим. сост.] В 1935 г. торговая сеть Чукотского района была передана Дальпушнине, а затем Главному управлению Северного морского пути. С 1940 г. торговля передана Наркомторгу.

⁶⁷ [Прим. сост.] И. В. Сталин, Политика Советской власти по национальному вопросу в России, И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. [М.], 1937, стр. 61.

⁶⁸ Чукотка за 1925–1926 гг. Доклад председателя Чукотского ревкома. Архив ГУСМП ДКС, оп. 57, д. 149, л. 7. По нашим данным, школы были открыты в 1912 г.; речь идет о чукотском селении Уэлен и эскимосском Нывокак.

⁶⁹ П. Е. Терлецкий, Население Крайнего Севера (по данным переписи 1926/27 гг.). Л., 1932, стр. 28. [Прим. сост.] Терлецкий приводит процент грамотных эскимосов отдельно для мужчин и отдельно для женщин (соответственно 21,1 и 2,8 %). Шнакенбург здесь допускает ошибку, просто складывая эти числа.

ского строительства среди эскимосов, и на преодоление неграмотности было обращено большое внимание. Если в 1928 г. на все эскимосское население Чукотского р-на было три начальных школы (сел. Нывокак, Уназик, Серейнек), то в последующие годы были открыты ряд новых начальных школ (сел. Урелик — в 1930 г., сел. Секлюк и Кивак — обе в 1932 г.). В те же годы на средства самообложения силами самих эскимосов были отстроены заново школьные здания в сел. Нывокак и Уназик. Организовывались школы для эскимосов и в Анадырском районе, в сел. Валькалэн в 1930 г., а впоследствии и в сел. Нутэнынмын. Кроме того, несколько учеников старшего возраста были посланы на учебу в Ленинградский Институт Народов Севера и в Хабаровский Педагогический техникум. В 1936 г., в связи с десятилетием заселения острова Врангеля, Главное Управление Северного Морского Пути открыло для детей эскимосов острова школу-интернат. Скажем несколько слов об этой, одной из самых северных школ Советского Союза. Открытие ее, приуроченное к годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции, было для населения острова громадным событием. В новом, отстроенном для зимовщиков доме была отведена специально для школы большая комната. По окончании праздников, 9 ноября, школа приступила к обычным занятиям. Дети изучали родной эскимосский и русский языки, арифметику, основы естествознания. Проходило рисование, физкультура, пение, музыка, а также навыки труда (столярное дело, починка одежды). Учеба в школе имела для детей большое общекультурное значение. Уже при наборе в школу детей стригли, мыли в бане, переодевали в чистое белье и европейскую одежду. «В дальнейшем, — пишет учительница, организатор школы тов. Станиславская⁷⁰, — мы детей мыли регулярно 3 раза в месяц в бане, переодевали детям все чистое, каждый ребенок имел свое отдельное полотенце, зубную щетку, отдельную постель. Дети вечером мылись очень аккуратно, чистили зубы, утром снова мылись, делали физзарядку, убирали свои постели, завтракали, гуляли час и в 10 часов начинали занятия»⁷¹.

Родители-эскимосы, приезжая на полярную станцию, всегда посещали школу, особенно их интересовало, «как дети кушают, что кушают и как за ними ухаживают» (тов. Станиславская). Кроме обычной

⁷⁰ Отчеты о работе школы-интерната о-ва Врангеля (рукопись).

⁷¹ Указанная рукопись, стр. 1.

пищи эскимосов, мяса морских животных и белого медведя, дети приучались к более широкому употреблению привозных продуктов, в частности к молоку. Характерно, что некоторые дети с трудом привыкали к нему; были случаи, когда ребята закрывали глаза и залпом выпивали его как лекарство, но это было только первое время, а потом ребята к нему привыкли и даже полюбили.

21 января 1937 г. при школе был организован пионерский отряд, едва ли не самый северный в Советском Союзе. Работа отряда на первом году была непродолжительная, но имела большое воспитательное значение. 17 мая школа закончила учебу торжественным вечером. Из десяти учеников девять перешли в следующий класс, причем за отличные успехи было премировано пять учащихся. После вечера в новой одежде и теплых летних пальто, подаренных школой, дети вместе со своими родителями разъехались по домам на каникулы.

Уже к 20-летию Великой Октябрьской Социалистической революции почти все эскимосские дети школьного возраста в Анадырском, Чукотском районах и на о-ве Врангеля были охвачены школами. Несколько позже, в 1939 г., были открыты школы и для детей эскимосов о-ва Большой Диомид. В настоящее время в девяти эскимосских поселениях Чукотского района работают семь школ. Кроме них, в порту бухты Провидения есть специальная профтехническая школа, которая готовит из молодых эскимосов мотористов, рулевых катеров, слесарей и т.д. В двух поселениях (Нывокак и Уназик) — школы-семилетки, в остальных начальные. Обучение происходит в первых двух классах на родном языке и по издаваемым Учпедгизом эскимосским учебникам. В дальнейшем обучение постепенно переводится на русский язык. Оканчивающие начальные классы школы продолжают образование в школе-семилетке Чукотской культбазы в заливе Лаврентия, а также выезжают для дальнейшей учебы на материк. Весной 1937 г. семь молодых эскимосов окончили семилетку культбазы, причем двое из них отправились учиться в Институт Народов Севера в Ленинград. В 1937–1938 учебном году в нем обучались шесть эскимосов.

Каждая эскимосская школа ведет как среди детей, так и среди взрослых большую политико-воспитательную и общекультурную работу. При школах обычны пионеротряд, кружки и самодеятельности. Учителя ведут ликбез среди взрослого населения, оказывают повседневную помощь в работе национальным советам, колхозам, борются

за внедрение гигиены в быт эскимосов и т.п. Так, еще в 1934 г. Уреликовская школа удачно провела социалистическое соревнование на лучшее по чистоте жилище. Это было большим начинанием, так как «Чистое белье, чистая посуда, уничтожение пыли и копоти, чистый воздух в яранге — это все микробы советского духа, разъедавшие старый уклад эскимосской жизни»⁷².

Начиная с 1932–1933 гг. была развернута подготовка учителей из среды способных оканчивавших школы учащихся-эскимосов. В 1934 г. в Уреликовской школе работала практиканткой комсомолка Выйе, в Кивакской — комсомолец Амкауи. Работали такими практикантами молодые эскимосы и в других школах. Впоследствии они начали вести занятия и самостоятельно. Уже в 1938–1939 учебном году в школах Чукотского района работали учителями шесть эскимосов, в числе которых были две девушки. В настоящее время подготовка учителей из среды местного населения ведется в педагогическом училище, открытом в 1938 г. в окружном центре раб. пос. Анадырь. В 1938 г. на подготовительном курсе училища обучались три девушки-эскимоски.

Еще в 1927–1928 гг. при каждой школе были созданы группы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Дальнейший толчок в этом направлении дало введение письменности (1933 г.) на родном языке. В этом году в селе Урелек был открыт пункт Комитета нового алфавита, инструктор которого провел курсы ликвидаторов неграмотности на родном языке. Окончившие курсы были посланы по эскимосским селениям Чукотского района для работы среди молодежи и взрослого населения. Одновременно было переведено на родной язык обучение и в школе. К 1 января 1935 г. ликвидировали неграмотность на родном языке 244 эскимоса, в том числе много и женщин. Количество грамотных эскимосов ежегодно увеличивается. В сел. Нывокак, Уназик, Серейнек среди молодежи проведено всеобщее семилетнее образование. В тех же селениях взрослые проходят ликвидацию неграмотности по повышенной семилетней программе. К 1 августа 1938 г. коэффициент общей грамотности эскимосов Чукотского района достиг 60 %, причем грамотность особенно сильно выросла среди женщин. Об этом ярко говорят следующие показатели: коэффициент грамот-

⁷² К. Сергеева, В Уреликовском нацсовете, Советский Север, 1935, № 1, стр. 100.

ности женщин в 1926/27 г. не превышал 2,8 %, в 1938 г. он поднялся до 50,2 %. Соответственно выросла грамотность и у мужчин: с 21,1 % в 1926/27 до 67 % в 1938 г. Успешно ликвидируют неграмотность эскимосы Анадырского района и о-ва Врангеля. На последнем начиная с 1926 г. ежегодно проводится обучение взрослых эскимосов русской грамоте. Большую роль в ликвидации неграмотности среди эскимосов острова сыграли стенные газеты, в которых население принимало самое горячее участие своими корреспонденциями. Пожилая Иикали писала: «Я старая, но я вместе со всеми учусь читать и писать и считать числа». Старик Ключ писал парторгу острова: «Ты книжки мне принес. Никто мне не мешает учиться. Я хочу большевиков догнать». Стремление быть грамотным, «таким, как большевик», велико как среди взрослых, так и в особенности среди эскимосской молодежи. В настоящее время молодые эскимосы не только грамотны, но и почти все говорят по-русски. Эскимосы стремятся овладеть языком передового русского народа, чтобы читать и знать великие произведения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина.

В 1932 г. началось издание литературы на эскимосском языке. Сначала появился первый букварь на латинизированной основе. В первые годы издавалась исключительно учебная литература, а с 1938 г., после перевода письменности на русский алфавит, началось издание политической и художественной литературы. В качестве литературного языка был принят центральный (уназикский) диалект. Переводы выполняются русскими специалистами-переводчиками и самими эскимосами. Так, комсомолец Ачигыргын перевел «Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского Избирательного округа гор. Москвы» И. В. Сталина; Устав ВЛКСМ и книжки Г. Байдукова «Через Северный полюс в Америку», А. Ляпидевского «Челюскинцы». Другим комсомольцем, Кысыга, совместно с переводчицей К. Сергеевой переведена книжка Г. Байдукова «Встречи с товарищем Сталиным»⁷³.

⁷³ Указанные произведения выпущены издательством Главного Управления Северного [Морского] Пути. [Прим. сост.] Имеются в виду книги: Г. Байдуков, Через Северный полюс в Америку. М., 1938; А. Ляпидевский, Челюскинцы. М.; Л., 1938; Г. Байдуков, Встречи с товарищем Сталиным. Л., 1939. Последние две книги были переведены на многие языки коренных малочисленных народов Севера, в том числе на эскимосский.

С осени 1933 г. в окружном центре Анадырь начала издаваться газета «Советская Чукотка». В 1935 г. в Уэлене выходила местная районная газета «Ленинский путь». 7 ноября 1938 г. началось регулярное издание газеты «Советский Уэлен». Кроме того в бухте Провидения политотдел Главсеморпути издает газету «Чукотский полярник». Во всех этих газетах эскимосы печатают свои корреспонденции. Многие из них выписывают и центральные газеты, журналы, брошюры, книги.

Первое кино эскимосы увидели в 1932 г., когда Чукотским Районным Исполнительным Комитетом была направлена в селения района кинопередвижка. До этого года лишь отдельные эскимосы, приезжавшие на культбазу в залив Лаврентия или в районный центр Уэлен, имели возможность видеть кинокартины. «Потомок Чингис-Хана» был показан и на острове Большой Диомид. На просмотр этой картины приплыли на лодках американские эскимосы с острова Малый Диомид, никогда не видавшие кино. В 1936 г. эскимосы Чукотского района и о-ва Врангеля впервые услышали классическую инструментальную музыку. Летом указанного года Главное Управление Северного Морского Пути направило в районы Восточной Арктики бригаду Московской государственной консерватории. Эскимосы, чукчи, русские зимовщики полярных станций слушали классическую русскую и западноевропейскую музыку (Чайковский, Бетховен, Шуман и др.). В 1938 г. бригада той же Консерватории вновь посетила Чукотский полуостров и остров Врангеля. В бухте Провидения и на острове Врангеля бригада организовала вечера самодеятельности эскимосов, на которых они выступили с пением и плясками под бубен. Театра у эскимосов еще нет, но обычно простые популярные пьесы разыгрываются комсомольцами и школьниками в дни революционных празднеств.

С открытием Чукотской культбазы (1928 г.) эскимосы получили медицинскую помощь. Но только после большой разъяснительной работы советская медицина завоевала себе авторитет. Посещавшим селения врачам пришлось выдержать упорную борьбу с отсталостью населения и особенно с шаманами. Они всячески препятствовали эскимосам лечиться у врачей. Но и в этой области за последние пять лет все совершенно изменилось. Еще в 1933/1934 г. эскимосы Чукотского района обратились в больницу культбазы 154 раза, а в 1936–1937 количество обращений достигло 1966. Следует указать, что за

указанный год никаких особых заболеваний не было. Организация медицинской сети началась с 1934 г. В этом году был открыт врачебный пункт в сел. Уназик. С 1934 г. эскимосы селений Урелек и Нывокак обслуживаются также врачами полярных станций бухты Провидения и сел. Уэлен. В 1937–1938 гг. среди эскимосов Чукотского района работал медицинский отряд Наркомздрава. Тяжелые условия жизни в прошлом отразились на здоровье эскимосов Чукотского района. Они подвержены легочным, кожным и глазным заболеваниям, с которыми советская медицина ведет успешную борьбу.

В борьбе за создание новой, счастливой жизни большую роль сыграли представители наиболее передовой части эскимосского народа — члены и кандидаты ВКП(б). Вот что писал в своем отчете ответственный секретарь Чукотского Бюро ВКП(б) о работе кандидатской группы селения Уназик: «Чаплинский колхоз по своей постановке работы является примером для всего Чукотского района, а может быть и других районов. Эта показательность является прежде всего результатом активной работы 16 передовых эскимосов-колхозников, кандидатов ВКП(б). Во всей советской, кооперативной и политико-воспитательной работе Чаплинская кандидатская группа проявляет живой интерес. С большим желанием все чаплинские кандидаты партии занимаются политучебой»⁷⁴.

В дни героической эпопеи челюскинцев (1934 г.) кандидатская группа другого селения — бухты Провидения проявила себя с самой активной стороны. Работая в Пloverской слесарно-механической мастерской, кандидаты ВКП(б) — эскимосы показали себя достойными учениками ленинско-сталинской партии. Бывали случаи, когда они, учитывая ценность каждой минут, по трое суток не ложились спать, выполняя срочную работу для самолетов. И в дальнейшем пloverская кандидатская группа проявила себя с активной стороны, выступая инициатором многих мероприятий сельсовета, колхоза и т.д.

В настоящее время члены и кандидаты ВКП(б) — эскимосы являются примером в работе на различных участках партийной, советской и колхозной деятельности.

---

⁷⁴ Отчет Чукотского Районного Партийного Бюро ВКП(б) за время с 1-го сент. 1931 г. по 1 сентября 1932 г. включительно. Архив ГУСМП ДКС, оп. 64, д. 13, л. 4.

Ленинский комсомол воспитал немало выдающихся людей — лучших представителей эскимосской молодежи. Вот, например, девушка Ухсима из селения Уназик. В 1934 г. она окончила начальную школу. Еще учась, она вступила в пионеротряд, а затем и в ряды ВЛКСМ. Будучи активным комсомольским работником, Ухсима была выбрана сначала в Бюро, а в 1938 г. ответственным секретарем Чукотского районного Комитета ВЛКСМ. Выражая лучшие стремления передовой молодежи, Ухсима писала: «Комсомол района дал обещание всемерно развивать социалистическую культуру и быт на Чукотке, бороться по-большевистски с врагами народа, неустанно изучать военное дело и если потребуется — по первому зову партии и правительства стать в первые ряды на защиту нашей родины. Мы, комсомольцы Чукотского района, должны еще повторить, что мы твердо выдержим свое обещание и беспощадно будем бороться с остатками врагов народа, вредителями, диверсантами и шаманами»⁷⁵.

Вот товарищ Майна. Будучи комсомольцем, он окончил в 1932 г. районные педагогические курсы и стал учителем, организованной им в сел. Секлюк школы. В дальнейшем товарищ Майна был переведен учителем школы сел. Уназик. Наряду с отличной педагогической деятельностью на протяжении семи лет Майна проявил себя выдающимся общественником, помогая в работе сельсовету и колхозу. Много раз шаманы пытались запугать тов. Майна, но он разоблачал их, продолжал вести политическую и культурную работу в селении. Как один из лучших сыновей своего народа тов. Майна в 1938 г. принимается в члены ВКП(б) и становится парторгом Чаплинской первичной организации. Майна много работает, но многому учится и сам. Он изучает труды Ленина, Сталина, «Краткий курс истории ВКП(б)», читает художественные произведения: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, М. Горького и др. «Неустанно работая над собой, он воспитывает политически грамотных, преданных делу партии людей Советской страны. Немало его учеников работают сейчас на ответственных участках хозяйственных, культурных и советских организаций»⁷⁶. В 1939 г. Советское правитель-

---

⁷⁵ Статья Ухении «Комсомол-проводник социалистической культуры» (газета «Советский Уэллен» № 2 от 15 ноября 1938 г.).

⁷⁶ Из статьи «Учитель-орденоносец» (газета «Советский Уэллен» № 22 (30) от 1 июня 1939 г.).

ство в числе учителей отличников сельских школ отметило деятельность товарища Майны: он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Впоследствии тов. Майна был выдвинут на руководящую работу заместителя заведующего Окружным Отделом Народного Образования.

Население Чукотского района оказало высокое доверие товарищам Ухсима и Майна. 24 декабря 1939 г. в числе других депутатов они были выбраны в Совет депутатов трудящихся Чукотского национального округа. Кроме Ухсима, на руководящей комсомольской работе были в 1939 г. товарищи Укильре, Ктугге и девушка Тына. В Районном Исполнительном Комитете работает в настоящее время инструктором тов. Эму. Выросли молодые кадры и в других областях. Об учителях-эскимосах говорилось уже выше. Один из молодых эскимосов селения Нывокак окончил курсы киномехаников и демонстрирует теперь кинофильмы в селениях района. В сел. Уназик избой-читальней заведует комсомолка Нывок, окончившая областную школу советско-культурных работников в Петропавловске на Камчатке. Двое подростков учатся выращивать свежие овощи в теплично-парниковом хозяйстве Главного Управления Северного Морского Пути в бухте Провидения. Это совершенно необычная специальность для них. О том, как растут овощи, они имели представление раньше лишь из книг. Эскимосская молодежь работает наряду со взрослыми в правлениях колхозов счетоводами, продавцами в торгово-пушных факториях, на различных предприятиях района. В типографии окружной газеты «Советская Чукотка» работают наборщицами две эскимоски. На о-ве Врангеля помощник метеоролога — девушка-эскимоска. Конечно, новые кадры выросли и среди взрослых. Эскимосы активно участвуют в политической жизни района и округа. Они руководят сельсоветами, правлениями колхозов, служат и работают в учреждениях и предприятиях Главного Управления Северного Морского Пути. Ряд эскимосов есть и на руководящей работе. Товарищ Таяу, бывший бедняк, а впоследствии один из активных работников Чаплинского колхоза, был послан на учебу в Москву. Здесь он окончил курсы стахановцев и руководит теперь окружной конторой связи. В 1938 г. кандидат ВКП(б) товарищ Таян был назначен Главным Управлением Северного Морского Пути начальником острова Врангеля. Еще в 1926 г. по приезду на остров тов. Таян начал упорно учиться.

Он скоро ликвидировал свою неграмотность и научился читать и писать по-русски. Одновременно Таян овладел и счетоводством. Он же первым среди охотников острова применил стахановские методы в песцовой охоте. В 1936 г. товарищ Таян как лучший охотник получил красное знамя. Перед своим назначением на столь ответственный пост тов. Таян заведовал торгово-пушной факторией острова. В настоящее время он учится на курсах руководящих работников Главного Управления Северного Морского Пути в Москве.

На основе колхозного строя и культурного роста изменяется и отсталый быт эскимосов. В далекое прошлое отошли дореволюционные голодовки. Эскимосы обеспечены не только своей главной пищей — мясом и жиром морских животных. В питание прочно вошли привозные продукты: макароны, крупы, сухие овощи и др. До 1935 г. они употребляли муку в виде лепешек, которые жарили на огне жирника. С 1936 г. появились хлебопекарни. В настоящее время они находятся уже в пяти селениях: Серейнек, Урелек, Уназик, Нывокак и Вилькалэн. Печеный хлеб стал необходимым продуктом питания.

Изменяется приготовление пищи. Эскимосы потребляют теперь мясо больше в вареном виде, чем в замороженном сыром. Начинают прививаться и тарелки: в Серейниковском колхозе, как сообщает комсомолка Тына, «хорошо живут люди, кушают из отдельных чистых тарелок». Но большинство эскимосов кушают еще из общего деревянного продолговатого блюда.

Значительные изменения произошли в одежде. Большинство эскимосов носит под верхней меховой одеждой нижнее белье. Молодежь особенно любит верхнюю одежду (рубашки, брюки, костюмы, платья) обычного русского покроя. Конечно, зимняя меховая одежда, а также обувь из выделанных тюленьих шкур, хорошо приспособленные к окружающим условиям природной среды, вряд ли могут быть заменены другой одеждой. Однако и здесь можно указать любопытный пример. Молодежь сел. Нывокак носит зимой обычные валенки. Что касается другого рода обуви, то, например, высокие резиновые сапоги носились эскимосами уже давно, особенно когда приходилось входить в воду, например при разделе кита.

Менее изменяется зимнее жилище. Оно остается еще старым по внешней форме. Правда, эскимосы прорезают в его стенках отверстия и вставляют рамы — окна. Внешнее покрытие из моржовых или оленьих

шкур заменяется брезентом. Иногда стенки жилища делаются из одних досок. В сел. Урелек есть новый тип жилища, четырехугольной формы с двухскатной крышей, построенного целиком из досок. На зиму в него ставится, однако, как и в обычное жилище, полог из оленьих шкур. В сел. Киви некоторые эскимосы построили себе жилища прямоугольной формы с крышей, типа землянки. Они сделаны из досок и дерна и имеют железную печку для отопления. Такие землянки из дерева и дерна имеются у эскимосов, живущих в окрестностях рабочего поселка Анадырь. Эскимосы, которые работают или служат на предприятиях или в учреждениях района, живут в обычных рубленых домах русского типа.

Можно указать также на изменения спального полога. Он обтягивается изнутри материей или бумагой. В пологах устроена вытяжная труба для проветривания помещения. Пол из моржовых шкур всегда подметается и моется.

Часто можно видеть на стенках спальных пологов портреты Ленина, Сталина, Молотова, Калинина и других деятелей Партии и Правительства. Украшаются стенки также картинками, вырезанными из журналов. Книги, учебные принадлежности хранятся на полочках, подвешенных к стенкам. По бокам на полу лежат ящик с посудой, утварь и другие хозяйственные предметы. У задней стенки обычно горит жирник, за которым необходимо внимательно следить: подливать жир, уменьшать пламя, удалять нагар особой палочкой. В умелых хозяйских руках жирник горит ровным пламенем и никогда не коптит. Появились для освещения пологов и керосиновые лампы, но, как правило, в пологах горят еще жирники. Лишь в сел. Урелек жилища эскимосов освещаются электричеством от портовой электростанции.

Летние жилища по форме остались старыми, хотя можно указать и здесь внедрение дерева в качестве подсобного строительного материала. Многие эскимосы летом живут в деревянных домиках, приобретенных еще до революции у американских торговцев.

Следует отметить появление новых деревянных построек общественного типа. Почти в каждом эскимосском селении имеются постройки, предназначенные для правления колхозов, сельсоветов, складов, торговых магазинов и т.п. По своему типу это обычные постройки сельскохозяйственных районов средней полосы СССР.

В настоящее время поставлен вопрос о замене эскимосских жилищ деревянными домами с печным отоплением. Несомненно, это будет большим переворотом эскимосского быта.

Борьба за культурную революции в быту — одна из важнейших задач, стоящих перед эскимосами. Ее ведут районные советские и партийные организации, школа, комсомол и сами эскимосы. Об участии в этой борьбе комсомольцев и пионеров сообщает тов. Тагбек из сел. Нывокак: «Наши девушки, комсомолки и пионеры, ходят по домам и наблюдают за чистотой, борясь за улучшение и культуру быта. Население с удовольствием принимает их указания и советы». В этом отношении еще предстоит большая работа. Например, не все еще эскимосы умываются и моются в бане, хотя и здесь произошел известный сдвиг. Журналист Б. Горовский, посетивший в 1914 г. Чукотский полуостров, сообщает, что эскимосы бухты Провидения полученный с парохода кусок мыла приняли за продукт и пытались его кушать. В настоящее время употребление мыла знакомо большинству эскимосского населения. Умывание и мытье в бане входит в повседневную жизнь эскимосов. За последние годы женщины научились также и стирать белье. Распространение личной гигиены, борьба за чистоту в жилищах — одна из необходимых задач для завершения переустройства эскимосского быта.

Изменения происходят также и в области семейно-брачных отношений. Пережитки родового строя уходят навсегда, уступая место новой социалистической жизни. Брак молодежи основан сейчас уже только на взаимной любви и склонности. Брачующиеся пары регистрируются в районном ЗАГСе. Обычай отработки женихом невесты окончательно еще не исчез, но он превращается часто в формальность, заменяясь приношением подарков со стороны жениха родителям невесты. Как исключение встречается и обручение малолетних. Обычай обмена женами среди молодежи уже не встречается. Исчезает также и татуировка: детей сейчас уже не татуируют. Против указанных пережитков родового строя районными партийными и общественными организациями ведется борьба путем показательных судов и мобилизации мнения самих же эскимосов. Как совершенно новое явление можно отметить стремление носить русские имена наряду со своими, эскимосскими. Перепись 1939 г. зарегистрировала ряд двойных имен не только у новорожденных, но и у молодежи. Например, Таю-Николай, Увала-Юрий, Кутха-Нина и др.

Некоторые формы самобытной эскимосской культуры, обогатившись новым социалистическим содержанием, наоборот, получили дальнейшее развитие. Радостная социалистическая жизнь нашла свое отражение в народном творчестве эскимосов. В рисунок на моржовых клыках вошли новые советские сюжеты. Художники-эскимосы изображают на клыках портреты вождей — Ленина-Сталина, сцены из колхозной жизни и т.п. На ковриках из тюленьих шкур женщины вышивают оленьим волосом и цветными нитками советский герб и красноармейские звезды. Среди эскимосок сел. Нывокак пользуются известностью мастерицы художественных вышивок тов. Каменя и Элутыт. Их тонкие изделия показывались на районных и окружных выставках народного творчества. Художник — резчик по кости тов. Хухутин из того же селения не раз выставял также свои изделия ~~из кости~~⁷⁷. Им была вырезана из моржового клыка модель парусной шхуны, в своей тонкости исполнения отдельных частей ее (парусов, мачты) тов. Хухутин добился большого художественного мастерства.

Эскимосы очень любят пляски и песни. Вместе со старинными танцами «Моржа», «Тюленя» и многими другими они исполняют и новые. Так, на олимпиаде народного творчества в районном центре сел. Уэллен (январь 1939 г.) житель сел. Нывокак тов. Нутэтэгын показал лучшие свои пляски «Жизнь в Советском Союзе», «Пограничники на страже границы» и др. Бригада Московской консерватории во время своей поездки на Чукотский полуостров записала много эскимосских песен, в числе которых были песни «О самолете», «О пекарне» и другие новые по сюжету произведения. Распевают эскимосы и русские, преимущественно революционные песни. Любят эскимосы и музыку. При плясках обычно употребляется в виде ударного инструмента обычный эскимосский бубен. У многих эскимосов имеются теперь патефоны и струнные инструменты (балалайки, гитары). В селении Уназик есть комсомольский струнный оркестр, который выступает во время национальных плясок.

Эскимосы осознают, что только Великая Октябрьская Социалистическая революция принесла им счастливую жизнь и сделала их полноправными гражданами Советского Союза. Примером большой политической сознательности служат выборы в Верховный Совет СССР.

⁷⁷ [Прим. сост.] Вычеркнуто в рукописи.

Обсудив проект Сталинской Конституции, все избиратели-эскимосы приняли горячее участие в выборах. Но жители сел. Секлюк, лежащего на о-ве Итыгран и приписанного к Чаплинскому избирательному участку, чуть не лишились возможности участвовать в выборах. Неширокий пролив, отделяющий остров от чукотского побережья, долго не замерзал. Осенние штормы неоднократно взламывали лед в проливе. Наконец пролив замерз, но переправляться по льду было еще опасно. Комсомолец Нанук, рискуя, первым прошел через пролив. За ним благополучно переехали на собаках все избиратели и явились вовремя на выборы в сел. Уназик, где единодушно проголосовали за кандидатов Сталинского блока партийных и беспартийных большевиков.

Эскимосы понимают, что построить эту новую, радостную жизнь помог им лично товарищ Сталин. И недаром одна из записанных бригадой Московской консерватории песен оканчивалась приветствием ее исполнителя эскимоса Каяй: «Товарищи, жители Москвы, посылаю горячий привет всем трудящимся Москвы и товарищу Сталину». Эскимосы знают, что и их победы и достижения закреплены в величайшем документе нашей эпохи — Сталинской Конституции.

Преисполненный чувством глубокой благодарности эскимос Сувролин в день годовщины Сталинской Конституции заявил: «Кто из эскимосов не ликовал, когда после полярной ночи над розовой снеговой равниной восходит солнце? Кто из нас не ликует сейчас, когда Сталинская Конституция обогревает нас теплее весеннего солнца, когда великий Сталин заботится о нас, как родной отец»⁷⁸.

---

⁷⁸ Хабаровский край на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. К выборам в местные советы депутатов трудящихся. Хабаровск, 1939, стр. 44.

1. Отец, Борис Робертович
Шнакенбург, ок. 1914 г. Архив семьи
Н. Б. Шнакенбурга (далее — АСШ)

2. Мать, Надежда Павловна Засс
(Шнакенбург).
АСШ

3. Вид на часть города Переславля. Вдали Никитский монастырь
и Борисоглебское кладбище. Снято с колокольни Сергиевской церкви.
Фото с сайта «Переславский музей-заповедник»: <https://www.museumpereslavl.ru/ru/visitor/library/detail/40aff500-f265-11e5-a8d1-55a88fa2d635/>

4. Коля Шнакенбург (3 месяца),
18 апреля 1907 г. АСШ

5. Коля Шнакенбург с матерью, 1908 г.
АСШ

6. Коля Шнакенбург, 1908 г. АСШ

7. Коля Шнакенбург, 1909 г. АСШ

8. Коля со старшим двоюродным братом. АСШ

10. На охоте с другом, март 1927 г.
Озерки, Ленинград.
АСШ

9. Шнакенбург —
студент, осень 1928 г.
АСШ

11 и 12. Портреты Николая Шнакенбурга, 1928–1930 гг. АСШ

13. На военных сборах, июнь-июль 1928 г.
Левашовский военный лагерь. АСШ

14. На военных сборах, июнь-июль 1928 г.
Левашовский военный лагерь. АСШ

15. На Чукотке, 1930 г.
(скорее всего, именно эта
фотография была сделана
С. В. Обручевым).
АСШ

16. Николай Шнакенбург с женой
Панарультыной в с. Рыркайпий,
февраль 1931 г. ГАРФ. Ф. 10050. Оп. 1.
Д. 6. Л. 12об (опубликовано: Шокарев С. Ю.
Фотоальбом А. А. Кампана — источник
по истории береговой Чукотки начала
1930-х годов // Кунсткамера. 2024.
№ 3 (25). С. 117)

17. Чукотка. Пароход «Колыма», 17 июля 1930 г. АСШ

18. Чукотка. После моржовой охоты, июнь 1930 г. АСШ

19. Чукотская байдарка у мыса Северного. Николай Шнакенбург сидит в середине, обернувшись. 1931 или 1932 г. АСШ

20. Чукотка. Культбаза в заливе Лаврентия, ок. 1932 г. (видимо, и эта фотография была сделана С. В. Обручевым, который называет ее «снимок фактории»). АСШ

21. С женой Анной Михайловной и дочерью Людмилой, 2 декабря 1940 г.
АСШ

Приложения

При публикации писем и статей сохранены орфография и пунктуация оригинала, кроме очевидных опечаток и опечаток. Авторские библиографические сноски в статьях оставлены без изменений.

ПИСЬМА Н. Б. ШНАКЕНБУРГА

Письма родным¹

Письмо 1.

[л. 1] Ледовитый океан, июль 1930, п/х «Колыма»

Льды. Седьмой день кругом льды. Океан сердит. Пароход стоит неподвижно на ледяном якорь, зацепившись за льдину. Зима в июле. Серое небо, холодно, с берега ползет туман. Берег тянется унылыми горами, лишенными растительности. Камень, туман, печальное небо, холод и льды. Полярное лето началось. Незаходящее солнце прячется в облаках. Дня и ночи нет. Светло круглые сутки. На небе и горизонте сплошные белые полосы, это ледяное зарево, отблеск льда в океане. Льды. Ровные поля похожие на громадные скатерти чистейшего полотна, стоят, застилая горизонт. Белые холмы с грязными верхушками, ледяные горные системы с хребтами окружают пароход. Высокие остроконечные горы, изъеденные волнами, солнцем и ветром, качаясь, плывут на восток. Полыньи в десятки метров шириной единственный путь парохода. Дня и ночи нет. Капитан третьи сутки на мостике. У капитана опыт полярного плавания под руководством знаменитого Дублицкого² с «Литке»³. [л. 1 об.] Старпом не сходит с «вороньего гнезда», так называется бочка на мачте, откуда наблюдают льды. Старпом

¹ Эти письма частично опубликованы Ольгой Дыбленко и Жанной Паршевой, см.: <https://zen.ru/a/Y8mIOUIEN0exa3fE> и далее. Письма писались в форме дневника; Шнакенбург датировал их, указывал место написания, однако посылались они, скорее всего, порциями, по возможности. Ниже условное разделение на отдельные письма сделано исходя из дат и авторского разделения по страницам.

² Константин Александрович Дублицкий (1881–1939) — полярный капитан дальнего плавания.

³ «Федор Литке» — ледокол-ледорез, названный в честь полярного исследователя адмирала Ф. П. Литке (1863–1939).

Приложения

не отрывает бинокля от глаз, ища чистые полыньи. Ледяное поле под небом. Пароход с хода ударяется об лед. Лыдина стоит, а пароход толчком швыряет вбок. Толчки и удары слышатся ежеминутно. От толчков корпус вздрагивает, стенки каюты качаются, у людей подгибаются колени. Страшный грохот винта потрясает пароход. Скребущие удары пятитонного винта об лед приводят в сотрясение все. Матросы бросаются к корме и с тревогой заглядывают в воду. Боцман поминает родственников по материнской линии. Оборвалась лопасть винта. Сейчас «Колыма» идет на трех лопастях. Бывает хуже, теряют весь винт. На этот случай на палубе лежит запасной. Пароход врзается в ледяные ущелья. Лыды скребутся о железо обшивки. Кажется, вот-вот в стенку высунется острая лыдина. Иллюминаторы загораживают высокие горы. Нежная синева лыдин, отливающая кристаллической чистотой, закрывает свет. Это лыдины выше палубы. [л. 2] Вот пароход спускается и встает, дальше нет хода. На помощь приходит динамит. На длинных шестах привязывают смертоносные пачки. Зажигают бикфордов шнур. Проходят минуты ожидания. Лыдины взрываются с грохотом. Битый лед взлетает к небу. Столб воды рассыпается фонтаном. Лыдина вздрагивает. Трещины бегут по всем направлениям. Мелкие лыдины, отколовшись, перевортываются в воде. Вода каскадами сливается в океан. Лыдина не успокаивается, долго качаясь и перевортываясь в воде. Пароход отходит назад для разгона. Трещат звонки на «полный». Страшный толчок скидывает пароход в сторону. Режущий звук лыда о железо нарушает молчание. Лыдина стоит. Опять спускаются люди на лед с пачками динамита. Страшный взрыв потрясает воздух. Высоко взлетают лыдина и вода. Лыдина трескается пополам, перевортывается, ударяет в злобе пароход. Соседние лыдины качаются от волн. Пароход отходит назад для нового удара. Звонки в машинное отделение требуют максимума оборотов винта.

[л. 2 об.] Механик усиливает давление моря. Нос врзается в лед. Крики радости несутся с палубы. Лыдина пошла вперед.

Июль и зима. Кругом стоят лыды. Светлыми ночами незаходящего солнца я не сплю и много, много пишу. В кают-компании светло и стены блестят желтым лаком. Со стенки смиренно смотрит Калинин на численнике⁴. Дней и ночей нет. Остались две черные цифры. Сегодня 23 июля. Где-то далеко в городах есть тепло и зелень. Люди ходят

---

⁴ Отрывной календарь.

в белых рубашках, а я, выходя на палубу, кутаюсь в теплый олений мех. Где-то далеко есть Москва и близкие мне люди, которые не знают, что в этот день, прокладывая путь динамитом, идет в далекую Колыму, на Север Якутии, одинокий, затерянный во льдах пароход. В Москве в июле не бывает льдов, и москвичи не знают полярного лета и океана. У мыса Сердце-Камень, где «Колыма» стояла три дня, с берега матросы принесли букет голубых крошечных цветов, которые живут немного в короткое [л. 3] полярное лето. Эти цветы напомнили далекое лето, которого я не видел. Ночью, когда пробирались льдами, радист принес мне телеграмму из Переславля. Так в Ледовитом океане, в июльскую зиму, я с радостью читал дорогие строчки. Мне послали письма, посылки, благодарю за заботу. В лучшем случае получу их в декабре на собаках на мысе Северном. Не могу даже ответить. Радиосвязи нет, только прием и посылка служебных. С камчатскими братьями связи тоже нет. Якутские загружены, не принимают частных. Мы пили с радистом чай ночью, и он рассказал мне о своей беседе с Аляской. По ту сторону океана, в таких же льдах, американец сообщал о своем желании повидать Россию и выучиться русскому языку. Радио не знает преград и несет вести через льды и полярные тундры. Телеграмма шла два дня, довольно быстро. Это была большая радость получить телеграмму в Ледовитом океане у неизвестных берегов. Москва и Залесск встали передо мною как рядом. Я вышел на палубу, было холодно, и пароход шел льдами. Солнце скрылось в облаках. Низменная тундра берега была желта и одинока. [л. 3 об.] Льды стояли белыми молчаливыми полями. От воды шел холод. Туман полз по тундре. Был второй час ночи, и было светло как днем. Москва показалась совсем близко, за льдами. В Москве было тепло и жаркое солнце. Здесь в океане была ночь, а в Москве был день и люди не знали, что в океане льдами пробивается пароход.

В ледовитом океане. За Колючинской губой, Чукотский полуостров, 23 июля 1930 г. Николай Шнакенбург

Держите связь Камчатка. Уэлен. Станция начнет работать в сентябре. Нижне-Колымск, Чаун, Северный. Посылайте регулярно небольшие известия, посмотрите на карту северо-востока там мой путь.

Письмо 2.

[л. 4] «Мыс Северный очень приметен с моря, потому что высок и далеко выдается от берега». Лоция. (Лоция — морское описание путей).

Приложения

«В 8 милях от крайней оконечности мыса Северного на прибрежной, низкой полосе берега определен в 1911 году астрономический пункт, координаты которого широта $69^{\circ} 0' 9''$ N и долгота $197^{\circ} 57' 44''$ O от Гринв[ича]» (Лоция)

Дума в тихую ночь
В изголовии ложа
Сияет светлеет луна.
Показалась похожей
На иней упавший она.
Посмотрел на луну я,
Лицо к небесам обратив.
И припомнил родную
Страну я, лицо опустив.

Антология китайской лирики Ли-Бо (китайский поэт).

20 июля 1930, п/х «Колыма» в Ледовитом океане

Четвертый день стоим во льдах близ мыса Сердце-Камень. Видимый горизонт закрыт льдами.

21. Рвут динамитом лед. После четырехчасовых усилий удалось вырваться из ледового пояса. Поздно вечером вошли в разреженный лед. За ночь прошли 30 миль.

22. Плотные льды сковывают судно. Крупный лед и айсберги преградили путь. Туман. Серое небо. Разве сейчас июль? Нет. Сегодня зима. Кругом льды. Холод.

[л. 4 об.] 23. Удалось выйти на чистую воду. Подвигаемся к мысу Северный. Разреженный лед. Завтра ночью буду. Привет вам. Настроение бодрое как всегда. Помните связь по двум адресам: Камчатка Уэлен Северный станция начнет работать в октябре. Нижнеколымск Чаун Северный. Станция новая, начнет работать в августе.

Привет всем. Ваш Николай

В письме к пр. [?] послал фото-карточки. Льды как зимой. Жаль не видел лета и тепла. Привет товарищам. В ноябре-январе будет ночь, 69° . Жить весело везде, даже со льдами в июле.

24. За мысом Ванкарема. Идем по чистой воде. Разреженный лед. Этой ночью стояли у мыса Ванкарема. Завтра ночью высажусь на берег. Прекрасная погода. Солнце заходит в полдвенадцатого и выходит в 12.

[л. 5] Лоция. «Ужасно бедное и грустное впечатление производит эта богом забытая земля. Серое, обыкновенно, небо; низкие, почти прилипшие к земле тучи; бурые горы, бурая тундра, бурый берег. Зелени почти никогда не видно... Деревьев по берегам этой местности нет и признаков... Цветок еще не успел весь распуститься как следует, а уже верхушка его начинает обсыпаться... Ноябрь и декабрь — самое глухое время на Чукотском полуострове. День становится все меньше и меньше. Солнца совсем нет; оно или бывает закрыто тучами, или в самые короткие дни совсем выходит на горизонте, давая лишь ярко-красную зарю. Все замирает, застывает на это время. Наступает царство ветров и буранов. С февраля день начинает расти быстро... стоят дивные полярные ночи: тихие, морозные, с причудливой игрой северных сияний. Как особенность марта месяца можно отметить очень резкий свет, вредно отражающийся на зрении. С первых чисел апреля начинается прилет птиц... апрель и май лучшее время года. Солнце светлое, теплое и ничуть не жаркое, 20 часов не сходит с горизонта. Лето стоит переменчивое». Лоция северо-западной части Восточного океана, издания 1909 года.

[л. 5 об.] Повторяю список того, что надо прислать:

- 1) Энгельс «Анти-Дюринг», 3 р[убля] в ГИЗе
- 2) Плеханов тома 5, 6, 7, 8, 10, 14, 18, 20, 21, 22, 23, остальные тома оставить дома. Все сочинение стоит 60 р. по подписке, подпишитесь частями, так будет легче, подписка в ГИЗе, Москва.
- 3) 20 бритвенных лезвий для безопасной бритвы
- 4) Нож специально для вскрытия консервов
- 5) 100 почт[овых] ковертов сред[него] размера
- 6) Марок на 5 р[ублей]

Письмо 3.

[л. 6] Мыс Северный. На берегу Ледовитого океана. Чукотка. 2 августа [1930]

Мой далекий ледовитый привет всем вам!

Да, привет ледовитый и холодный, ибо рано утром шел снег, пролежавший на горах до полудня и всю неделю у берега. Перед окнами стоят льды. Был только один солнечный день, тот день, когда моя нога увязла в морском песке берега мыса Северного. Это было 25-го июля. На пароходе я оставил много писем вам и друзьям. Скоро придет

Приложения

«Колыма», опять возвращаясь во Владивосток, и с ней опять пошлю письма, те и другие придут вместе. Так я далеко от Залесска. Прямо на север льды и остров Врангель в 180 км. На восток чукотские поселки и до Уэлена 1000 км. На запад чукотские юрты и Чаун, где еще двое русских — фактория. На юг горы и оленеводы. Здесь нас двое русских: я и зав. факторией Мирошниченко, еще человек 60 чукчей, вот все селение. Полярное лето подходит к концу, уже осыпаются цветы, в сентябре начнутся холода. Фактория стоит на [л. 6 об.] берегу. С утра до вечера перед окнами стоят льды. Северо-западный ветер нагнал из океана целые горы. Вероятно «Колыму» где-нибудь прижало к берегу или она не успела пройти в Нижне-Колымск. Прежде всего материально обеспечен выше не знаю чего. Сыт по нельзя. С утра жарим оленя с картошкой из штата Вашингтон. Пьем чай: Lipton's Finest Tea Canada Toronto — наилучший чай Липтон, Канада, Торонто. Вода натопленный лед из океана. Хлеб из чистейшей белой муки (Seattle Washington), с маслом — Brother's Jersey Creamery Butter — Seattle Washington. Сахар в чай кладем "Sea Islands". Western Sugar Refinery San-Francisco — замечательный тростниковый рафинад. Молоко сгущенное из Chicago, тоже замечательно вкусное. На обед варим суп из оленины с картошкой из штата Вашингтона, с томатом из Сиэтла. На второе ветчина с яйцами. Яйца: Dried Eggs San-Francisco — сухие яйца из Сан-Франциско. На третье апельсины из Los-Angeles California, и на четвертое сигареты "Chesterfield California and Myers Tobacco Company California".

[л. 7] Американскую плитку марки "Dudley Co" приходится разжигать американским углем. Спички двух видов. Спички настоящие, шведские и американские с надписью — made in U.S.A. by American Workers of American Materials for American Climate — сделаны в Америке американскими рабочими из американского материала для американского климата. Кушаем на американских тарелках, американскими ложками и вилками. Ничего нет русского, даже скучно без черного хлеба, родного «рассейского». Яблоки и апельсины кушаем каждый день, запас есть на всю зиму. Апельсины недороги, по 10 копеек в продажной цене фактории. Есть картошка, 13 ящиков, отборной и крупной, которая прекрасно сохранилась с прошлого года. Есть свежие яйца. У американцев замечательная упаковка, каждое яйцо в своем гнездышке, яйца не портятся в течение двух лет. Сухих яиц еще больше. Сухие яйца это высушенный желток, его разводят в молоке и получается яичница.

Молока много. Апельсин хватит на всю зиму. Консерв-фруктов и муку достанем еще. Мы ждем американцев на днях.

[л. 7 об.] Но зато полная зависимость нашего американского домика от всего мира. Даже радио поблизости нет. Ничего, ни сводок, ни газет, ни слухов. Стоят лишь льды, да ветер воет и воет. В девять вечера температура упала на 0 град[усов] и вода в бочке начала замерзать. Лето через месяц кончится, если считать, что сейчас лето. В тундре много цветов, голубые и белые, но они очень маленькие, еле приподнимаются от земли. По земле стелется ползучая ива, более похожая на растение, чем на дерево. На горах не стаявший снег. На берегу камни, серый гранит. Живу бодро, как всегда и весело смотрю на лед, этот бы лед под наше июльское солнце. Купил винчестер, ходим на охоту на нерпу [*сноска внизу*: нерпа из породы тюленей] и уток. Уток летит так много, что издали похоже на черное облако, прямо тысячи. Стреляем уток на обед. Пока отдыхаю. Ваш Николай.

Письмо 4.

[л. 8] 7 августа 1930 г. Мыс Северный

Писать о льдах, о норд-осте, о тумане, о холоде, боюсь, вам надоест. Опять у берега стоят ледяные горы и опять холодно. Лучше писать о нашей жизни, жизни маленького американского домика из волнистого железа, и об веселой бодрости двух его обитателей.

Сейчас под руководством Мирошниченко прохожу курс поварского искусства. Он за 12 лет северной жизни великолепно научился готовить. Варю супы удовлетворительно, второе часто пережариваю и еще не научился изготовлению пудингов и бисквитов. Надеюсь постичь и эти вещи, благо наша добрая “Kitchen Queen” — «Королева кухни» — так называется плита, печет, жарит и варит прекрасно. Дня через два буду ставить самостоятельно хлебы, уже прошел уроки. Извиняюсь за эту глупую болтовню, но ведь ни писем, ни газет у нас нет. Центральные газеты я читаю месяца через два. Ваши письма от марта и апреля большая радость перечитывать. Жаль мало пишете новостей о Переславле, каждая мелочь по-своему интересна.

[л. 8 об.] Ни «Колыма», ни американцы назад еще не проходили: две шхуны, советская «Чукотка» и американская “Karuse”, и пароход «Колыма» ушли снабжать северные фактории товарами. Мы ждем их каждый день. Если где-нибудь не раздавит, то еще увидимся, и я пошлю

Приложения

это письмо. Мы ходим на охоту на нерп. Это очень хороший экзамен на терпение. Надо сидеть на берегу часами, пока не покажется круглая мордочка нерпы. Дня три тому назад Мирошниченко убил одну, пока доставал ее, показалась другая, выстрелил и ранил нерпу. Раненые нерпы бросаются к берегу на мелкое место. Я увидел нерпу у самых камней. Два раза стрелял, но поторопился и мимо, нерпа ушла. Чукчи довольно метки и часто убивают. Сейчас все взрослые поселка выехали на лахтаков [сноска внизу: лахтак — из крупной породы тюленей]. Пока до прихода шхуны буду отдыхать. Больше новостей нет. Скоро зима. Утки летят на юг. Очень жаль, нет ваших более поздних, чем в Тиличики, писем. Николай.

Все говорят, у вас недостаток продуктов, а у нас всего хоть отбавляй.

[л. 9] Мне иногда жаль, что я не пою и не играю, я хотел очень бы послушать хорошую музыку. Хотя мы оба напеваем все слышанные и не слышанные арии, но музыка вещь хорошая.

Возможно многие мои письма покажутся смешными, я так много пишу про льды, ветер и дождь, но такова обстановка, скрывать ее не стану. Мне выросшему в среднем климате приходится перестраивать всего себя на новый лад. Больше года как я оторвался от родной обстановки. Трудно сказать, сколько я сделал миль, кажется около 21 000 километров. Не могу отвыкнуть от недостатка⁵ газет и новостей. Вот уже год, как только урывками читаешь газеты. Все же я по-прежнему бодр и весел.

На Северном мысу у нас порядок, мы подменяемся несколько раз в день. Мирошниченко славный человек, жаль уезжает. Он участвовал в спасательной экспедиции по розыску Айельсона и Борланда⁶. Вы помните, прошлый год здесь погибли двое американцев. У мыса Северного стояла шхуна «Нанук» «Swenson Fur Trading Company» (торгово-меховая компания Свенсона). [л. 9 об.] Они стояли у самого поселка. За пушниной прилетели летчики, часть благополучно отвезли в Аляску. Второй раз полетели и пропали. Это было 9 ноября. В этот день я выезжал на собаках из Карат [?] (на Камчатке). На розыски при-

---

⁵ Описка: должно быть «привыкнуть к недостатку».

⁶ Айельсон (Carl Ben Eielson, 1897–1929) — американский летчик, погиб вместе с механиком Осландом Борландом, пытаясь вывезти товар Олафа Свенсона.

летело три аэроплана из Аляски и Канады. Наши летчики Галышев и Слепнев принимали деятельное участие в розысках. На Северном было таклюдно, как никогда. Только в феврале американцев нашли за рекой Амгуемой. Сейчас у меня под кроватью лежат алюминиевые стойки с американского самолета, мне дал их на память Мирошниченко. На улице до сих пор валяются брюки и куртка Айельсона. Шхуна “Karuse” привезла Мирошниченко вырезки и журналы. Я читал статьи. Газеты западных штатов полны сожалений. Айельсон был один из деятелей “Alaska Airway Company”. В наших журналах тоже были статьи. Возможно, к нам прилетит самолет из Уэлена, кажется, привезут письма. Отправляюсь на охоту, дождь прошел.

[Между строк приписка карандашом, которая еле читается, видимо черновик телеграммы, который был написан сначала, а письмо по-верх.]

Письмо 5.

[л. 10] 9 авг[уста] 1930 г. мыс Северный Ледовитый океан.

Полпятого пришла шхуна «Чукотка». Мирошниченко уезжает. Остаюсь один. Смена ему не пришла. На меня осталась фактория. Вероятно, в декабре приедет работник. Сейчас полное одиночество. Жизнь дает новый экзамен, надо его выдержать на пять с плюсом. Эти месяцы будут наиболее суровыми. Надо все собрать воедино: волю, силу, здоровье, ум и нервы. Живите хорошо. Привет городу. С океана идут нехорошие вести. «Колыма» у острова Айона получила пробоину и была вынуждена выбраться на мель. Надежды на выход во Владивосток у «Колымы» мало. Американцы сломали винт, будут зимовать в Чауне или на Северном. На «Колыме» идут письма вам. Боцман с «Чукотки» сломал ногу.

Так всем вам ледовый привет. На севере все спокойно, льды все также стоят и стоят.

Николай

[л. 10 об.] Шлите радио⁷ каждые две недели, по возможности посылать.

На будущий год пришлите газеты, выписывайте «Известия» с момента получения письма, если пошлете с августа, то будет хорошо.

---

⁷ Т.е. радиogramмы.

Приложения

Также пошлите «Комсомольскую правду». Скажите, чтобы дядя Коля⁸ собрал все старые газеты, которые он читал, кроме «Известий» и «Комс[омольской] правды». Шлите и другие, которые будете читать. Я живу на год позже вас. Выпишите сочинения Плеханова, стоят 60 рублей, по мере выхода, деньги дошло. Адрес мыс Северный, посылать в апреле. Адрес: Радио Уэллен, Камчатка, и 2) Нижне-Колымск. Мыс Северный.

Николай

Пусть братья помнят обо мне, не раньше февраля пришлю телеграмму, связи зимой почти нет от меня. Живите хорошо, не беспокойтесь. Меня снабдили прекрасно, дали оружие, продукты, деньги. Писем на адрес мыс Северный не получал.

Письмо 6.

[л. 11] 17 августа 1930 г. мыс Северный

Поздравьте меня с началом зимы. Выпал первый снег в 4,5 см толщиной. Весь день снег не таял и сейчас вечером уже не растает. Возможно, снег останется, но если будет солнце, то растает. В океане туман. У берега льды. Дуют северные ветра. С острова Врангеля летят белые гуси, первые весточки холода. Утки летят уже давно. На воде сплошное сало. У берега льды. На тундре снег. На небе белые тучи. Все спокойно на севере. Мой последний привет теплу и солнцу.

Выучился печь хлебы. Вышли довольно удачные, не испортил муку. Готовлю сам все: супы, второе, из третьих умею только молочный кисель с яйцами. Попробую сделать печенье. Есть миндальная, лимонная и ванильная эссенции, с ванилью получается очень вкусный кисель. Мирониченко через несколько дней, к моему изумлению, вернулся. Оказалось, забыл в суматохе книги фактории. Сейчас живем опять вместе. Он ждет теперь пароход. У нас нет никакой надежды на приход «Колымы».

[л. 11 об.] Очень тяжелый ледяной год. У острова Айона «Колыма» тонула, но выбралась на мель. Выручили американцы. У «Колымы» потеряна лопасть винта, в бортах пробоины. У американцев сломан винт. Нехороший «пынль» (новости) несут льды. Старпом шхуны «Чукотка» упал во время хода за борт, он спасся тем, что упал на льдину.

---

⁸ Брат матери Н. Б. Шнакенбурга, Николай Павлович Засс, преподаватель математики и английского языка в МГУ.

В это же время, когда у нас сидел он и доктор, со шхуны поспешно приехали за доктором. Боцман сломал ногу, сломалась мачта. Со шхуной послал вам письма. Может быть, отошло и это. Только бы пароход не зазимовал. Мне что-то тревожно за пароход. Уже океан начал замерзать, а «Колымы» нет. На мысе Восточном, около нас, пять одиноких могил, следы зимовок 1915, 1922 и 1930 гг. Могилы из камней, земля не оттаивает. Пожелаем вместе всем и «Колыме» и американцам выбраться из льдов. Дмитрий [Мирошниченко] славный человек, он 12 лет пробыл на севере. Многому меня учит.

[л. 12] 19 августа 1930 г. мыс Северный

Дует сильный юго-восточный ветер. Льды отгоняет от берега. Если ветер не переменится, то ждем изо дня на день пароход и шхуну. Может быть они выйдут. Осталось до сентября недолго. В сентябре океан замерзнет. Уже сейчас идут морозы. Как говорили на шхуне «Чукотка», мистер Полистер, владелец шхуны “Karise”, думает зимовать. У них сломан винт.

Вечером 8.30. Ужасный ветер — ост. Над землей туман. Льды гонит от берега. Восточный ветер спасительный ветер для парохода. У берега чистая вода на километр. Больше всего мне жалко капитана. Он славный человек. Когда «Колыма» динамитом пробивала путь за мысом Сердце-Камень, как я мучился. Несколько ночей капитан не спал, не сходя с мостика. Начинаются темные ночи. Белые ночи прошли. Зажигаем мамину лампу. Лампа горит хорошо и дает много тепла. Керосину много — бочка 20 пудов, это мой, мне дали со шхуны «Чукотка».

[л. 12 об.] 20 утром. Ночью разразился ужасный ветер. Сегодня ветер переменился, будет норд-вест (с-з), льды принесло к берегу. Дождь, туман вечером. Ветер норд несет ледяные горы. Снег с дождем. Веселье и песни не умолкают в нашем домике.

21 вечером. Сильно беспокоимся за пароход. Может раздавить. Дуют противные ветра, на берег гонит лед к берегу. Бухты забиты льдом, пароходу негде оттаиваться, везде лед. Температура падает до 0 град. Туман.

22 вечер. Весь день сильный до 8 баллов восточ[ный] ветер. Туман застилает землю. На море пароходу идти нельзя, льды и туман. Полградуса мороза. Купили гуся с брусникой. Брусника из запасов Амундсена. Он посетил Северный в 1919 году. Брусника сушеная, варили с сахаром.

Приложения

23. Зимний день. Шел снег, все покрыто белым, летят громадные стаи уток и гусей. Мы убили 7 гусей и 20 уток. Вечером на улице тихо по-зимнему.

24. Снег. Дмитрий убил нерпу.

Письмо 7.

[л. 13] Залив Лаврентия, Берингов пролив, Чукотская Культбаза. 01 авг[уста] 1931 г.

Дорогие папа и мама! Вчера я получил от бабушки сразу две телеграммы и теперь ожидаю известий от вас. Вы на меня не сетуйте, что я остаюсь на севере еще пару лет. Всякое дело требует серьезного внимания и если я решил работать на севере, то всерьез и надолго. Моя работа нужна, и я пользуюсь со стороны Комитета Севера и Богораза поддержкой. Раз все другое — удобная жизнь на материке, веселье молодости, должны быть отброшены. Так то. К себе я был и буду чрезвычайно строг. Работа на севере не веселая оперетта и не путевые записи журналистов, которые, к сожалению, известны в мапах [?]. Раз дело того требует, с собою считаться нечего. Такую постановку единственно считаю верной для себя. Два года я прожил, проживу и еще два, в этом уверен и тверд. Вы, хотя и скучаете и вспоминаете, но понимаете меня. Я тоже вспоминаю вас и стараюсь помочь материально. Зиму в одиночестве я часто перечитывал письма и разглядывал фотографии, так я был дома. Обо мне не беспокойтесь, не пропаду и проживу еще пару лет бодро и твердо. Спокойствие, помноженное на бодрость, дадут уверенность в жизни и в работе. Рад буду встретиться с вами и надеюсь бодро, что мы увидимся вновь. Для меня же эти два года дали столько, что я не променяю их на спокойное жительство у бока жены. Я жив и здоров, желаю всего вам хорошего, мне же пожелайте веселой бодрости слушать вой полярной пурги. Новости, какие же новости у нас. Близ мыса Северного на реке Амгуема во льдах зажаты два парохода и шхуна. Плохо со шхуной. Два дня тому назад, когда я был на радио, радист принял сигнал бедствия «Слушайте только меня, остальные прекратите работу», таков был смысл трех условных знаков. Радист принял телеграмму. Шхуну сдавило между двумя ледяными полями и выперло на лед, проломило бок, была течь, течь заделали, шхуна встала потом на воду. Сегодня были приняты подробности. Не действует руль, сломан винт. Два парохода оказывают помощь.

Пароходы идут в Колымский край, шхуна в Чаун и потом Врангель. На Врангеле кто-то спятил и цинговал, везут смену. Цинга вещь конечно неприятная, но у меня видимо дело обстоит хорошо. Видел я, как чернеют десны и выпадают зубы, десны пухнут и идет кровь. Здесь у двоих товарищей распухли ноги, и они не могли ходить, потом поправились. Весной нападает сон, человека клонит ко сну. Ночь и день теряются, светло, идет весна и цинга. Я кушал в марте и часто зимой тюленью печенку в сыром виде, мясо — оленину мерзлую, сырую рыбу, это хорошо помогает. Консервы вообще не люблю. Питался я зиму хорошо. Приготовлял сам. Суп из оленины с картошкой или щи; второе — жареное мясо с картошкой, каша рисовая, манная, гречневая, перловая. Часто кушал яичницу с хлебом. Яиц было много. Сушеные яйца разводят, получается жидкая кашица, потом выливают на сковородку — получается настоящая яичница. Молока было еще больше — сгущенное и жидкое в банках. Была капуста, томаты, сухой лук, свежая картошка, ящик апельсин, ящик яблок, компот. Осенью ел гуся с яблоками и с брусникой (высушенная — варил с сахаром). [л. 13 об.] Очень любил делать кисель молочный с ванилью и с какао, и клюквенный из экстракта. Научился и пек прилично белый и черный хлеб; делал блины с патокой. Как видите, если когда-нибудь придется жениться, то сумею и готовить. Несколько раз делал печенье и пудинг из хлеба, своей стряпней был доволен, и не обижались и другие. Жизнь превосходная школа! Кушал четыре-пять блюд за обедом, разнообразных. Условия жизни этого года будут хорошие, беспокоиться нечего. Здесь лето. Погода как у нас в октябре-ноябре, изредка солнечные дни. Последнее время туманы, дождь, холод: зимой, пожалуй, лучше. Много цветов: желтый полярный мак, крошечные незабудки, разные другие цветы. На севере цветы очень яркие. Чистый воздух дает видимость далеко. Из окна видны горы. На некоторых местах еще снег. Серое море, серое небо. На тундре растет полярная ива толщиной в карандаш, она стелется по земле. Как во сне далеко хвойный лес — Усолье, зелень деревьев и трава на лугу. Еще увидим. Летят утки стаями. Ходим на охоту. Ожидаем пароход, два парохода идут сюда. 3-го июля рано утром пришла шхуна. Выбежали на берег. В заливе был лед, и к шхуне пройти нельзя было. Ждали до полдня и когда ветер разогнал лед, то со шхуны приехали. Потом поехали на шхуну и мы. Я получил письмо мамы от прошлого года от мая, где она сообщает о посылке. Посылку

Приложения

я не получил, а письму был рад. Много интересного узнал. Катя Саз[онова] вышла замуж, Шура женился, кто-то еще вышел замуж. Поздравьте от меня Шуру, Лиду и Катю. Сережа еще наверное не женился? Коля все скучает, это зря. На шхуне были радостно приняты. Пили чай, слушали граммофон, читали газеты. Прошлый год шхуна была у меня в гостях, теперь я у нее. Много новостей. Ехала смена на фактории, все были веселы и смеялись. В тот год смена на Врангель тоже смеялись. Зимой кто-то спятил. Вечером шхуна ушла в льды. Полярное море вскрывалось в середине июля, сейчас там льды. Шхуна во льдах. Через море и льды несутся точки-тире, карандаш радиста чертит нервные строчки: «Слушайте только меня, прекратите работу». Лед и море не любят, когда тревожат их покой. Шхуна должна пройти вперед, еще в запасе август и шесть дней сентября. Скоро будут новости и газеты. Узнаем о жизни материка, о политике, о новых книгах, слишком будет много нового. Только сейчас, когда я пишу письмо, получено радио. Шхуна «Чукотка» раздавлена льдами. Команда и пассажиры спущены на воду. Шхуна посажена на мель. Товар перегружен на пароходы. Пароходам приказано идти вперед. Еще новость, на виду пароход «Волховстрой». Идет прямо сюда. Пока до свидания! Крепко целую.

Ваш Николай.

Послал письмо [нрзб], прочтите, узнаете обо мне. Адрес радио Анадырь, Лаврентий, и [для] писем Лаврентий через Владивосток Чукотка, отправлять в мае, июне будущ[его] года.

Николай.

Письмо 8.

[л. 14] Залив Лаврентия Берингов пролив 25 августа 1931 года.

Мой дорогой брат! В июне от мамы было радио. Ты работаешь на заводе, очень рад за тебя. Ты должен приучаться к самостоятельной жизни. Вам я послал письма: 1) маме на адрес Москвы, 2) дяде Коле, 3) маме в Переславль, 4) это тебе и 5) папе. Полагаю, что вы получите их. Радиосвязь хорошая, до Уэлена и Лаврентия телеграммы идут из Москвы дня в три. Весной связь плохая. Радио бывает загружено. Вероятно в этом году сумею вам посылать раз в месяц обязательно. С марта по август уеду далеко, известий не ждите. Буду в глубь Чукотки у кочующих, постараюсь пройти на Анадырь через горы к Иванчикову. От него получил письмо. Живет благополучно.

Сегодня шторм — северный ветер. Волны с грохотом кидаются на берег. Луна так же как у нас в сентябре. Иногда ветер беспокоит людей. Мне же как-то безразлично. Этой зимой я пережил большую пургу, 13 дней в декабре. Наружу нельзя было выйти. Снег прямо бил в стены. Крыша грохочет, как будто по ней разъезжает колесница. Со всех углов несет ветер. Тепло моментально выдувает. Печка не топится, задувает. Декабрь, солнце уже за горизонтом. Темно. На окнах лед, в углах комнаты лед. Меня заносит. Уголь не горит. Ставим нефть. Рвется нефтепроводная трубка. Кое-как горит уголь. Получаю известие. В 200 километрах от Северного бывшие торговцы-хищники грабят остатки американской шхуны «Елизиф». До властей 600 километров. Пишу письмо, категорически запрещаю расхищать товар. Пурга идет седьмой день, идет десятый. Держусь твердо. Вечерами одному в доме жутко. Зажигаю четыре лампы, ставлю в комнате, в кухне, пою. Декламирую, танцую. Завожу граммофон. Сестры Брукс (две американские артистки) поют “How many times”, глупейшая любовная песня. На тринадцатый день пурга стихает. Это один из эпизодов моей жизни. Эта зима дала мне очень многое. Я морально и жизненно окреп, твердо уверен, что перезимую в этом году вполне успешно. Построим юрту, как кочующие. Их жилище состоит из двух частей. Наружный шатер и внутренний полог. Полог довольно просторный, как комната, похож на ящик. Передняя стенка прикреплена не наглухо. Приподнимая ее, можно входить в полог. Внутри горят жирники с тюленьим жиром, фитиль мох. Если жирник хорошо заправить, то он горит светло и дает много тепла. Обыкновенно горят в пологе два-три до шести жирников. Мы поставим лампы керосиновые — тепло и светло. Лампа будет гореть весь день и если холодно, то и ночь. Снаружи юрту скрепляют ремнями и камнями, чтобы не сорвало. Оленеводы совсем первобытный народ. В феврале ко мне вышел из гор молодой парень, он никогда не видел русских. Я дал ему хлеба, он скушал и сказал, что сладкий. Картофель не понравился. Консервы не кушал — соленые — вообще чукчи очень редко кушают с солью. Он не видел пилы и попробовал ее зубами. На граммофон долго удивлялся и, конечно, объявил, что это «голоса духов». Недавно я был у кочующих, близко у Лаврентия. Пил чай и кушал мясо. Зная чукотский язык и поговорив, я услышал от одного: «где твой язык улучшился, в какой земле?» Я ответил ему — «на севере». Они считают свой язык самым доподлинным, наш же на положении собачьего.

Приложения

Моя же речь «улучшилась», немного приблизилась к «настоящей речи». Юрта, одежда, пища также называются [л. 14 об.] «настоящие» в отличие от нашей еды и одежды. Все чукчи разделяются на «береговых» и кочующих. Береговые называют себя «лии-ораведлян» «настоящие люди», кочующие «чаучу» «оленовод». Береговые охотятся на тюленей и моржа. Кочующие имеют оленей. У береговых есть собаки, на которых они ездят. На севере это единственный способ передвижения. Собак запрягают попарно к нарте — длинным узким саням. Запрягают 8–10 собак, два человека, пудов пять груза. Ехать по хорошей дороге удовольствие. Собаки бегут. Каюр кричит: поть-поть — направо, кхр-кхр — налево, управляет криком. В руках тормозная палка — осто. С горы — каюр тормозит, с горы часто захватывает дух. Я проехал на собаках 600 километров, двигались тихо, километров по 50, собаки были тощие. У береговых пищей служит «анкатоль» «морской кусок» — мясо тюленя. Женщина нарубает мерзлое мясо на кусочки, нарезает жир. Все кушают руками. По окончании, доска для пищи, на которой едят, выставляется наружу, собаки мигом все подъедают. Старуха садится на ночной сосуд. Потом мочой моет доску для пищи, моет тут же руки, этой же мочалкой вытирает губы. Это мне приходилось наблюдать очень часто. У кочующих, говорят, многие красавицы мочой моют и лицо. Как говорят, лицо от этого бывает румяное и чистое. Дома женщина сидит только в коротких подобно трусах, остальное все нагишом. Вокруг шеи стеклянные бусы, на руках украшения. Лицо часто разукрашено татуировкой. Мужчины в пологе сидят лишь в штанах. Дети голые. Это еще один эпизод из моей жизни. Чукчи очень любят детей. Обращаются с ними хорошо. Вместо поцелуев чукчи нюхаются. Прикладывают нос к носу и одновременно втягивают в себя воздух. Таков поцелуй на севере. Жизнь вообще очень тяжелая. Часто старики или тяжелобольные «просят смерти» — просят, чтобы их родные задушили их или зарезали. Так одного старика задушили жена и сын, петлей. Вся вселенная по воззрениям чукчей наполнена духами-келе, которые только и причиняют вред людям. Келе подстерегают людей везде, особенно в темноте. Болезнь это тоже внедрение келе в тело человека. Келе бывают в образе собак, огнедышащих людей, в виде предметов. В каждом жилище у входа вешается «калаквунь» «злых духов отвратитель», различные предметы, но с добрыми духами, защищающими от келе. Покровителем людей считается «Великий

ворон» — «Большой ворон» — Вальвинен с женою «Митинеут» наполовину ворон — наполовину человек. Он защищает людей от келе и всячески помогает людям. Он же сотворил мир и людей. В мире живет большой медведь — Кочатко, который подстерегает людей и нападает на них. Чтобы напугать людей, Кочатко ложится на спину, поднимает ноги кверху и кричит — «ух-ух». Тогда люди скорее уходят из этого места.

[л. 15] С духами сносится шаман. Он также дает предсказания, «делает погоду», лечит людей и является чукотским священнослужителем. Я был на шаманском представлении. В пологе потушили огонь, совсем темно. Шаман взял бубен и стал колотить, сперва монотонно и тихо, потом сильнее. Другой старик подзадоривал «нет, нет еще, здесь нет, [с]наружи». Говорилось о духах. Я сидел близко около шамана. Он стал кричать бессвязные слова, прикрывая рот бубном, то отворачиваясь к стене. Звуки шли то из-под земли, то снаружи, то глухие, то звонкие. Вдруг шаман ударил колотушкой о пол, послышался сильный удар. То обнаружили духи. Вдруг меня кто-то схватил за ноги — духи быстро материализовались. Вдруг сверху на меня упала искусно подброшенная чашка. Духи уже пошаливали. Шаман объявил, что среди нас находится келе в образе собаки. Потом зажгли свет и все кончилось. Видал я еще многое, чего не напишешь в одном письме, приеду, расскажу. Тебе и Андрею желаю хорошей жизни. Работай и относись к работе хорошо, ты работаешь на благо Советского Союза — это всегда должен помнить. Читай больше политических книг, и ты поймешь жизнь лучше; поймешь, что не зря делаются такие усилия и не зря переносятся хозяйственные затруднения. В свое время я из-за окружения тетушек и дядюшек не мог попасть в комсомол и об этом очень жалею. [л. 15 об.] Читаю и сейчас много политических книг. Не слушай рассуждений многих окружающих тебя из переславских, и следуй дорогой рабочего класса. Когда я скитался почти без куска хлеба в оборванной шинели, в дражных штанах, я помню какой прием мне оказывали люди с достатком, как они меня встречали по платью. Это я никогда не забуду. На этом кончаю, надо спать. Полагаю вам высылать по сотне, деньги есть. Скоро пошлю за июль, август, сентябрь.

Пока до свидания. Весной пошли письмо в мае, адрес Чукотка. Лаврентий через Владивосток. Твой брат Nick.

Приложения

Письмо 9.

[л. 16] Лаврентий. Берингов пролив. Чукотский полуостров. Август 1931 г.

Дорогая мама! 1-го августа отправил вам письмо на адрес Ключарева. На днях получил две телеграммы от бабушки, от вас пока еще нет. Вы все живы-здоровы, твердо уверен, что такими же живыми и здоровыми встречу вас через пару лет. Вам уже писал, что останусь здесь на пару лет еще. За меня не беспокойтесь. Твердо уверен, что вернусь к вам опять. Итак, до 33-го! Писал вам, что шхуна «Чукотка» была раздавлена льдами на реке Амгуэма, в 60 милях от Северного. Последнее радио принесло, что команда прибыла в Уэлен и скоро будет в Лаврентии. Шхуну оставили на мели. Товар спасли. Люди выбрались сами на берег. В 29-ом на реке Амгуэма погиб Айельсон — американец. В дороге их застала пурга, и они налетели на гору — была такая картинка в журнале. В ту же зиму у Северного зимовал «Ставрополь», на мысе Восточном, в одном километре от Северного, остались две могилы с советскими звездами. Они видны далеко с моря. Там же три могилы — дань зимовки 1914–1915 года. Могилы из голых серых камней, нет даже земли. Ленты свежи так же, как будто их положили вчера. Под мысом летом плавают льды, зимой же неподвижный снег и лед. Сейчас на севере во льдах «Колыма» и «Лейтенант Шмидт». Им должна быть удача, они должны вернуться назад. Моряки славный народ.

Два дня тому назад к нам пришел русский. Он жил 9 лет в Америке, работал на золоте. Потянуло домой. Он переехал Берингов пролив из Аляски, высадился на русском берегу. Мы ведь живем на русско-американской границе. Рассказывает нам о безработице в Америке, об упадке Аляски, о том, как русские рабочие живут одной думой о Советском Союзе. Рассказывал об американской самогонке «мун-шайн» — «лунное сияние» и о том, как самогонщики при обысках обстреливают полицию из пулеметов. Скоро он уедет на пароходе. Весной в июне с мыса Дежнева я видел горы Аляски, интересной, но чуждой мне страны. В июне я посетил большое эскимосское селение Нуукан. Был у мыса Дежнева — самой восточной точки Азии. Видел перед собою Берингов пролив. Видел эскимосов, моржей. 10-го июня мы шли по льду пролива близ берега в Уэлен. На скалах кричали птицы. Это был «птичий базар», гнездовища чаек, топорков, гагар. В этот же день на горе я увидел первый весенний цветок. Лежал еще снег и на море был

лед. В конце июня мы ехали в последний раз на собаках. Шла весна — непрекращающийся день. Летели утки и белые канадские гуси. Море и тундра торопились наверстать долгое время зимы. С 21-го июня я живу в Лаврентии на культбазе — у меня комната в два окна — довольно хорошая. Обстановка, и чисто. Русских здесь около 20 человек. В начале сентября уеду в залив Мечигмен к «кочующим». Зиму проведу там. Нас будет двое: я и кооператор. Возможно, месяца три не будет телеграмм. Апрель-июнь и будущее лето проведу вглуби страны — телеграмм не будет долго. Много читаю. Изучаю Маркса-Энгельса. Много пишу. О жизни этой зимы изложил в письме к Ключаревым. Пошлю последнее еще письмо Алексею. Уже послал одно письмо, это второе, Ключареву третье и Лене⁹ пошлю четвертое. 3-го июля пришла шхуна «Чукотка». Я получил письмо мамы от мая прошлого года. 1-го августа пришел пароход, писем для меня не было. Читал газеты, видел журналы, на материке идет большое строительство. По возвращении поеду по югу, посмотрю колхозы, новые фабрики. Вам старым людям многое не понять.

19 авг[уста] получили почту из Уэлена, куда в июле доставил ее «Шмидт». Газеты, журналы от декабря 1930 года. Много интересного. Для меня писем с материка нет.

Передают подробности гибели шхуны. В 10-ти милях от берега шхуна была захвачена двумя ледяными полями. В носу появилась пробоина. Через некоторое время лед сорвал руль и винт. Шхуна начала наполняться водой. Все выбрались на лед, взяли провизию. В течение двух часов шхуна наполнилась водой и затонула. Весь товар погиб. Матрос один умер от разрыва сердца. Один немного рехнулся, один поседел. У зава фактории, который ехал на Северный, погибли все вещи, остался, в чем вылез на лед.

[л. 16 об.] Лды стоят очень тяжелые. «Колыма» и «Шмидт» не дошли до Северного 3 мили. Им не пройти дальше, они запрашивают об выходе назад. На севере скоро зима, осталось дней 15. На Врангель идет пароход «Гагара», не дойдет. В Уэлене стоит «Ительмен» — пароход снабжения. Вчера приехал сюда Георгий Соколов, начальником базы, хорошо будет работать. На карте посмотрите Колючино, Мечигмен, Преображение — вглуби района буду я эту зиму. Ничего особенного,

⁹ Алексей, брат Н. Б. Шнакенбурга.

Приложения

кроме –35 и восьмибалловой пурги, немного темновато, остальное пустяки. Будем вдвоем с товарищем — сживемся. Моя дорогая мать, тебе хотелось, чтобы я был хорошим сыном. Служил бы совсем близко, часто бывал дома. Но сын твой оказался настолько беспутным, что мало думает о чистом столе с самоваром, об сеансе кино, об светлом уюте «семейного гнездышка». Да простит мать своего большого беспутного сына, который болеет любовью к полярным льдам и к холодному полярному солнцу. Беспутный большой сын скоро будет слушать как воеет пурга, будет смеяться наперекор ветру и снегу. Ни черта, мы победим!

Беспутный сын все же много думает о своей старушке матери и о старике отце конечно. Он не позабудет их.

Пусть мать простит беспутного сына за былые года мальчишеской удали, за буйное время озорства, сын об этом очень думает много и ничего не забыл. Беспутный сын обещает зато жить в большой дружбе с братьями, пусть мать еще раз напомним им об этом. Да живите твердо и весело, так будет жить и ваш сын.

Письмо 10.

[л. 17] Залив Лаврентия Берингов пролив 2 сент[ября] 1931 года

Мои дорогие! Вам привет и наилучшие пожелания! Дней пять, как продолжается шторм и по крыше рвет ветер. Идет дождь со снегом. Вчера на горах появился первый снег. Сегодня снег распространяется и на другие горы. Море все в волнах. У берега бьет сильный прибой. Желтеет трава, и осыпаются цветы. Перед входом в залив, говорят, уже видели лед, принесенный с северного океана. Идет зима.

27-го пришел пароход «Ительмен» со снабжением. Выгружался лишь день, вечером ударил шторм, и пароход ушел отстаиваться вглубь залива на другой берег. Привезли массу товаров — самых наилучших, даже предназначенных для экспорта. Всего много и достаточно. Ожидаем пароход еще. Он стоит в Анадыре. Не теряю надежды на письма. Писем этого года еще не получил, правда имею письмо от мамы от мая прошлого года. Хорошо и на этом, узнал массу новостей. Катя Саз[онова] вышла замуж, женился Шура, этот женился, то та вышла замуж. У меня новости другие. Вчера выпал снег. Холодно. Дождь. Шторм. Пришел пароход, побывал на пароходе. Узнал как погибла шхуна «Чукотка». 27-го июля шхуну сжало между ледяными полями. Это было близ реки Амгуемы в районе мыса Северного. Получили про-

боину, стала проникать вода. Заделали пробоину, откачали воду. Был момент, когда шхуну выпирало на лед. Льды напирали сильнее. Сорван руль, сломан винт. Вода в машинном отделении. Машинисты работали на табуретках. Шхуна трещит. Лопаются трубы. Перекашиваются двери, одного матроса закрыло в каюте дверью. Он спасся тем, что выломал дверь. В мир летело радио. Первая приняла Аляска. Как раз в это время я был на радио — станция Лаврентия. Радист нес обычное дежурство, слушал вообще. Мы смеялись с ним, рассказывая веселые истории. Вдруг он принял: «Всем, всем, слушайте только меня, остальным прекратить работу». Шхуна сообщала о людях, о пробоине, о трюмах воды. В этот же вечер в мир полетел “SOS”. Люди сошли на лед, взяв продовольствие, прихватили граммофон. Скот перестреляли. Был момент, когда нельзя было ни сойти, ни спустить шлюпки — мелкобитый лед. Потом шхуна ушла под воду. Люди шли по плавучим торосам к пароходу «Колыма». Совсем близко у парохода матрос умер от разрыва сердца. Многие поседели. Я видел их сам. Эту историю рассказал мне пекарь со шхуны. Он говорил тихим голосом как люди после больших потрясений: «Мы три раза были под смертью». Завфакторией мыса Северного потерял все имущество, она и он поседели. Капитан сильно изменился. В прошлом году на мысе Северном у меня он пил чай и был весел. Вся команда едет на пароходе во Владивосток. Среди матросов были одесситы, воображаю как понравился им такой сюрприз после теплого Черного моря. Пароходы «Колыма» и «Шмидт» вероятно стоят затертые льдами. Последнее радио было из Чауна. Таков северный «пынь» — новости. Написал и посылаю письма: маме, Алексею, папе, вам и ранее послал еще на ваш адрес, посылаю также письмо и Сазонову. Вероятно все получают. Сюда письма идут плохо. Вы не беспокойтесь. Радиостанции завалены телеграммами: торговыми и административными, частные идут в последнюю очередь. Обо мне не беспокойтесь. Твердо уверен в себе, и здоровье прекрасное. Начиная излагать о себе за всю зиму. Впрочем у вас наверно еще жарко и зеленеет трава. Ведь я не видел так давно самой простой пыли — уличной пыли. Попался в руки журнал с празднованием первого мая в Москве на Красной площади. Как странно, уже не было снега. Мы встречали 1-го мая в Уэлене, это у входа в океан. Все были. Дети [одеты] по праздничному. Радист даже надел желтые ботинки. Был снег, лед и холодно, лишь ярко светило солнце.

Приложения

Теперь о себе. Для интереса веду изложение по числам. 3-го сентября прошел пароход «Колыма». Все так хорошо простились со мной. Дали два гудка. Мы поехали к берегу, пароход ушел на восток. На море был тонкий ледок, и было тихо. В первый раз меня охватила тоска, но затем я быстро взял себя в руки. Убрал комнату, сварил обед, поставил хлеб и начал жить. 6-го мимо прошла американская шхуна «Кариз». Это было вечером. Огонь шхуны показался у мыса слева. Но стояли льды, тяжелые многолетние льды и американцы пошли в море. Стояла прекрасная тихая погода с заморозками, море было чисто, льды ушли под горизонт. 17-го сентября ударил сильный снежный шторм и началась зима. В октябре была морозная, но ясная погода. Небо переливалось огнем северных сияний. Это очень красивое зрелище. На севере неба — зеленые волны, которые то тухнут, то горят зеленым огнем. Громадные прожектора щупают небо желто-зеленым светом. Я выучился стряпать, продуктов у меня было много. Апельсины, яблоки, капуста, белый и черный хлеб, компот, мясо, крупы, яйца. Особо я полюбил молочные кисели. Было много молока, свежая картошка. Я кушал в обед по 5–6 блюд. Хлеб пек сам, раза два испортил, но потом выходили хорошие. Делал блины, оладьи, манную кашу. Яйца надо было разводить в воде, потом выливал на сковороду и получалась яичница. Моим единственным [л. 17 об.] развлечением был сломанный граммофон без пружины. Вечером, когда я оставался один, я брал граммофон в руки, расколотую мембрану держал левой рукой, а пальцем правой крутил пластинку. Слушал фокстроты, пение, сестры Брукс пели о любви, тенор-американец фальшиво тянул русскую «Дубинушку», пластинки были американские, хотелось русских родных и знакомых. Я уже давно спал в куколке — спальном мешке. Спал в шапке, в меховых штанах, по утрам дыхание намерзало и на мехе спального мешка. Надо было растапливать лед для умывания, для чая. Дни становились короче. Брезжило в 10, в 2 смеркалось снова, в три выходила луна, понятия мира перевертывались. Шли пурги по несколько дней, по ночам было жутко и ночью всегда у изголовья горел фонарь. 22-го ноября зашло солнце. День открылся туманом, по небу ползли облака, и солнце скрылось в тумане и в облаках. Перед этим 7-го ноября мы праздновали день Октябрьской Революции. Мне вспоминалась Москва и Залесье. С 1-го по 13-го декабря была самая сильная пурга. Ветер рвал крышу, легкий зефирчик проносился по комнате. Нельзя было удержать тепла совсем. У меня был недостаток угля,

а сейчас и тот не горел, поставили нефть, лопнула трубка. В печку пошли ящики. С утра надо было зажигать лампы, была темнота. Окна уже с начала зимы покрылись льдом. В углах проступил лед и снег. Коридор завалило, уголь завалило. Это было сплошное безумие снега, ветра и холода. Я варил обед, играл на граммофоне, читал и писал. Жизнь шла как во сне. В это же время получил известие о том, что разбитая американская шхуна «Елизиф» разграбляется бывшими русскими торговцами, шхуна разбилась весной 29 года у мыса Биллингса во льдах и была выброшена на мель на произвол судьбы. Власти еще не доехали до нее, вообще в том районе не было никаких властей. Эти же русские прислали письмо, его я сохранил: «мы потеряли счет дням, не знаем какое число и какой месяц, очень скучно без календаря, пришлите, заплатим». Я написал им день и месяц и вместе с тем строго просил прекратить расхищение шхуны. «Начальник милиции уже выехал из Уэлена. Ему все известно». Связи с Уэленом вообще не было четыре месяца. Я отправил письмо и в Уэлен в РИК. У населения шла голодовка, ели песцов и собак. Я открыл факторию на свой страх и риск и начал торговать, это было в половине ноября. 31-го декабря приехали работники РИКа — инструктора. Они подтвердили правильность торговли. Мы взяли продукты «Ставрополя» (пароход, зимовавший у Северного в 29–30 году) и распределили между населением. Встретили Новый год спиртом и смехом. 15-го января были холода, термометр показывал -35° , но было тихо и ясно. 16-го января уехали русские к оленеводам на Чаун. 20-го вышло солнце — маленький краешек показался над горами. 21-го января я захворал — два дня был почти без памяти. Я только просил чукчей топить, чтобы было тепло. На дрова был разобран старый домик, отаплился его остатками и немного углем. Дня через два я встал, но был слаб. Дни прибавлялись, светило солнце, опять шла пурга. 27-го января было вечером, я сидел и писал. Наружи было тихо. Вдруг я услышал осторожные крадущиеся шаги за стеной и через минуту крики. Я оделся, схватил винчестер и выбежал из дома. Оказалось, к соседу пришел белый медведь, разобрал юрту и унес собаку. Медведь убежал. Раза два в деревню приходили белые медведи. Этот год был вообще медвежий. Медведи выходили на берег, заглядывали в деревни. В соседней деревне медведь съел молодого парня, встретив его по дороге. Песцов было мало. Еще через несколько дней прибыл Брюханов — арестованный по делу разграбления шхуны. Один из интересных моментов жизни на севере. Бывший торговец, старый полярный

Приложения

волк — 22 года жизни на севере — старик Брюханов следовал по этапу без всяких провожатых, на своих же собаках, это на расстоянии 800 километров до властей. Еще через несколько дней в моем домике случилось следующее: нас было трое, двое чукчей и я, был вечер, и мы пили чай. Снаружи слышались шаги, потом тихо. Чукчи вдруг затряслись от страха. Я встал, хотел одеться и взял винчестер. Они уцепились за меня и не пускали. Я снова сел к столу и поставил ружье. В ту же минуту чукча схватил винчестер, взвел курок и хотел стреляться. Я выхватил у него винчестер. Чукча закричал и выбежал в холодный коридор. С ним случился [л. 18] припадок. Он кричал, [нрзб] ящики, бросал бутылки, рубил топором по полу. Зная, что на Севере бывают припадки так наз[ываемой] полярной истерии, человек делается безумным, кидается с ножом на других, я припер дверь плечом. Через некоторое время я услышал, как чукча упал. Одевшись, я вышел с фонарем. Чукча стонал и изо рта у него шла пена. Я поднял его, он рванулся к двери. Открыли дверь. Наружу была небольшая пурга. Я привел его в дом, хотел дать валерьянки, отказался. Чукча сел и стал петь шаманскую песню. Потом я уложил его спать. Оказалось вот что. Весь мир по мнению чукоч населен злыми духами «келе», которые специально охотятся за человеческими душами. К дому пришел келе, и если бы я вышел, то келе вошел бы в комнату и схватил чукчу. «Я бы застрелился или умер бы от страха, лучше бы застрелиться» сказал мне чукча. «Келе» пролез в дырочку в сенях, после боя скрылся в угольном сарае. В феврале был ветер 25 дней. 1 марта приехали русские. 1 апреля я выехал по делам в Уэлен на собаках. Приеду расскажу. Я остаюсь здесь еще на два года, увидимся в 33-м. Здоровье крепкое, а нервы после этой зимы отупели. Часто ко всем трудностям появляется безразличное отношение. Ни черта мы не пропадем. Живите хорошо и счастливо, мы тоже проживем, твердо уверен в успехе! Мой привет Сереже Жит[?] не видел его года четыре. Пишите мне Чукотка Лаврентия через Владивосток (отправлять [в] мае, июне) радио Уэлен Лаврентий.

[л. 18 об.] От бабушки получил телеграммы. От мамы последняя была от июня, где она сообщает, что папа служит в Перми¹⁰. Обычно-

¹⁰ Б. Р. Шнакенбург был арестован 25 октября 1930 года, и «служит в Перми» может означать только то, что они уже в 1930 году всё понимали про перлюстрацию и про то, о чем нельзя писать.

венно телеграмма идет дня 2, но сейчас завал и частные телеграммы принимают мало.

Итак до свидания, до осени 33-го года!

Ваш Николай

Дядю Колю прошу прислать: 1) самоучители франц[узского] и нем[ецкого] языков со словарями, 2) Журналы «Борьба кланов», «Под знаменем марксизма», 3) Moscow News на англ[ийском], газеты. 4) Moskauer-Rundschau на нем[ецком]. Все выслать посылкой. Шлите и старые журналы. Деньги возьмите у мамы. Думаю посылать домой по 100 рублей, если нужно больше, то пусть сообщат. На ваш адрес Москвы [полагаю?] и высылать.

Письмо 11.

[л. 19] Залив Лаврентия 27 сент[ября] 1931 года Чукотка

Мой дорогой отец! Два дня тому назад в залив пришли льды, а сегодня радио принесло нехорошие вести. Льды и радио принесли плохие новости. Пароход не мог пройти и стоит сейчас в бухте Провидения. Уголь не будет доставлен. Возможно, будет трудная зимовка. Имеющегося угля не хватит. Возможно, буду жить не в особой теплоте. Но это ничего, наша не пропала и не пропадет! Письмо посылаю с катером, который уходит сейчас в Провидение, увозя пассажиров. Уезжают работники горной экспедиции. Возможно, в эту зиму сюда прилетят самолеты. Пишите мне письма, посылайте через Осоавиахим — Москву или ту организацию, которая будет посылать самолеты. Пишите и на имя летчиков, не стеснясь. Пишите, конечно, существенное, не загромождая лишним. Последнее известие от мамы было в половине июня — телеграмма из Челябинска, прошло 3½ месяца, но я не беспокоюсь. Сейчас много работы на радиостанциях и частные телеграммы, возможно, где-нибудь лежат. Все же два раза в месяц постараюсь сообщать о себе. С января по май уйду в большой рейс по внутренней части Чукотки — Лаврентий — Чаун по обследованию кочевых. В этой части почти никто не был и я буду в первой пятерке, а возможно и впервые. Думаю сделать поездку на оленях, отказавшись от привычного транспорта — собак. Возможно, буду организовывать кино-экспедицию, пишу сценарий.

Пока наилучшего. Николай.

Приложения

Письмо 12.

[л. 20] Бухта Эмма — Провидение Юго-Восточная часть Чукотского полуострова 4 окт[ября] 1931 г.

Это письмо относится одинаково ко всем из моих родных — кто будет его читать. Это письмо последнее, которое я отправлю на материк в этом году. 27-го сент[ября] отправил письмо папе на адрес Переславля. 7-го сентября отправил всем вам много писем. Писем пока за этот год не получил. Почта была вручена здесь в Провидении, и я сам ее отправил на катере в запечатанном виде в Лаврентий. Пароход не пришел в Лаврентий из-за льдов. Мы остались без угля. Сейчас, благодаря хлопотам, пароход вернули, ожидаем его завтра — пойдет в Лаврентий опять. Погода плохая — снег с дождем. В Лаврентии льды. Я еду с обследованием промысла юго-восточной части района. Предстоит известного рода операция — качка на волнах, высадка на берег в прибой, холод, снег — это все мелочи, которые надо снять с дороги, чтобы не помешали. Мы прибыли на катере из Лаврентия 2-го окт[ября]. Шли льдами. Был туман и дождь. Ветер и качка. Ехали: начальник Морзверпромыш[ленной] экспедиции Иван Иванович — биолог — научный работник, штаб-ротмистр в прошедшем, окончил в 1923 г. Военную академию, краснознаменец, простяк человек; т[оварищ] С. — секретарь Окружного комитета партии — окончил Комвуз. Партия послала работать [л. 20 об.] на север, хороший большевик. Травин — турист, идущий вокруг света на велосипеде, прошедший пешком от Мурманска до Уэлена. Тов[арищ] Р. — моторист; чукча Вульхвургин рулевой и, наконец, я — Николай Шнакенбург — «Иван Иванович Банчков», прозванный за умело достанный банчек спирта младшими сотоварищами, оставшимися на базе. В Провидении я узнал новость. Погиб Иванчиков — утонул в реке — перевернутый ветром. Долго не мог уснуть. Он был очень умный человек, но слишком интеллигент. С парохода пошлю телеграмму в Анадырь. Я получил от него письмо в начале сентября. Послал ему тоже. Ну, что же, надо быть твердым, перенести и это. Читал той ночью газеты почти за год. Также надо быть твердым. Рассказывали утром, что я будто бы говорил во сне. За последние месяцы это в первый раз. Сегодня спал спокойно. Все ничего. Я тверд и бодр. Все по-хорошему. Есть так держать на зиму. Вернусь в Лаврентий к 25-му октября. Далее поеду вторично в объезд по этому же району. В январе еду на север до Чауна. Возможно, оттуда по внутренней

части района по «кочующим», на оленях. Использую свой небольшой опыт на севере. Поеду без проводника и европейского продовольствия. Сварю какао-сахар-масло-молоко в виде таблеток. Дальше мясо-оленина. Вероятно, известий не будет до мая-июля.

Письмо 13.

[л. 21] 4-го сентября 1932 З[алив] Лаврентий, Чукотка

Дорогие родные! Этой ночью опять пошли льды. Дует северо-запад. Льды и льды, пароход «Ашинг» на виду во льдах. «Ашинг» везет уголь. За окнами дождь и ветер, в заливе шторм. Все благополучно.

Вчера получил от дяди Сережи телеграмму, благодарю. Ответ на нее посылаю в этом письме. У нас уже поздняя осень. На горах ночью выпадает снег. Иногда бывает солнце. Трава пожелтела. Идут ветра. Весь август в заливе стоял лед. 2-го числа появился первый лед и с той поры почти не выходил из залива. Этот год очень тяжелый, очень ледяной год. 30-го августа возвратился с зимовки с севера пароход «Лейтенант Шмидт». Он побыл у нас немного и ушел на юг, к теплу и солнцу, они стояли с октября по август. Двое навсегда остались в камнях мыса Шелагского. Цинга. На «Колыме» застрелился третий. Зимовало два парохода. В марте было письмо, что третья часть команд болеет цингой, этого никогда еще не бывало. Потом все поправились, лишь осталось трое. У нас также была цинга, болело человек пять, но все обошлось благополучно, никто не умер.

Сел[ение] Яндогай, в 12 км от Лаврентия. Вчера вечером прибыли на вельботах сюда. Отправляемся вглубь залива Мечигмен к оленьим чукчам на осенний обмен. Каждую осень происходит торговый обмен между береговыми и оленьими. Первые везут жир нерпы, ремни, шкуры лахтака (из породы тюленей); оленные дают в обмен оленьё мясо, жилы оленя, олени шкуры. Кооператив выступает с товарами. Я еду с целью изучения и учета этого обмена. Также мы должны провести культурное обслуживание. Перед нами будет тундровый кулак. Пойдем вглубь залива Мечигмена, берега которого еще не на[не]сены на карты. Будет страна оленьих чукчей, еще может быть совсем своеобразная. В 30-м году там поставили Красную Ярангу — пункт торговли — кооператив и школу. Яранга стоит на открытом месте, дуют ветра, кругом горы. Оленеводы стоят километрах в 20–30-ти. В яранге работает мой товарищ Ю. М., с ним вместе живет Миненко, человек прошедший

Приложения

Южную и Северную Америки и наконец бросивший якорь на Чукотке, он переводчик и ездовой на собаках. С ним вместе эскимос Анто, знающий четыре языка, плававший на шхунах в Сеатль. Т[оварищ] Б. будет вести кооперативную работу среди оленеводов. Их четверо, комсомолец и член партии и двое беспартийных. Над Ярангой ветра развевают красный флаг, он виден издалека. В тундре положено [л. 21 об.] начало дела Ленина, но в тундре еще кулаки и шаманы ведут подрывную работу. Кулаки эксплуатируют бедноту. Но очень скоро красный флаг будет развиваться и еще дальше. Организовался колхоз, беднота ушла от кулаков. Это первый колхоз, но будут еще и еще. Зимой доктор многоуважаемый Федор Ефимович вылечил перелом ноги у чукчи. Федор Ефимович этим расположил оленеводов и прослыл «сильным русским шаманом». Юноша был уже приговорен к смерти. Здесь бывает так: когда нет выхода для больного человека, его душат ремнем. На севере это очень принято. А зимой я пересек эту страну оленных чукчей. Мы попали в стойбище, которое еще не видело белых. Когда-то давно там проезжал кто-то из старых хищников торговцев. Нас встретили хорошо. Мы провели выборы Совета, установилась Советская Власть. Потом я выходил на берег моря в места, которых нет на карте. Шли день и ночь, это было в январе в -30° . Запасы вышли, и я питался сырым оленьим мясом, было так холодно, что кусочки мяса приставали к небу. Это был очень тяжелый выход, и на мое счастье не было пурги. Я вышел в бухту Руддера на юге Чукотки. Потом в бухте Преображения вместе с заведующим факторией мы заводили граммофон, слушали фокстроты и голосок mme Ады Джонон. После граммофона, фокстрота и песен Ады Джонсон нам очень хотелось услышать что-нибудь свое родное. За окнами была пурга и мороз. Сейчас вновь откроется страна Чаучуват, над которой уже развевается красный флаг.

Вчера мы шли льдами. Сейчас на море шторм, льды и ветер. Ю. М. уехал дальше. Я задержался, поеду через пару часов в Лаврентий. Это тот же путь, о котором писала Зинаида Рихтер в книге «У белого пятна», у нее есть глава «На шлюпке по океану». Мы делали этот путь, может быть, по десять раз. Каждый из нас делал то, о чем не нашлось бы слов написать Зинаиде Рихтер. [л. 22] Мы смеемся над ней, над ее наивностью, и мы делаем советское дело ничуть не гордясь. Есть люди и льды уйдут. Ночью и сейчас восьмибалловый норд вест, море забито

льдами. Но вельбот должен пройти ибо это советское дело. Будет ветер, качка, брызги осядут горьким морским налетом на губах, на щеках, на лице. У Соколова выпьем чаю, вечером вернусь обратно. Письма сдам Соколову. Пароход стоит во льдах очень близко, но вход в залив забит. Вчера председатель сказал: «Да, я председатель, но что же делать, лед сильнее меня». Но ветер сильнее льда и он угонит льды. Пароход вчера жало льдами, но он не уходит. Врангелевский пароход получил пробоину и дрейфует во льдах, таковы последние новости.

22 июня прилетел Давид Борисыч Красинский на гидро[-самолете]. Они сели в Уэлене. Их цель искать путь во льдах пароходам Колымского рейса. Они уже летали много раз. Этот год очень тяжелый — льды и льды. Сегодня сильный шторм. Льды выгоняет из залива. Угольщик стоит во льдах.

Все хорошо. Я жив и здоров. Письма прошлогодние и этого года получил, от мамы майское письмо. Шло немного письмо, получил [в] половине августа, всего три месяца. Получил на днях телеграмму дяди Сережи. Приеду на будущий год. Обо мне не беспокойтесь, не пропаду. Семья Варенцовых умерла — судьба. Я слишком много видел и у меня черствое сердце — извините, но это правда. Зато я стал крепким просоленным парнем, всегда бодрым и никогда не унывающим. Твердо надеюсь вернуться и увидеть вас. Когда вы получите это письмо, у нас будет зима.

Ваш Николай.

Письмо 14.

[л. 23] 2-го августа 1933 г. С. Уэлен, Чукотка

Дорогие бабушка и мама! Мне хочется, чтобы письмо попало как раз к 1-му октября, дню ваших именин. Это письмо пойдет несколько необычным путем, а именно, по воздуху. Завтра уходит самолет «СССР Н8» под начальством летчика Леваневского. Он возьмет письмо. Они пойдут вдоль всего северо-восточного Сибирского Ледовитого побережья на Колыму, река Лена, по Лене до Иркутска. Об этом полете вы узнаете из газет. Я отослал вам уже два письма, это третье, два пошли пароходом через Владивосток, это пойдет по воздуху через Иркутск. Посмотрите их путь на карте. Самолет прибыл 29-го июля, прямо из Америки (Аляски). Куда они отвозили американца Маттерна, совершавшего кругосветный перелет и разбившего машину под

Приложения

Анадырем. Рассказывали много интересного про Америку. Летчики живут вместе с нами, в одной комнате. Симпатичные ребята. У них просто героический полет. Они летят из Севастополя — вся Сибирь за ними. В Охотском море их застиг шторм и туман. Чуть-чуть не налетели на скалу в тумане. Из Анадыря они вылетали через Берингово море на Аляску. 26-го мы получили радио из Анадыря в Ном (Аляска), где запрашивали о судьбе самолета. Оказывается самолет на обратном пути просидел на каком-то озере 4 дня, спустившись из-за тумана. Читал аляскинские газеты от июля. Много пишут о летчике Маттерне и его кругосветном перелете. Очень интересно. Какое-то большое духовное лицо — американский архиепископ даже молился для ниспослания хорошей погоды во время кругосветного полета американцев. До чего доходят люди! Летчики рассказывали много интересного про Москву и материк вообще. Слишком много интересного, приеду увижу. Пароходы, идущие с Колымы, стоят все еще в тяжелых льдах. Многие ожидают отъезда на этих пароходах. Наша смена еще в пути. Только что выходят из Владивостока. Числу к 25-му будут здесь. Выйдем поздно и приедем осенью. Опять не увижу лета. Здесь лето уже проходит. Ночи темные и холодные. Ношу все еще зимнюю куртку, в ней не холодно и не жарко. Вообще лето. Говорят, сильная жара была в июне в Хабаровске. У нас лежал еще снег в июне. Лаврентий вскрылся только четвертого июля. Эта зима была очень тяжелая — все дома заносило до окон. Бывало и так, что проснешься и в комнате темно, занесло окно. Оденешься, чтобы выйти, смотришь, дверь не открывается. Приходится выходить через чердак. Помню числа 8-го апреля и по 20-е дула такая пурга, что страшно было выходить. Дома заметало и закрывало снегом. Против ветра было трудно идти. В некоторых домах выворачивало трубы (железные). Также и 6-го ноября под праздник было нечто ужасное, ветер валил с ног. Я еле дошел до дома. В общем, конечно, если привыкнуть, то все хорошо. Один из моих товарищей скоро уйдет в тундру для политпросветработы. Он будет отрезан от русских в течение всей зимы до июня. Это несколько хуже, но и то это ему во второй раз. Да, сейчас на море густой туман. Довольно прохладно. Все это ничего. Позади четыре года пург, ветров, мороза и севера. Впереди Хабаровск, Москва и Ленинград. В конце октября надеюсь увидаться. Осталось каких-нибудь три месяца. Привет всем-всем. Николай.

Письмо 15.

[л. 24] Залив Лаврентия, Чукотка. 11 августа 1933 г.

Здравствуйте, тетя Капа! Это уже четвертое к вам письмо, третье было от 2-го, я писал вам из Уэлена. Письмо послано с летчиками самолета «СССР-8». Они прилетели к нам в Уэлен из Америки, куда доставляли Джеймса Маттерна — американца, совершавшего кругосветный перелет. Вы, наверно, знаете эту историю из газет. То письмо полетит надо льдами полярного моря, будет на Врангеле, потом пойдет вниз по Лене на Якутск, на Иркутск. Дойдет до вас, если не разобьется где-нибудь самолет. Мы жили с летчиками в Уэлене в одной комнате. Симпатичные люди! По вечерам мы собирались вместе, и тогда каждый рассказывал веселые истории из своей жизни. Это письмо пойдет на «Сучане», мы ожидаем его и сегодня и завтра. Он зимовал в Чаунской губе. В конце июля иногда радио бросало короткую весть «во льдах, северо-западнее острова Шалаурова», «Сучан» стоял во льдах. Потом какой-то день принес известие о том, что «Сучан» двинулся и прошел десять миль. Пароход ждали в Уэлене с нетерпением. Мои товарищи много дней как уложились. Сейчас пароход вышел из льдов и будет скоро здесь. С ним уйдет это письмо, по расчету вы получите его в конце сентября. В конце концов, это не так уж долго — полтора месяца. Наш пароход идет с юга, где-то у Петропавловска, должен прийти к нам в конце августа. [л. 24 об.] Все благополучно. Хороший год. Льды не придут раньше конца сентября. Тогда я буду уже уходить на юг к теплому солнцу, буду качаться в волнах Тихого океана. Ах, тетя-тетя, мне было дано увидеть многое, и я очень благодарен за это жизни. Мне сейчас 26 лет, здоров, просолен крепко ветром и солнцем. Многие из тех моих сверстников, оставшихся на материке, уже поженились. Я все живу один и мне думается не женюсь. Может быть это и очень плохо.

Сейчас проходит лето. Ночью холодно. Заморозки. Эти дни был сильный шторм. Дело близится к осени. Снег в некоторых местах так и лежит. Лето проходит. Так и не видишь тепла. Говорят, в июне в Хабаровске стояла сильная жара. У нас еще лежал снег. Было холодно. Эту зиму опять заносило выше окон. Проснешься утром, в комнате темно. Наружи пурга. Окно занесено выше верха. Надо откапываться. Такова зима на севере.

Все благополучно, тетя. В ноябре увидимся уже наверняка. В конце июля я получил от вас телеграмму. Я так и не знаю, что с мамой

Приложения

и братьями. За всю зиму это вторая телеграмма от вас. Вы тоже меня считаете уже погибшим, а я жив и здоров. Ведь мы зимой бываем отрезаны от всего. Пурга и пурга! Вы их не видали и не знаете эти чукотские ветра. Увидимся, расскажу.

12-го вечером. Сильный шторм на море. Ветер. Холодно. Давно минули белые ночи. Сейчас темно и холодно так же, как поздней осенью в Москве. Пароход стоит в Дежнев. Скоро будет и у нас. Может быть, придет почта. Кроме этого — все хорошо. Ночью штормом выбросило кавасаки (мелкосидящее моторное судно).

[л. 25] 13-го днем. Сильный шторм. Утром пришел пароход «Охотск». Приехало двое старых знакомых. Рассказывают много интересного об материке. Наш пароход придет дней через 10. Все хорошо, привет всем.

Ваш [подпись]

С «Охотском» есть радио. «Сучан» опять стоит во льдах сейчас между мысом Северный и Ванкаремом. Знакомые места. Низкий песчаный берег. На 200 километров нет жилья и людей. На горизонте горы. Тундра. На море льды. На собаках нужно [ехать] из Ванкарема до Северного три дня. На Ванкареме Георгий, завфакторией и душа человек. Он выезжает на материк. В тех местах мы шли в июне прошлого года, пешком. Об этом расскажу. За остальным хорошо. Nick.

Пароход гудел протяжным гудком и что может быть радостнее пароходного гудка. В прошлом году пароход я видел 3-го сентября. Всего-всего. Скоро поеду и я.

Письмо 16.

[л. 26] 27 октября [1933] «Японское море» п/х «Ан-Шинг».

Дорогая мамочка! Завтра Владивосток, твердая земля! Сзади четыре моря и часть Тихого океана! Пройдено 3200 миль или 5920 километров морем. В дороге всего месяц и 24 дня. В конце концов остается 10 суток поездом или около 9000 километров железной дороги — это не так уже много. Сейчас так радостно и хорошо. На горизонте земля — это приморье. Японское море тихо и спокойно. Весь день было солнце и тепло. Ведь на севере уже зима и холод. Вчера вечером проходили Японию. Остров Хоккайдо, пролив Лаперуза. На берегу было видно много огней — селения залиты электричеством. Навстречу попались три парохода, сегодня — пять, весь день без берегов и лишь далеко

показалась земля. Прекрасная погода. Днем, в час, мы встретили полуразбитую затопленную шхуну со сломанной мачтой. Это японская шхуна. Людей на ней не было. Кто знает, что разыгралось [л. 26 об.] здесь. Ясно одно — шхуна погибла в циклоне, из которого мы вышли благополучно. Все это было три дня назад. Я напомним эти дни. Мы шли Охотским морем — это самое бурное на Дальнем Востоке море. Наш курс лежал на Сахалин. Ночью на 24-е я был разбужен ударами волн. В иллюминатор бились волны. Шторм. Рассветало, я вылез наверх. Громадная зеленая гора воды вдруг поднялась над пароходом. Волна ударилась о борт и рассыпалась на палубе. Пароход упал на бок, вздрогнул, и снова упал на другой бок. Надо было держаться. Горы воды ходили по морю. Каким маленьким казался пароход! Нос зарывается в воду. Вода переливается по палубе. Грохот волн и зловещий вой ветра. Трудно сказать, что было с пассажирами. Стоны и крики. Блуют под себя. Мы лежим на койках и крепко держимся, чтобы не упасть. Летят ящики и чемоданы, падает посуда. Крен. К вечеру утихло. Это был циклон, зародившийся где-то у Шанхая. Ветер достигал 8-ми баллов. Нечто жуткое. [л. 27] Вечером барометр упал опять. Радио приняло сводку о втором циклоне, он шел на нас. Ночью опять загрохотали волны. Страшная качка. Все тело прыгает по койке, надо держаться, чтобы не упасть. Рассвет. По морю ходят водяные горы. Волны на палубе. Крен достигает 38°, а в 45° предел, после чего судно уже не выпрямляется. Мы лежим до обеда. Идем обедать. Надо выждать момент и успеть пробежать, чтобы не захлестнуло волной. Тарелки прыгают по столу. Пароход ложится в дрейф — встает против волн, то взлетает вверх, нос зарывается в воду. Идем на Сахалин, изменив курс. За весь день 25-го проходим 35 миль, тогда как обычный ход 10 миль в час. Ветер достигает 9 баллов. Очень жутко. Вечером из Токио приняли сводку: «тайфун проходит». Ночью ветер утих. Наутро было солнце. Сегодня мы встретили полуразбитую японскую шхуну, да вчера спустили в море [л. 27 об.] труп, одна старушка не выдержала шторма. Таковы бывают на море шторма...

28-го окт[ября], залив Петра Великого Японское море. Дорогая мама! Через четыре часа будем во Владивостоке. Завтра сойдем на берег. Море провожает нас волнением и ветром. Но это уже не циклоны. Вечером будем во Владивостоке.

Я жив и здоров. Чувствую себя прекрасно. Сзади морской путь около 6000 километров, 54 дня плавания. Все хорошо.

Приложения

Я задержусь в Хабаровске. Числа 10-го выеду на Москву. Поеду не иначе как экспрессом.

Итак, до скорого свидания. Николай.

29-го октября высадился благополучно во Владивостоке. Все отлично.

Письмо 17.

[л. 28] Хабаровск. 6-го ноября 1933 года.

Дорогая мама и братья! Я уже в Хабаровске, за спиной 7000 километров. Вчера прибыл сюда экспрессом. Остановился у одного знакомого — доцента — биолога Мединститута. Получил твое и два письма Алексея. Очень благодарю, и счастлив читать о вас. За этот год получил лишь две телеграммы — от февраля и в августе (обе от тети). Зимой послал письмо с фото-карточкой. Получили ли? В этом году посланы: с летчиком Леваневским (СССР-Н-8) от августа, еще от августа, в июле 2 письма. Сейчас должен получить все письма на Москву.

Я жив и здоров. Чувствую себя хорошо. Лишь немного простудился — это бывает всегда. В июне прошлого года я провалился в Северном полярном море под лед, только в один день восемь раз, и то ничего. Приехал во Владивосток, сразу всех нас без исключения забрала простуда, приехали к бактериям, ведь на севере бактерий очень-очень мало или совсем нет. Алексею везу в подарок двустволку 16-го калибра — тульскую — почти новую. Он мало пишет о себе, ну, ничего, приеду — поговорим. Как заехать, прямо ли из Хабаровска или из Москвы в Челябинск — сказать сейчас не могу. Буду в Челябинске обязательно. Я думаю, ты, мама, в эту зиму поживешь у меня. Найду квартиру, и ты приедешь ко мне в Ленинград. В общем, скоро увидимся. О материальном не беспокойтесь, у меня несколько тысяч денег — проживем хорошо. Кроме того, я буду получать стипендию, будет и другой заработок. Сейчас в центрах деньги стали дороги. Одежду, белье тоже доставим в Москве через Комитет Севера, это очень просто.

Рад слышать, что вы все здоровы. Сейчас до встречи остались уже дни. Скоро-скоро увидимся. Дела задерживают меня здесь. Сейчас три дня праздника — учреждения [л. 28 об.] не работают. Числа 10-го мой доклад. Теперь я в числе северных работников и мною интересуются. Был в ряде научных учреждений. Познакомился с Глав[ным] Упр[авлением] Сев[ерного] морск[ого] пути, с уполномоченным по ДВК. Они

оказали мне содействие в покупке билета. Было трудно достать билет, много отъезжающих из Владивостока! Поеду на Москву вероятно в экспрессе. В общем, этот вопрос не решен — куда ехать сначала, зависит не от меня.

Будьте рады, что я счастливо вернулся с севера. Иванч[иков] остался там. Ведь и у меня был ряд моментов, когда мог остаться там навсегда. На днях получил радио из Уэлена — погиб секретарь РИКа, молодой парнишка. Он только приехал в июле. С ним я хорошо знаком. Жаль. Здоровье у меня крепкое. Самочувствие хорошее. Работу я сделал, планы оправдались, доверие Комитета Севера оправдал. Все это досталось ценою больших лишений, но ничего, так что приведу слова Карла Маркса: «К науке ведет не широкая военная дорога, и только тот может рассчитывать достигнуть ее сияющих вершин, кто не страшась карабкается по узким каменистым тропам».

Вот всего. Николай.

Письмо 18.

[л. 29] 4 июня 1935 года.

Дорогая мама! Пишу на вокзале, провожаем товарища. Он едет на мыс Шмидта на пару лет — он метеоролог, мы зимовали в Лаврентии вместе. Как-то жаль провожать человека за 16 тысяч километров! Конечно, мы все надеемся, что он вернется [л. 29 об.]. Очень многие мои знакомые уезжают кто на Диксон, кто куда. По последним нашим известиям на Медвежьих островах белые медведи съели двух наблюдателей. Кого? Там был один мой хороший знакомый. На будущий год, возможно, двинусь и я. [л. 30] Я послал вам открытку в ответ на твою. Пишите мне как дела. Сейчас занимаемся готовим зачет. На днях пойду опять с кухлянкой. Мне давали дешево, я не отдал. [л. 30 об.] Я постараюсь сделать все, что будет возможно от меня.

Привет. Николай.

Письмо 19.

[л. 31] 28-VI-35 г. Тула

Дорогие братья Алексей и Андрей! Только сейчас, когда волнения прошедших дней немного улеглись, я пишу вам письмо. Конечно, очень и очень жаль так рано умершего нашего отца, но что же делать, такова судьба и конец его трудной жизни. Я сдал последний экзамен 21-го ве-

Приложения

чером в восемь часов. В 10 мы уже ехали на вокзал, я думал попасть на экспресс. Билет у меня был взят на 25-ое, я оставил его (из Л[енинграда] очень трудно выехать), постоял в очереди и легко взял билет на «стрелу». Утром был в Москве и в 1:30 посетил папу. Он был уже очень плох и без сознания. В три [часа ночи] он скончался. 25-го утром мы похоронили его на Немецком кладбище, в 44 квартале.

Все это было тяжело для меня, и я проехался в Тулу к Вере, поговорить и побеседовать. Сейчас стало легче.

Осталась у нас теперь мама и наш долг обеспечить ей покойную старость. Мы, конечно, приложим все усилия, чтобы сделать ей жизнь покойной и хорошей. Я не знаю пока, где ей лучше будет жить, как она захочет. Все равно я буду помогать ей деньгами.

Учение свое я закончил — хотя и остался диплом. Я думаю окончить его к осени — в начале зимы. [л. 31 об.] Я, вероятно, поступлю в Академию Наук в аспиранты: т.е. для подготовки к профессуре по истории и экономике Севера. Дело это сейчас разрешается. Надо готовиться, как вернуться, к вступительному экзамену по диалектическому материализму и философии. Эти вещи я прорабатывал и думаю, выдержу. Вот так складываются мои дела, в общем это хорошо. Материально же — стипендия в триста рублей, но и можно подработать.

В сентябре, а возможно и в августе, буду у вас. Может быть, поеду готовиться к вам, сейчас еще сказать трудно. Не думаешь ли ты, Алеша, побывать в Ленинграде? Подумай об этом. Конечно, если у тебя будет путевка, то сначала поезжай в дом отдыха.

Как Андрюша, когда он кончает, где думает устроиться? Он как будто стал хорошо учиться — так и надо. Я думаю ему надо продвигаться в техникум, в какой бы он больше хотел. Напиши.

Как дела с призывом? Жду от вас письма.

Брат ваш Николай

Письмо 20.

[л. 32] 20-06-1936. Ленинград.

Дорогая мама!

Вчера получил твою открытку о приезде в Москву. Конечно, очень рад о твоём выезде: это будет много лучше. Отдыхай, успокойся, поговори с родными. Пусть дядя Коля сходит с тобой погулять. Съезди опять на Москва-реку. Главное не волнуйся и держи себя спокойнее.

Помни, что я тебя приму с радостью. Помни, что моя квартира всегда открыта для тебя. Вообще же ни в какие бараки с Андреем я тебя не пущу. Это совершенно ясно, и не требует никаких добавлений. Андрей не маленький, жить он умеет вполне, проживет и один. Несколько дней ты отдохни, а потом, когда впечатления придут в порядок, напиши мне письмо самое подробное с указанием всего. В свое время, когда Энгельса спросили, «что будет с крестьянством после революции?», он ответил: «дадим ему подумать над своим клочком земли». Так пусть «далекий современник одумается». Наивные представления исчезнут, а потом сам повернет дело. Я в этом уверен.

В конце месяца у меня будет получка, и я тебе пошлю денег. Это тоже не требует особых пояснений.

[л. 32 об.] Так числ[у] к 26-му жду от тебя письма, очень подробного. Мой привет всем. Привет Ек[атерине] Дм[итриевне]. Как живет Марг[арита] Роберт[овна], тетя Оля?

Сын твой Николай

Я сейчас занят срочной работой для С. В. Обручева. Арктический Институт готовит Сборник о полезных ископаемых Арктики. Я редактирую и исправляю географические наименования месторождений по Чукотскому Северу. Это большая работа, требующая большой точности и правильности, так как идет и на иностранных языках. Кроме того, надо еще «облаять» одного писателя, сотворившего «Северные новеллы»: жуткая ерунда вперемежку с наивностью и полярной неграмотностью.

Письмо 21.

[л. 33] 21-го июня 1937 г. Владивосток

Дорогая мама!

Завтра я пошлю тебе телеграмму, а сейчас пишу о своей жизни. Ты, вероятно, беспокоишься за мое столь долгое молчание, но на это были свои причины. Дело в том, что наш отъезд затянулся, и только сейчас стало известно, что мы пойдем на «Сталинграде» числа 28-го. Вероятно, я буду уже в море, когда ты получишь мое письмо. Я вполне здоров и чувствую себя хорошо. Живем в общежитии. Обедаю в столовой, утром и вечером питаемся продуктами экспедиции. Вчера был в Китайском театре. Видели три пьесы в один вечер. Вообще в Китайском театре я уже третий раз. Собираемся теперь в Корейский театр.

Приложения

Вообще пока особых новостей нет, хотя и приходится ходить по учреждениям, и мы не загружены работой.

Если мы выйдем числа 28-го, то 5–6 июля будем в Петр[опавловске], и числа 15-го в бухте Наталии — базе нашей экспедиции. Бухта Наталия мне известна по 33 году, мы стояли здесь пару дней, возвращаясь с Севера. Вероятно, будем и в заливе Корфа, где я был в 1929–1930 гг.

[л. 33 об.] Ближайшее радио от нас будет километрах в 200-х, но и в бухте Наталии есть радио рыбного завода, связанное с радио-станцией в Апуке. Мы будем таким образом связаны с миром, но это не значит, что от меня будет так легка связь. Я часто буду в маршрутах, уходить в горы далеко от побережья. Во всяком случае, постараюсь держать вас в связи с собой.

Радио-станция в Апуке принадлежит Наркомпочтелю и на нее должны принимать телеграммы. Если почему-либо на телеграфе ответят, что такой станции нет, то назовите Олюторка (Алюторка), это одно и то же. Вообще, адрес мой для радио будет таков: «Камчатка Апука мне». Возможно, это место известно также как Усть-Апука. Несколько дальше к северу от нас будет радиостанция Севморпути мыс Наварен. Вполне возможно, что я буду пользоваться и этой станцией. Возьмите карту и найдите восточный берег Камчатки, к северу от залива Корфа будет мыс Олюторский, а севернее его расположены бухты Глубокая, бухта Наталии, Ильпи, Ватына, Майна-Пыльген. Все эти места наших работ. [л. 34] Я твердо уверен, что все будет хорошо, и осенью я снова увижу всех вас. Будучи у вас в Челябинске, я слышал от тебя, дорогая моя, ты говорила, что «я никому не нужна». Я полагаю такие вещи говорить больше не нужно. Мы все поможем тебе как можем. Я со своей стороны делаю все что могу. О тебе и сейчас я думаю много, только ты никогда не считай меня гордым человеком. Мое пребывание у вас было кратким, но я больше не мог и прибыл в положенный мне срок. Мне с трудом удалось сесть в Свердл[овске]. Здесь в экспедиции я держу себя очень строго. Дисциплина у нас поставлена хорошо. Я дал себе слово совсем не брать в рот лишнего. С этим буду и на Камчатке. Народ у нас исключительно хороший и дружный. Нас несколько подвел срок выезда, но это пока не страшно.

Если ты получишь это письмо 1-го, то сейчас же дай телеграмму на Петропавловск, до востребования, мы будем там числа 5–6 июля.

Братьям я напишу письмо перед отъездом.

Сегодня, в день смерти отца, я еще раз прошу тебя помнить всегда, что мы все, и каждый в отдельности, заботимся и будем заботиться о тебе. Пока всего наилучшего. Любящий сын Николай

Письмо 22.

[л. 35] 11-го июля 1937 г. Петропавловск на Камчатке.

Дорогая мама!

Благополучно закончили переход Владивосток — Камчатка. Сегодня в 11 часов утра прибыли в Петропавловскую бухту. Пока стоим на рейде и вскоре подойдем к пристани. Наше 9-суточное плавание по океану закончилось, впереди совсем небольшой переход — 4 суток до места нашей высадки в бухте Глубокой.

Этот переход был довольно спокоен и лишь один раз у берегов Японии подул свежий ветер. Сильно мешали нашему плаванью густые туманы при полном отсутствии видимости. Пароход давал все время гудки во избежание столкновения.

Вчера весь день шли вдоль берегов юга Камчатки. Утром показался легкий туман и воздушные очертания гор. Они вырастали, проявляясь, и превращались в высокие, покрытые снегом сопки. Изумительная красота: ясное голубое небо, тихий океан совершенно спокоен, и громадные вершины гор в снегах. Ночью пароход плыл по гладкой поверхности воды: ветер стих совершенно. Волны, которые разбрасывал нос парохода, переливались зеленым и белым огнем — это было свечение воды. Широкая светящаяся дорога оставалась за пароходом...

[л. 35 об.] Мы были в море девять суток. Вышли из Владивостока в ночь на 3-е июля. Сразу же попали в густой и жуткий туман. Днем 3-го выглянуло солнце, мы шли вдоль берегов Приморья. Навстречу попадались рыбацьи флотилии — Японское море было оживлено. 4-го шли без берегов, держа курс на Японию. Опять был туман и ветер. 5-го проходили японские берега и Сангарским проливом вышли в Тихий океан. Этот пролив находится между двумя японскими островами: Хоккайдо и Хонсю, на севере Японии. Посмотрите на карте мой путь. Мы миновали Охотское море, так как там свирепствовал шторм, а мы вели на буксире небольшое судно «Леваневский». Далее мы шли океаном вдоль Курильских островов четверо суток и почти всегда в тумане. Сейчас остался небольшой переход до бухты Глубокой. Всего я сделаю от Ленинграда до бухты Глубокой около 14 тысяч километров.

Приложения

Расстояние по времени, сейчас у нас 8 часов. Вот таков опять мой далекий путь.

В пути мы принимали радио из Хабаровска, но только нерегулярно и я не знаю, что делается сейчас на белом свете. Зато рассказы заменяли нам последние известия. В частности, сотрудники нашей экспедиции делились своими воспоминаниями из многих путешествий. Наша экспедиция представляет собою всю Арктику. Каждый из сотрудников где-то бывал. Здесь были люди с Кольского полуострова, с Новой Земли, с Земли Франца-Иосифа, с Оби, из Якутии, и, наконец, я, прошедший вдоль и поперек Чукотский полуостров. Каждый из нас рассказывал что-либо интересное...

В Петропавловске я надеюсь получить от вас радио. Конечно, отправлю телеграмму и сам. Сообщаю вам сроки писем. Отправить мне письмо в адрес: Камчатка. Петропавловск. Почта. До востребования не позднее 1 сентября. На Владивосток также отправьте письмо числа 25 сент[ября] и 10 октября — спешное, но не авиа. Спешное идет из Ленинграда 8–10 дн[ей], авиа — дней 20. Я думаю, числа 15 октября мы будем уже на обратном пути.

[л. 36] Мой адрес по радио будет Камчатка Алука мне. Мы будем уходить в горы, и поэтому я буду долго не давать о себе знать.

Как только Алеша поступит в институт, пошлите мне телеграмму.

Писать кончаю. Пожелаем удачи нашему пароходу «Сталинград», которому предстоит сквозной арктический рейс Владивосток — Лондон, Северным морским путем.

Желаю успеха и здоровья всем вам. Андрюше надо учиться. Я прошу его не бросать учебу.

Мне предстоит еще море и белые пятна Коряцкого хребта.

Ваш сын и брат Николай

Письмо 23.

[л. 37] Владивосток, 15 июля 1937.

Дорогая Анна!

Между нами десять тысяч километров, но я вижу тебя все время около себя: я думаю о тебе может быть больше, чем ты о мне. Анна! Я очень и очень тебя люблю и ничего не знаю о тебе за эти полмесяца. Как ты живешь, что делаешь и что думаешь? Два дня тому назад я послал тебе телеграмму в Ленинград, ты вероятно уже ее получила.

Я спрашивал тебя о твоей жизни, ибо неизвестность хуже всего. Анна, почему ты не писала мне письма вслед за мной: я каждый день бываю на почте, но твоих писем нет. Аня! я всем стремлюсь к тебе, я люблю тебя и сейчас так и расцеловал бы, но отложим это до моего возвращения. Как ты думаешь, Анетта! Дорогая и милая Анка, понимаешь ли что значит быть так далеко от тебя! Но ничего, я верю в тебя: пусть эта вера будет крепкой и нерушимой!

Теперь о себе. Мы прибыли в Вл[адивосток] 10го вечером (поздно). Была уже ночь. Мы устроились в одном общежитии [л. 37 об.] и я не спал до самого утра. Много мыслей в ту ночь теснилось в моей голове и очень много я передумал и о тебе. Аня, милая! 12го я был у старых знакомых, а вечером мой приятель повел меня в Китайский театр. Я так жалел, что тебя не было со мной. Конечно, я ничего не понял, но было интересно посмотреть.

Эти дни прошли в делах — незаметно и быстро. У нас еще неясно: когда и на каком пароходе пойдём на Камчатку. Ясно одно, что раньше 26–28-го этого месяца мы не уедем. Здесь так много экспедиций и отъезжающих, что на пароход попасть трудно. Сегодня приезжает наш начальник и вопрос об отъезде быстро уточнится.

Последние два дня тут идет дождь и город потопаёт в грязи. Вообще Вл[адивосток] мне не нравится по сравнению с нашим Ленинградом. О городе я напишу тебе отдельно. Здесь красиво море. Я по вечерам выхожу на высокий берег бухты и долго люблюсь морем, думая, в то же время, о тебе. Вот, Аня, как дела.

С дороги я написал тебе писем пять, получила ли ты их? Если ты получишь это письмо дней через 10, то пошли мне телеграмму на Вл[адивостокский] почтамт [до] востребования мне. Возможно, мы раньше 1 июля¹¹ и не выедем, так пиши спешное письмо, но не авиа: авиапочта здесь идет дольше курьерского поезда. Там где мы работаем есть радио: мы с тобой свяжемся по радио.

[Окончания письма нет.]

Письмо 24.

[л. 38] Здравствуй дорогая Нюся!

Только сейчас немного пришел в себя от круговорота этих двух дней. Вчера не мог написать, не было еще известно достанем ли билет.

---

¹¹ Описка: должно быть «августа».

Приложения

Только недавно достали билет на поезд, который идет в 0 [часов] 5 м[инут], это № 5. Завтра сразу же на заседание в 12 ч[асов]. Надо выдержать и бессонную ночь, не достали спального плацкарта.

Меня командируют до 28-го. Дома достаточно денег. Ты немедленно же выезжай и лучше поездом, который проходит у вас днем. Сразу же по приезде отправляйся к родным. Надо поехать на метро до Сокольников, оттуда на трамвае до конца в Богородске. Адрес Иноземная 29. Дом в садике. Приезжай, я без тебя соскучился, денег найдем, своих не бери.

Сегодня был разговор с членом редакции сборника ИНСа. Он сказал мне, что статья принята и он назначает 400 р[ублей] за лист. За эту же статью я получу еще в Арктическом: продаю им как материал.

Дел в Москве набралось много, но ты приезжай.

Как-то странно сидеть одному в комнате и спать тоже одному. Здесь все на месте. Комнату прибрал, посуду вымыл. Вчера варил суп. Деньги Т. Ю. отдал.

Извини за поспешное письмо. Иду на телефон, привет родным. Нюнечка, я тебя крепко целую! Твой Николай.

21 июля 1938 г.

Письмо 25.

[л. 39] 4 авг[уста] 1938 г.

Здравствуй дорогой брат Андрюша!

Давненько от тебя нет никаких известий, да и от меня к тебе ничего не было. Решил написать и буду ждать ответа от тебя.

31-го я приехал из Москвы, где был в командировке дней 8. Виделся там как с родными, так и с мамой и Леной. Они живут благополучно, только мама все сокрушается о Ленином положении. Дело конечно странное и для меня. Он в разводе, а на самом деле нет. Говорил я с ним, он сердится и считает «дело не ваше». Скажу откровенно, мне его положение не нравится, но мне думается, Леня продолжает жить с своей Н. Я попросил бы тебя написать мне об этом. Конечно я не воображаю, чтобы эта сволочь опять возвратилась к вам. Как только Алексей живет с ней после всего. Я тебя, Андрюша, очень люблю за то также, что ты в жизни больше понимаешь, чем мама и Алеша. Я надеюсь, ты так никогда не попадешься, хотя ты и гуляешь больше его. Смотри только не нарвись на что плохое.

[л. 39 об.] Напишу о себе. Живу с Нюрой хорошо и согласно. Может быть ты приедешь в Ленинград в отпуск, посмотри сам. Билет стоит дорого. Вообще буду рад тебя видеть и поговорить.

Мне передавали, что ты работаешь много, это хорошо. Я знаю, что ты работник хороший, но все же поучиться тоже не мешает, а то твоя квалификация будет стоять на одном месте. Помни это обстоятельство и примись за учебу. Тебе также большое спасибо за поддержку мамы и Алеши. Прибереги деньги и себе. Я опять буду посылать вам по 50 р[ублей], но на имя Алеши. Живите по-хорошему в мире и покое. Напиши мне письмо.

Не думаешь ли ты жениться?

Любящий твой брат.

Завтра я еду с Нюрой домой, где буду в отпуску. Николай

4 авг[уста] 1938 г.

Здесь нет ничего послать тебе в подарок, рубашек нет.

Письмо 26.

[л. 40] утро 3 авг[уста] [1939 г.]

Здравствуй, милая и дорогая Нюрочка!

Большое спасибо тебе за хорошее письмо. Эти дни я просто за-тосковал, лишь сегодня стало легче. После напряженной работы в Москве я впал здесь прямо в апатию, ничего не хотелось делать.

Сегодня решительно действую и прошу отпуска. Директор пришел только 2-го августа (вчера), и поэтому без него я не подавал заявления. Вопрос с моим переводом решат сегодня, и сейчас же дадут отпуск. Я прошу так с 8-го по 23 авг[уста]. 7-го на работу не пойду, а 5-го в 5:40 выеду к вам.

Здесь мне все надоело и я только думаю как попасть к тебе. Доехал я благополучно. Пришел домой в комнату, сразу же меня охватила такая тоска. Увидел я снова постылых людей нашей квартиры и стало противно. Потом пошел на службу. Командировка моя признана удачной и я опять получил благодарность за энергичные действия в Москве.

Дома со мной пытаются заговаривать обе «вдовы». Пришлось отдать деньги 30 р[ублей] В. В кухне грязно и противно. Я не варю суп. [л. 40 об.] Вчера тоже было плохое настроение. Я был в кино один и все вспоминал о тебе. Пришел домой и опять один, лишь в кухне перед глазами мелькает «вдова».

Приложения

Спать лег в 10 ч[асов], а сегодня встал в 5:30 и почитал.

Прислали отношение о зачислении в аспирантуру без отрыва. Экзамена не будет, но занятия начнутся с 15 сент[ября]. Я конечно буду поступать.

Видел Петрова. Юля очень больна, но дети выздоровели. Все что пишешь я захвачу с собой. Не привезти ли капусты или еще чего?

Только и мечтаю о тебе и отдыхе с тобой в Вишере. Милая и дорогая Нюрочка встречай меня вечером 5-го. Очень целую тебя, а 5-го надеюсь встретить и обнять. Твой Николай.

Пиши как получишь.

Письмо 27.

[л. 41] *[Без даты, без места; окончание письма без начала.]*

Дорогая Аня! Я кончаю писать: надо идти на вокзал к поезду. Пиши мне как я тебе сказал. Я надеюсь получить твое письмо в скором времени. На днях, как только прояснится наше положение, я буду писать тебе опять. Дорогой я вырезал из газеты эти стихи и посылаю их тебе: они мне очень нравятся. *[Не сохранились.]*

Ничего, Анка! Все будет хорошо и осенью мы увидимся. Очень и очень целую и еще больше люблю. Я пишу тебе все что думаю и не хочу скрывать от тебя ничего.

Привет Марусе.

Никки

Письмо 28 *[записка]*.

[л. 42] *[Без даты, по содержанию — начало июля 1941 г.]*

Милая и дорогая Нюра!¹²

Нас вызвали на сборный пункт сегодня. Еле успел собраться. Деньги на верхней полке наверху. Милая возьми себя в руки, поезжай в Лигово. Я буду мысленно с тобой. Нас отпустят еще домой. Целую тебя, Милу, береги ее, себя. Любящий вас обоих муж и отец Николай.

---

¹² Записка карандашом, крупным почерком. Вокруг обращения приписки: «Нюрочка милая»; «Прости меня во всем»; «Сегодня же как будет возможность напишу или позвоню завтра утром».

Письмо 29.

[л. 43] 26 авг[уста] 41 г.

Милая и дорогая Ньюра!

Посылаю тебе письмо и поговорю о делах прежде всего. Ни ехать, ни идти в Вишеру сейчас нельзя. Строго тебе запрещаю это делать. При твоей трусости, ты не только не доберешься туда, но и наверняка пропадешь в дороге. Пока ехать или идти в В[ишеру] категорически запрещаю. Надо при[о]бодрится, взять себя в руки и обождать. Мне, не менее тебя, жаль маму, Милочку и всех, но думаюсь [так], они уехали уже куда-либо. Твоя поездка будет сейчас, в данный момент, не нужной. Нам обоим надо беречь себя для дочки и глупостей делать не стоит. 2) Постарайся поступить на службу куда-нибудь это даст тебе возможность более лучшей жизни в материальном отношении. Сходи ко всем знакомым, к Левакову и др[угим] попроси принять на работу. 3) Выкупила ли ты туфли и мои ботинки? 4) Напиши в ж[урнал] Сов[етская] Арктика о том, что они приняли две мои заметки, которые должны быть напечатаны в № 8. Попроси прислать гонорар на твоё имя. Адрес узнаешь в журнале № 4 сзади. 5) Уплатила ли за квартиру, за какой месяц? Помогла ли моя справка? 6) Средний заработок мне, думаю, выдавать не будут, учти это. 7) Посылаю тебе хранившуюся санкур [санаторно-курортную] книжку. 8) Приезжать теперь сюда строго нельзя, будет возможность я постараюсь приехать, будь по вечерам дома всегда.

Очень благодарю тебя за посылку, крепко спасибо, все очень вкусно.

Посылаю кое-что из ненужных вещей, носки.

При первых известиях о наших сообщай мне. Как живут В. П. и Лиля, Коля? Привет им. Я жив-здоров, живу благополучно. Пиши мне чаще. Мне всегда дороги твои письма и открытки, они очень радуют меня. Напиши обо мне маме и братьям. Целую, любящий Николай.

Письмо 30 [записка].

[л. 44] Ньюра отнеси письмо проф[ессору] Андрееву, это рядом с нашим Ин[ститу]том — вход с набережной, во дворе.

Позвони также Мих[аилу] Алекс[андровичу] Сергееву Некр 2-95-30, передай привет, спроси как его здоровье, передай мои наилучшие пожелания, спроси будет ли печататься и когда Сибир[ский] том? Записку Андрееву положи в конверт. Привет. Твой Коля.

Приложения

Ты что-то упоминала о документах, это глупости, выброси из головы.

Письмо 31 [открытка].

[л. 45] 17 авг[уста] 41 г.

Моя милая и дорогая Нюра! Все твои открытки получил, благодарю за внимание. Вопрос твоего отъезда по-моему решать надо так. Если есть твердая гарантия, что вы не поедете по Октябрьской ж-д. Но если они уехали в деревню, то это лучше, пусть едут только в сторону от ж-д. Думаю, сейчас ехать уже очень опасно, лучше не ехать. Пиши мне о себе, Милочке, о маме и др[угих]. Пожелаем всем пережить эти суровые дни благополучно. Твердо надеюсь еще встретиться с тобой, с Милочкой. Я все думаю о вас. Поздравляю с днем рождения ей 2 года. Что бы ни было [нрзб] всегда со мной. Пиши адрес тот же.

Письмо 32 [открытка].

[л. 46] 6-го сент[ября] утром. Дорогая Нюра! После 1-го я не писал тебе. Немного болел желудком, сейчас поправился. Я жив-здоров. Шлю тебе привет. Последняя открытка была от тебя 30-го. Пиши мне чаще. Наверное ты получила все мои письма. Андр[ей] прислал открытку. Всего. Твой Николай

Письмо 33 [открытка].

[л. 47] 7 сент[ября] 41 г. Милая и дорогая!

Два твоих письма я получил, несказанно благодарю. Я жив и здоров, но сильно потрепались нервы. Хорошо, что ты устроилась на работу, это все же будет тебе подспорье. Не расстраивайся, что ты не смогла поехать к маме. Эту невозможность я видел уже давно и все время предостерегал тебя от неверного шага. Сейчас что будет, то будет. Ты мне пиши от каких чисел получаешь открытки. Я послал 6-го вчера, теперь посылаю эту. Всего наилучшего моя милая. Спасибо за письма. Твой любящий Николай

Письмо 34 [записка].

[л. 48] Дана настоящая доверенность жене моей, Степановой Анне Михайловне в том, что ей доверяется получить гонорар из редакции журнала «Советская Арктика», присланный на мое имя. Шнакенбург Николай Борисович, Ленинград

Письма и телеграммы В. Г. Богоразу

Письма¹³

Письмо 1.

[л. 2–2 об.] Петропавловск-Камчатский. 6 октября 1929.

Уважаемый Владимир Германович!

Дела складываются так. Состояние льдов не позволяет пароходу двигаться в Анадырь, но будет попытка пробиться на север. Меня и Ив[анчикова] завозят в бухту Корфа; последняя точка захода парохода будет последней и нашей. Идем до конца. Меня назначили учителем в школу в Тиличихах; есть возможность, что буду работать кочевым учителем; Ив[анчиков?] назначен в Опуку (где еще нет школы). Он поведет организационную работу по школе. Сейчас договариваются (о назначении его организатором и секретарем тузрика¹⁴ южных чаучу); если так, то он проедет из Опуки в Анадырь весной. В противном случае он отправится весной пароходом в Анадырь.

Я же или: 1) с пароходом пробьюсь до Анадыря и уйду вверх по Белой в Рыркайпий; 2) пройду зимой из Тиличихов к Анадырю; 3) останусь в Тиличихах до весны и тогда с колымским рейсом сплыву на Рыркайпию. До декабря буду в Тиличихах. Пришлите в Тиличихи телеграмму, радио работает. Петров остается в школе в Петропавловске. Коровушкин ожидается с Петренко на днях. Мы выехали из-за недостатка мест на разных пароходах. Вероятно их из Петропавловска не выпустят до весны.

14 тысяч километров позади, осталось еще тысячи две, будем их преодолевать, или буду носить имя Вашего ученика, или уйду с Ваших глаз. До Петропавловска ехали в складочном помещении среди канатов, краски и якорей, рядом помещалась свинья, компания веселая.

[подпись]

Письмо 2.

[л. 4] 4 ноября 1929 г.

“Only forward”.

Дорогой учитель!

После полуторамесячных скитаний по морям высадились в бухте Караге. Настроение твердое. Высадились прямо на косу. Какие приключения.

¹³ СП6Ф АРАН. Ф. 250. Оп. 4. № 380.

¹⁴ [Прим. сост.] Туземный районный исполнительный комитет.

Приложения

24 сентября вышли из Владивостока, 3 октября в Петропавловске. Здесь узнали, что пароход в Анадырь не пойдет. Направились в Корф. За Усть-Камчатском приняли радио с приказанием вернуться в Петропавловск и взять там груз и пробиться в Анадырь. 10го вышли опять на Анадырь. 22го вошли в льды. Не дойдя 7 миль до Русской Кошки повернули назад. 4 ноября высадились в Караге, следуем в Тиличики.

Ваш [подпись]

Письмо 3.

[л. 6.] 22 июля 1930 г.

В Ледовитом океане за Камчатской губой 22 июля 1930 г. п/х «Колыма»

Дорогой учитель!

Все же твердо и неуклонно подвигаемся к мысу Северному. В Петропавловске прошел все преграды бюрократии и канцелярщины, сейчас прохожу льды. Здания школы мне не прислали, но есть бумажка от РИКа по которой имею право занимать все свободные помещения. И так с занятия помещения начну работу. Пособия и тетради есть. Школу открою.

Так как Вам вероятно некогда то прошу мои 190 отдать Сергею Ник[олаевичу], он постарается купить мне фото. За остальным затворяюсь на пару лет на Северном; писем не получал, буду тоже молчать. Не пропаду.

Ваш ученик Николай Шнакенбург.

Седьмой день во льдах. Три дня стояли. Рвали лед динамитом, выбрались. Желаю отделению жить хорошо.

Письмо 4.

[л. 7–7 об.] Залив Лаврентий. Культбаза 25 августа 1931 г.

Дорогой Владимир Германович!

Очень благодарен Вам за поддержку. Сейчас все обстоит вполне благополучно. Я краевед чукотской культбазы, выеду скоро в район. Останусь еще на пару лет. Мы еще увидимся! Что ко мне отношение было хамское, то сущая правда. Сейчас многие стараются кое-как это замазать, так как дело повернулось в мою сторону неожиданно-негаданно. От Тевлянто я прямо не ожидал к себе плохого отношения. Не верьте никому, кто обо мне скажет плохое.

Я замерзал и не замерз. Жил один — русский и жил весело и бодро. Вел работу в школе в ликбезе. Факторию бросили. Я открыл торговлю на свой страх и риск. Приехали только 1го марта. Принялись меня ругать за грязь. Я топил нефтью, топлива не было. Говорили мне «вы американскую агитацию разводите», это за похваленную американскую вермишель. «Работы не ведете». На четвертый день завфакторией предложил мне «искать квартиру». К сожалению жилотдела на Северном мысу не было.

Все это было — да было и пусть что хочет говорит Тевлянто. Хер положил я на него с прибором. Извели меня до того, что я еле чувствовал себя. Подробно я все пишу Луксу. Вас же не смею утруждать своим письмом. Уеду в самую глубь района, со стороны Берингова пролива к реке Ванкарема. Твердо уверен в себе и в работе! Считаю, что все-таки телеграмм Ваших достоин и прошу не забывать.

На будущий год вышлите журналов этнографических американских и несколько книг об эскимосах Америки. Прощайте.

Известный Вам Шнакенбург.

[Ниже приписка той же рукой, другими чернилами.]

Очень рекомендую Вам Евгения Николаевича. Он знает много интересного. Будет учиться у Вас. Не откажите вниманием и помогите устроиться на северное отделение пединститута. Он настолько ценен, что помочь ему в учебе необходимо. Для себя просил бы выслать: 1) радио-приемник — конструкции чемодан с полным оборудованием и 2) граммофон — тоже как чемодан, если у нас делают. Деньги сейчас же вышлю. Полагаю, что за два года работы имею право послушать радио. Денег до ебени матери, вышлю.

Ваш Шнакенбург

Письмо 5¹⁵.

[л. 32–32 об.] 15.09.1929 из Владивостока.

[Пишет «перед отъездом на Чукотку» с отчетом о том, что уже успел сделать. Назначен организатором школ мыса Северный (Рыркайний), практически планирует заниматься изучением языка и района Мыс Северный — Чаун. Уезжает 20 сентября из Владивостока в Анадырь на пароходе «Юкагир».]

¹⁵ СП6Ф АРАН. Ф. 250. Оп. 3. № 174.

Приложения

Телеграммы¹⁶

[л. 5–5 об.] Телеграмма 1¹⁷ [копия].

КУПИТЕ ФОТОАППАРАТ РАЗМЕР ШЕСТЬ НА ДЕВЯТЬ СВЕТОСИЛА ЧЕТЫРЕ ПЯТЬ
ДЕСЯТЬ IX ТЧК 10 ДЮЖИН ПЛАСТИНОК РЕАКТИВЫ ВСЕ ПРИБОРЫ МЕШОК
ПЕРЕЗАРЯЖАНИЯ ПЛАСТИНОК ШЛИТЕ МНЕ СЕВЕРНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ
РАСХОДЫ ВЫШЛЮ ОТВЕЧАЙТЕ ПОЛУЧЕНИИ ДЕНЕГ ШНАКЕНБУРГ

[л. 10] Телеграмма 2. Из Теличиков Богоразу и Луксу.
ИМЕЮ РАСПОРЯЖЕНИЕ ВЫЕХАТЬ ПЕТРОПАВЛОВСК СОБАКАХ УСЛОВИЯМ
НЕЛЬЗЯ МАЕ ЕДУ ПЕТРОПАВЛОВСК ОБСЛЕДОВАТЬ КОЛЫМСКИМ РЕЙСОМ
ЧУКОТКУ ИВАНЧИКОМ ХАИМИНЕ АПРЕЛЕ ВЫЕДУ РАЙОН ЛУКСУ
ВАМ ОБРАТИТСЯ БРАТ ЕГО ЖЕЛАНИЕ РАБОТАТЬ ПУШНОМ ДЕЛЕ СЕВЕРЕ
ОКАЖИТЕ СОДЕЙСТВИЕ ОТВЕЧАЙТЕ ШНАКЕНБУРГ

[л. 11] Телеграмма 3. Из Тиличиков.
ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ОТКРЫТИЕ ОСЕНИ КОЧЕВОЙ ШКОЛЫ ЛИКБЕЗА РАЙОНЕ
КОРФА ВОЗМОЖНО ТАКЖЕ ОСВОБОДЯТСЯ МЕСТА УЧИТЕЛЯ КАРАГА КИЧИГА
ВСЕ ШКОЛЫ МЕСТНОМ БЮДЖЕТЕ СРОК РАБОТЫ НЕ МЕНЕЕ ДВУХ ЛЕТ
СООБЩИТЕ КТО ПЕРСОНАЛЬНО ХОЧЕТ ЕХАТЬ АПРЕЛЕ ПАРОХОД СООБЩИТЕ
ВСЕМ ПИШИТЕ ТИЛИЧИКИ ШНАКЕНБУРГ

[л. 12] Телеграмма 4. Из Тиличиков.
[*Просит выслать фотоаппарат и книги.*]

[л. 13] Телеграмма 5. Из Тиличиков.
ДЕНЬ ГОДОВЩИНЫ ОТДЕЛЕНИЯ ШЛЮ ВСЕМ ДАЛЕКИЙ ПРИВЕТ РАБОТАЮ
УЧИТЕЛЕМ ПИОНЕРВОЖАТЫМ ЛИКБЕЗ ВЕДУ КРУЖОК АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
ИЗУЧАЮ КОРЯКСКИЙ ЯЗЫК ПОСТАВИЛИ ПЬЕСУ СМЕРТЬ ЛЕНИНА КОРЯКСКОМ
ЯЗЫКЕ ВЕСНОЙ ВЫЕЗЖАЮ МЫС СЕВЕРНЫЙ ШНАКЕНБУРГ

[л. 14] Телеграмма 6. Из Уэлена.
ПОКА ЕЩЕ НЕ ПОДОХ БУДЕМ ЖИВЫ КАК ЖИВЕТЕ ВЫ ШКОЛУ ОТКРЫЛ
ФОРШТЕЙНОМ СВЯЗИ НЕТ ЖИВУ ХОРОШО СЛЕДЮЮ ВАШИМ ЗАВЕТАМ
ПРИШЛЮ КОЛЛЕКЦИИ ФЕВРАЛЕ ПОЕДУ ЧАУН ШНАКЕНБУРГ

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. № 380.

¹⁷ [Прим. сост.] На оригиналах телеграмм год не ставили, указывали только дату и месяц, и то очень неотчетливо. Определить, когда и откуда они отправлены, удастся только в единичных случаях.

[л. 15] Телеграмма 7. Из Уэлена.

**ЖИВ ЗДОРОВ ОСТАНУСЬ ЕЩЕ ДВА ГОДА ЖЕНИЛСЯ ЧУКЧАНКЕ ТЧК НУЖНА ИЛИ
НЕТ МУЗЕЮ КОЛЛЕКЦИИ ОТВЕЧАЙТЕ УЭЛЕН ШНАКЕНБУРГ**

Письма М. А. Сергееву¹⁸

Письмо 1 [карандаш].

[л. 1] 27 июня 1939 г.

Многоуважаемый Михаил Алексеевич!¹⁹

Разрешаю себе написать Вам. Ваше столь долгое молчание было вызвано, возможно, обидой на меня. Мы были с Вами, уважаемый Михаил Алексеевич, в добрых отношениях целых пять лет. Я благодарен Вам за все хорошее, что Вы делали для меня. Если я виноват в чем-либо, прошу искренне прощения. Я виноват в следующем. Я долго полагал, что Ваш отъезд отразится на подготовке Сборника²⁰. Сейчас я отчетливо вижу, что все дело конечно не в Вас, а в этом Институте²¹, представителем которого я являюсь. В этом моя ошибка и я прошу искреннего извинения. Я настолько физически и морально устал от дел сборника, что только сейчас, после некоторого отдыха, пришел в себя. Я делал и делаю все возможное для того, чтобы толкать вперед дело. Главное не в тех задержках, которые неминуемы, а в самом Институте. Нужно опять буквально десятки дней, чтобы попасть на машинку. Нужны месяцы и неоднократные напоминания Директору, чтобы протолкнуть дело. Пример: поднимали старика Березкина, а теперь ничего не решено, ни да, ни нет. С Василевич до сих пор дело не улажено. Напоминал я, докладные писал бухгалтер и все на одном месте. Сколько раз твердил я о консультации по «соц[иалистическому] строй[ительству]», никак не может Дирекция пригласить кого-либо.

¹⁸ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 1109: Сергеев М. А. Оп. 1122. Д. 1250. Письма Н. Б. Шнакенбурга М. А. Сергееву. 26 л.

¹⁹ Михаил Алексеевич Сергеев (1888–1965) — известный географ, этнограф, писатель. Ответственный редактор тома «Народы Сибири», автор монументального труда «Некапиталистический путь развития малых народов Севера» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 569 с.).

²⁰ Видимо, имеется в виду том «Народы Сибири» многотомного издания «Народы мира», готовившийся в МАЭ до Великой Отечественной войны.

²¹ Институт этнографии АН СССР, Музей антропологии и этнографии (далее везде МАЭ).

Приложения

При полном равнодушии Чернецова²² я эти дни гонялся за учителями, приехавшими с Севера. Удалось поймать лишь одного, и то из Катангского р[айон]а, которого простенографировал Никульшин²³. Сейчас дело плохо с Якутами: ничего из Якутска не шлют. Сегодня отправил телеграмму в Обком партии (Якутск). А ведь достаточно мне позабыть об этом деле, так и не вспомнят. Через три-четыре дня, если не будет ответа, буду писать Кротову. [л. 1 об.] Сегодня пришло известие от Расцветаева²⁴, статью он, конечно, написал, но только сейчас. Мы связались с Магаданом — Музей, кроме того, с одним работником: они пришлют нам материалы в сентябре. Лугов не отвечает на мои запросы. Корякский округ обещает выслать запросы, кроме того, оттуда едет Юшин²⁵, работник Ком[итета] Нов[ого] Алфавита, он везет больше материалов. Для написания III разд[ела] «Нивхи»²⁶ я заключил договор с одним местным работником. Связались с Хабаровским музеем, но те запросили деньги, а денег нет. Более подробную информацию я пришлю Вам, как только Вы сообщите мне ответ, а главное — будете ли Вы здесь на несколько дней?

Скажу о себе. Моя статья «Эскимосы» вышла на 4½ листа, я мобилизовал все что было в силах [найти] в Ленинграде. 29го будут меня обсуждать. Как только Вы напишете мне, так я сейчас же вышлю Вам экземпляр. Сейчас уже перехожу на писание «Коряки», которые в опасном положении, «Чукчи» — пусть обеспечит Мельников²⁷, а я помогу.

²² Валерий Николаевич Чернецов (1905–1970) — этнограф, археолог, специалист по угорским народам, с 1938 года заведующий Кабинетом Сибири (отделом) МАЭ.

²³ Николай Петрович Никульшин (1908–1941) — в 1939–1941 годах старший научный сотрудник Кабинета Сибири МАЭ.

²⁴ Михаил Константинович Расцветаев — специалист по Якутии, участник Якутской экспедиции АН СССР (1927–1928). Автор книги «Очерки по экономике и общественному быту у якутов» (Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 159 с.).

²⁵ А. П. Юшин в 1930-е годы работал учителем на Камчатке. Имя и отчество неизвестны.

²⁶ Все статьи тома должны были иметь раздел («3-й раздел»), посвященный современности — «социалистическому строительству». Поиски авторов этих разделов представляли особую трудность.

²⁷ Григорий Иванович Мельников — лингвист, специалист по чукотскому языку.

Еще раз прошу у Вас глубокого и искреннего прощения уважаемый Михаил Алексеевич! Я настолько устал от Института, что трудно и сказать. Завтра буду отдыхать поблизости [от] Вас в Вишере. Здесь страшная жара и духота.

Геор[гий] Ник[олаевич]²⁸ занят по горло редактированием статей однотомика. Он Вам писал и я лучше не буду прибавлять что-либо от себя.

С приветом [подпись]

Вышла книга Чиповский[?] «О реконструкции[?] хозяйства Анадырского района», хорошая работа, не нужно ли Вам?

Письмо 2 [открытка].

[л. 2 об.] 10 сент[ября] 1939 г.

Здравствуй уважаемый Михаил Алексеевич!

Я не простился с Вами в Ленинграде лишь потому, что вторая половина августа была наиболее тяжелым временем за весь этот год. Я готовился к экзаменам с утра до вечера и в эти же дни моя жена разрешилась девочкой. Я так и метался от книг к больнице и обратно. Сейчас все это улеглось, но усталость не проходит. Экзамен я выдержал и принят наконец в аспирантуру. Дело сейчас в утверждении Президиумом. В. В.²⁹ говорит, и здесь будет благополучно. Я премного благодарен Вам за Вашу поддержку и никогда ее не забуду. Сейчас все силы положу на подготовку в аспирантуре. Это меня известным образом подняло, хотя бы и в своих глазах. Был я в Главсевморпути, предлагал издать брошюру об эскимосах. Редактор ответил, что написано слишком «учено» и не для масс. Дальше начались намеки, что статью можно «обработать» с товарищеской помощью и т.п. Я просто сказал, что «халтурщиков к своей работе не допущу». Вообще люди там странные. Вероятно буду издавать работу в ИНСе. Если все это пройдет, не могли бы Вы принять на себя редактуру моей работы «Эскимосы». Работа вышла более или менее удачной. Я никого бы не желал в редакторы

²⁸ Георгий Николаевич Прокофьев (1897–1942) — этнограф, специалист по народам Западной Сибири, работал вместе с женой Елизаветой Порфирьевной на культбазе в поселке Янов Стан. Погиб в блокаду.

²⁹ Василий Васильевич Струве (1889–1965) — академик, востоковед, в 1937–1940 годах директор Института этнографии АН СССР (МАЭ).

Приложения

кроме Вас. Завтра еду в Ленинград, мой отпуск кончился. Сообщите пожалуйста о времени Вашего приезда в Ленинград.

Уважающий Вас [*подпись*]

Письмо 3 [*открытка*].

[л. 5 об.] 1939.09.25

Дорогой Михаил Алексеевич!

Много и много благодарю Вас за добрые пожелания и поздравления. Благодарю Вас за ответ, на который отвечаю сам не сразу. Судьба опять решила по-иному. Я призван в ряды армии и уже служу. Останусь вообще в Ленинграде. Занимаюсь делопроизводством и домой возвращаюсь пока ежедневно. Дальнейшее будет зависеть от той сложной международной обстановки, в которой живем. Как будто бы призван и Вербов³⁰, Мельников успел окончить 2 раздел своей статьи и сегодня идет на призыв. Никульшин остается. Г. Н. Пр[окофьев] болен. Вообще Ин[ститу]т живет своей тихой жизнью. Что касается нашего тома Сборника, то и здесь как-то все затихло. Новых статей не поступает. Связи с местами нет. На днях (23го) я был вечером в Институте и написал ряд писем и телеграмм, которые пошлю на места и авторам. Самое опасное — это полное молчание Якутска. Я докладывал об это В. В. Стр[уве]. Он обещал обратиться через Президиум. Вообще у меня сложилось впечатление, что дела сборника нашего стоят (получение статей и связь с местами). Я был готов с энергией приняться за дело, но пока это невозможно. Ваши просьбы о газетах выполняю как буду в Ин[титу]те (26го). Еще раз шлю Вам наилучшие пожелания и благодарность. ИНС окончательно перешел в НКпрос [Наркомат просвещения].

Уваж[ающий] Вас [*подпись*]

Письмо 4 [*без начала, на двух сторонах листа*].

[л. 6] 1939.10.10[?]

Мне приходится очень тяжело. Работаю много, пишу «Коряки»; занимаюсь по аспирантской линии, преподаю еще в школе историю и не знаю отдыха.

---

³⁰ Григорий Давыдович Вербов (1909–1942) — этнограф, специалист по ненцам. С 1940 года — доцент филфака ЛГУ (кафедра этнографии). Погиб в июле 1942 года на Ленинградском фронте.

Я просил бы оставить между нами следующее. Я пришел 1 октября на службу из армии. К удивлению своему стал замечать, что Кабинет³¹ меня начал усиленно обходить как секретаря тома. Дошло до того, что всю корреспонденцию стали направлять в Кабинет к Ник[ульшину], который даже не считал нужным поставить меня в известность о той или иной телеграмме. О том, что Лугов уже в Хабаровске, я узнал случайно. О материалах, присланных из Хабаровского музея, я тоже узнал случайно. Мне пришлось поговорить об этом с В. В. и Г. Н. теперь все опять изменилось к лучшему³². Конечно мне было очень обидно, я столько времени и сил отдал тому, завел отношения с местами и вдруг меня начали обходить. Почему, как, из-за чего? А главное Никульшин не послал никуда ни одной бумажки сам и за октябрь. Сейчас дело опять наладилось.

[л. 6 об.] Я могу сказать, что и писал Вам в предыдущем письме, т.е. отдать все силы и довести до конца дело, тем более, что и Ваше имя меня обязывает к этому. А личные обиды преходящи, и мало ли что Кабинет сделал неправильного в отношении меня, я не злопамятный. Но все вышесказанное прошу оставить между нами.

И так доброго здоровья и скорейшего прибытия в Ленинград. Напишите, если найдете возможным, Ваше мнение о статье, которая у Вас. III раздел все же никто не доработал.

С приветом, Ваш [подпись]

Письмо 5.

[л. 7] Здравствуйте, дорогой Михаил Алексеевич!

Много благодарен Вам за открытку и привет, переданный через Ник[олая] Андр[еевича]³³. Моя военная служба окончилась и с 1 октября я вернулся к гражданским занятиям. Службу я проходил в Ленинграде и несколько раз по вечерам бывал в Институте — выполнял те или иные дела по Сибирскому тому. Конечно за мой отпуск организационные дела по Сибирскому тому встали. Вернувшись в Институт, я послал ряд телеграмм и писем, которые дали возможность уяснить

³¹ Кабинет Сибири МАЭ.

³² В. В. Струве и Г. Н. Прокофьев.

³³ Николай Андреевич Кисляков (1901–1973) — этнограф, историк культуры народов Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии, сотрудник МАЭ, секретарь Бюро четырехтомника «Народы СССР».

Приложения

состояние связи с местами и написания авторами статей. Большое беспокойство у меня вызвало продолжительное молчание Якутска. Мы послали в Совнарком очень внушительную телеграмму в начале октября, ответ на которую пришел 8го. Сейчас я могу порадовать Вас. Совнарком ответил, что статья «Якуты» послана и к 20му октября Институт должен [ее] получить. Будем ждать. Конечно, Дирекция думала о Якутии меньше всего. Вообще я могу сказать, что новые проблемы 1940 г. увлекли Дирекцию и о Сборнике вспоминают мало. К сожалению, Г. Н. сильно болен и не может продвинуть те или иные дела в Дирекции. О Бюро³⁴ уже не говорят, но я все же хочу поставить вопрос о его существовании. Н. А. [Кисляков] как-то отошел, Абрамзона³⁵ нет (в отпуске) да впрочем в Институте новые проблемы сейчас.

[л. 7 об.] По сборнику могу сообщить следующее. Приехал Юшин из Кор[якского] округа, который взялся писать III раздел по корякам и ительменам. Статью «Коряки» пишем мы: я и Стебн[ицкий]³⁶. Она будет обеспечена. Из Хабаровского музея пришли интересные материалы по «Удэ» и «Нанай». Ожидаю обещанные материалы по юкагирам и ламутам из Магадана. По ламутам есть и лицо, которое будет писать III раздел. Хороший материал прислал Рыжков по гилякам: статья обеспечена т.о. полностью. Пока еще нет Лугова, и о материалах по чукчам неизвестно. В плохом положении «Сибирские татары», вопрос с этой статьей так и не сдвинулся. Прилагаю краткую сводку, из которой Вы уясните себе положение дел.

Понемногу начинаются занятия в аспирантуре. Мне хотелось бы посоветоваться с Вами о плане и о диссертации, но в письмах сделать это трудно. Здесь тоже Дирекция мало внимательна к нашим планам.

Дирекция оставила меня в должности секретаря Сибирского тома, благосклонно положив мне 50 р. в месяц за секретарство. Так как я все же смотрю на том как на важное и государственное дело, а кроме того

³⁴ В 1938 году в МАЭ было создано специальное Бюро четырехтомника «Народы СССР».

³⁵ Саул Матвеевич (Менделевич) Абрамзон (1905–1977) — этнограф, специалист по киргизам, в 1936–1940 ученый секретарь, с августа 1940 года заместитель директора МАЭ.

³⁶ Сергей Николаевич Стебницкий (1906–1941) — лингвист, этнограф, создатель корякской письменности, организатор первых корякских школ. Погиб на фронте.

оно связано и с Вашим именем, которое я уважаю, то я постараюсь сделать все, что мне поручено в моих пределах и довести с Вами дело до конца. С искренним приветом [*подпись*]

[Следующие 11 страниц дела — письма с октября 1939 до мая 1940 года с «отчетами» Шнакенбурга о состоянии дел по конкретным статьям.]

Письмо 6.

[л. 16] Уважаемый Михаил Алексеевич!

Направляю Вам «Селькупы» и географические[?] «Шория» и «Карагай». По моей просьбе А. Л. внес исправления в географию на листках. Будьте добры сами внести в текст исправления — своей рукой. Н. И. была даже немного обижена, что я считывал ее статьи. География, по мнению А. Л., дана хорошая. Г. Н. [Прокофьев] распорядился пока, очевидно, до конца мая не посылать Вам статьи тома. Один из сотрудников работает над словарем и поэтому статьи ему нужны. Г. Н. об этом напишет сам. Н. Н.³⁷ работает над историей, Н. И. сдает «Хакасы». Хр.³⁸ работает над исправлением. Васильев³⁹ задержал статьи из-за обиды, так как не получил деньги еще до сих пор. Дело улажено. Посылку pošлю числа 13го. Опять не готовы некоторые материалы из-за машинистки. С Кон. я уже виделся⁴⁰. Ваш [*подпись*]. 8 мая 1940 г.

[Дальше еще 5 страниц писем — перечней статей (май-июнь 1940 года) с комментариями о степени их готовности.]

Письмо 7 [*карандаш*].

Уважаемый Михаил Алексеевич!

Очень давно не имею от Вас известий. Получили ли Вы посылку со статьями, лекционным проспектом и др.? Будьте добры подтвердить получение посылки: я сильно обеспокоен.

³⁷ Николай Николаевич Степанов (1905–1981) — историк, этнограф, сотрудник МАЭ, позднее зам. директора МАЭ.

³⁸ Возможно, Валентина Васильевна Храмова (1909–1976) — младший научный сотрудник Кабинета (отдела) Сибири.

³⁹ Видимо, Борис Александрович Васильев (1899–1976) — этнограф, антрополог, знаток культуры народов Дальнего Востока.

⁴⁰ В этом письме многие сокращения расшифровать не удалось.

Приложения

Дела таковы. Статьи тома отпечатаны, вложены в папки и готовы. Том сейчас читает Г. Н. [Прокофьев]. Только что он кончил бурят (вчера) и завтра принесет якутов. Сейчас же отправлю их на места. Хакасы и Ойроты отпечатаны в 2-х копиях, как быть, не знаю. Вообще с перепечаткой я столько намучился, что и трудно сказать. После того как статьи перепечатали (печатали их 8 машинисток) Ин[ститу]т долго не платил деньги. Мне было стыдно встречаться с людьми. С Гриб. расплатились. Вообще сейчас осталось долгов не так много; на днях выплатим 900 р. Бирксофу[?]. Приняли ли Вы его географию? Возникли недоразумения со Степановым. Сейчас все улажено. Работы оказалось много и он попросил дополнительный гонорар. Примите во внимание, что все статьи [л. 21 об.] в исторической справке им просмотрены. Он вычеркнул некоторые абзацы (самые грубые ошибки) в статьях, копии которых — у Вас. Историческую справку в бурятах Н. Н. перередактировал опять. Т.о., 1) он написал заново Историю в статьях: Эвенки, Селькупы, Сиб. татары, почти что заново буряты, еще не сдал эвенов, 2) убрал ошибки в большинстве статей, 3) будет работать над редактурой истории во всех статьях, за исключением написанных им историй у якутов. По мнению Н. Н. история в амурских статьях стоит высоко, но у якутов и ойро-тов лучше. Большая работа предстоит по истории ханты-манси, дол-га, кеты, юкагир⁴¹. Я попрошу его информировать Вас, может быть я был неточен. Большую статью (вводную) он сдал, но она лежит пока — не перепечатана. Мне пришлось найти новых машинисток, и завтра они будут перепечатывать. <...>⁴²

На днях я познакомился с директором кукольного театра, который только что вернулся с Камчатки. Он согласился [л. 22] к осени написать нам материал к 3 разделу Ительмены и Коряки, как то, что у нас не-достаёт. У него же мы приобрели фотографии.

Будьте добры написать мне о предисловии, очевидно в Москву пойдет том без вводных и предисловий?

Относительно фото и карт, поскольку я не веду это дело, писать ничего не буду, обстоятельно о них я не знаю, понаслышке — лучше не писать.

---

⁴¹ Так в тексте.

⁴² Мелкие детали относительно степени готовности отдельных статей.

Я полагал бы закончить дела по секретарству к 1 августа и просить Вас, Г. Н. и Дирекцию освободить меня от этой должности. Дело, которое на меня было возложено — организационная сторона подготовки тома — в основном выполнено. Сейчас наступает второй этап — рецензирование, подготовка к производству, печатание и т.п. Пусть кто-либо другой поработает на моем месте. Я много сил приложил, а главное времени; последние два месяца работаю просто задаром. Ревизор снял и те 75 рублей, которые мне платили. Я не могу входить в Ваш выбор и Г. Н., но со своей стороны рекомендовал бы Вам в качестве секретаря В. В. Антропову⁴³. Она прекрасно [л. 22 об.] справилась с работой по одностороннему, справится и здесь. Конечно, я не смею судить о других, имеющих м.б. у Вас, кандидатурах.

С осени я принимаюсь за подготовку диссертации, и не стоит отвлекаться на другие дела. Диссертация — дело ответственное и большое, а времени остается уже не так много. Все взятые моменты и позволяют мне обратиться к Вам с просьбой освободить меня от секретарства. Дело ведь на этом этапе сделано. А сколько мне, Вы не поверите Михаил Алексеевич, пришлось выслушивать неприятных слов от авторов, от канцелярии, от машинисток. Что касается Ваших неудовольствий мною, то они были большею частью справедливы, меньшею нет. Но Вы настолько много делали для меня хорошего, что я никак не хотел бы, чтобы между нами были какие-нибудь недоразумения и впредь. Со своей стороны я старался, чтобы поддержать Вашу работу как следует. Вы же будете судьей моей работы. [*приписка чернилами*] Однако В. В. просил меня обождать с уходом до осени. Как Вы полагаете?

Разрешите поговорить и о своих делах. [л. 23] 1) Так как стало ясно, что в Учпедгиз «Эскимосов» устроить нельзя, то я предпринял и другие шаги. Изд-во Главсевморпути конкретно предлагает мне издать «Эскимосов». Сейчас у них задумана серия «Народы Крайнего Севера». Редактором назначен А. Иг. Андреев⁴⁴, т.к. уклон гл[авным] обр[азом]

⁴³ Валентина Васильевна Антропова (1909–1976) — этнограф, в 1934–1943 годах младший научный сотрудник МАЭ.

⁴⁴ Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959) — историк, профессор; в это время старший научный сотрудник ИНСа и МАЭ и одновременно Ленинградского отделения Института истории.

Приложения

исторический. Так как мы имеем с Вами словесное согласие о том, что Вы были бы редактором моих «Эскимосов» (в Учпедгизе), то я и просил бы Вас быть редактором и в изд-ве Севморпути. Как это сделать, если Вы не имеете [ничего] против, я пока не знаю, т.к. редактором серии выступает А. Иг. Думаю, может быть Вас устроит редакция и Вас, и А. Иг.? Здесь я решать сам ничего не могу, но в случае Вашего согласия буду говорить в Изд[ательст]ве. Кроме того, я получил телеграмму Дальгиз с предложением прислать «Эскимосов» на просмотр. В этом случае я просил бы Вас прямо взять на себя редакцию очерка. Будьте добры ответить.

Аспирантские дела мои закончены благополучно по моему плану 1 курса. Очевидно я в скором времени уеду на юг в санаторий. [л. 23 об.] Вот таковы мои дела Михаил Алексеевич. В чем виноват перед Вами прошу извинить. Л. И.⁴⁵ мой привет. Всего наилучшего Вам и Л. И. Будьте добры ответить мне в ближайшее, по возможности, время.

Уважающий Вас [подпись]

24 июля 1940 г. Ленинград

Очень прошу Вас прислать мне 2 страницы статьи Нивхи, которые я послал Вам с оригиналом: я не могу прочесть Вашу правку. Их надо вложить в статью. [приписка чернилами] Г. Н. просит Вас прислать историю эвенков, Сиб[ирских] татар, Селькупов, отредактированных Вами.

Письмо 8.

Уважаемый Михаил Алексеевич!

Мне только что переслали открытку, написанную Вами 30 июля. Прежде всего, благодарю Вас за ответ. Я уже думал, что Вы не напишите мне больше ничего. Мой ответ сейчас уже запоздал, но все же:

1) Михаил Алексеевич, я что-то не помню, чтобы Вы просили прислать и авторскую переработку статей: татары, юкагиры и т.п.

2) III раздел Коряков был направлен вместе со статьей. Как мы говорили, он будет вложен заново. Как только я приеду, так сяду за переработку.

3) История: Н. Н. Ст[епанов] написал заново истории к «татарам», «селькупам», «эвенкам», «эвенам». Все они были Вам посланы, а копии

---

⁴⁵ Видимо, жена М. А. Сергеева.

вложены в статьи. «Истории» остальных статей были просмотрены Н. Н. и из них были убраны места, часто строки, как явно ошибочные. Сделано это было в статьях, прошедших окончательную редакцию. Большой переработке подверглась справка в «бурятах». Н. Н. сделал ряд [л. 25 об.] добавлений. Их я послал Вам.

<...>⁴⁶

1) Освобождение мое от секретарства будет сделано как только приеду. Я просил В. В. [Струве] освободить меня с 1 августа, но он просил обождать до осени. Я полагаю, что первый этап работы мною закончен; отчет я напишу. Пусть кто-либо другой, от души желаю, закончит и второй этап, может быть и успешнее первого.

2) Что касается редакции моей работы, то я, с Вашего согласия, буду просить Вас дать на нее рецензию в официальном порядке. И за это будет мое большое спасибо Вам.

3) Архивом пользуйтесь как Вам угодно. Я всегда буду рад достать Вам и другие книги, если Вам будут они нужны.

Итог моего письма один. Я хотел бы только одного, чтобы между нами установились добрые, как раньше отношения, нарушенные [л. 26] по моей вине. Я поправляюсь, медленно набираю силы. Здоровье мое было сильно расшатано за эту зиму. Совсем недавно кончились головные боли, которые мучали меня всю весну и лето. Только сейчас голова прояснилась и я стал спокойно спать. Всего Вам доброго Михаил Алексеевич! Желаю хорошо отдыхать. Читаю Вашу статью об обороне Камчатки. Жаль, что Вы не осветили дела и на Охотском побережье. Об этом ведь публика почти не знает, и в старых журналах тоже об этом говорилось мало. Всего наилучшего. Привет Л. И. Я вернусь к 15 сент[ября]. Ваш [подпись]

---

⁴⁶ Еще один пункт о том же.

СТАТЬИ Н. Б. ШНАКЕНБУРГА

Пути сообщения Чукотского полуострова⁴⁷

Проблема транспорта является одной из центральных и наиболее важных для развития северной экономики в целом. Большие расстояния, вместе с удаленностью от индустриальных центров, накладывают известный отпечаток на хозяйственную деятельность населения районов Севера и на развитие в них культурно-социальных мероприятий.

Успех торгово-снабженческих операций очень часто тормозится ненадежностью транспорта и плохим состоянием путей и средств сообщения, что создает дороговизну перевозок и высокие накладные расходы. Сбыт продукции местной кустарной обработки также часто тормозится транспортом и невозможностью подать ее во-время на внешний рынок. Ценное пушное сырье, имеющее крупное экспортное значение, в большинстве случаев лежит на складах факторий и коопераций до прибытия первого парохода. Медлительность товарного обращения сказывается и на ходе пушно-сырьевых заготовок. Проблема сообщений на севере имеет и крупное политическое значение, приближая отдельные районы к центрам.

Все это еще в большой степени усложняется зависимостью путей и средств сообщения от состояния природы на данное время года. Зависимость связей от жестоких пург зимой не требует пояснений и хорошо известна каждому северному работнику. Время весенней распутицы и бездорожья является не менее серьезным препятствием, чем пурги. Общая отсталость туземного хозяйства, отсутствие механизированных видов транспорта эту зависимость еще более усиливают. Самовведение видов механизированного транспорта возможно лишь при крупном коллективном хозяйстве. Этим самым еще раз подчеркивается, что проблема транспорта тесно связана с общей реконструкцией северного хозяйства в целом.

⁴⁷ [Прим. сост.] Опубликовано: *Arctica* / под ред. В. Ю. Визе, Р. Л. Самойловича; Всесоюзный арктический институт. Л.: Изд-во Главного управления Севморпути, 1935, кн. 3, стр. 163–177.

Для Чукотки проблема путей сообщения усложняется еще рядом взаимодействующих причин. Занимая крайнее северо-восточное положение в Союзе, Чукотка тем самым является самым удаленным от Хабаровска — Владивостока пунктом всего Дальневосточного края. Единственным связующим звеном, кроме радио, здесь является море. Само пользование морем как дешевым средством сообщения для Чукотки ограничивается краткостью срока навигации и трудностями ледового плавания как в северной части Берингова моря, так и в северном Ледовитом море. Вместе с тем больших водных артерий, как в соседней Якутии, на Чукотке нет. Возможность плавания на чукотских реках очень ограничена и большинство из них не судоходны. Таким образом использование дешевых речных путей сообщения для Чукотки почти отпадает. Связь с округом, помимо радио, еще слаба. Внутренние пути сообщения в тундре используются недостаточно.

В основном связь Чукотки с материком и Камчаткой с 1909 г. поддерживается ежегодными пароходными рейсами Владивосток — Уэлен. Северная часть района (к западу от Уэлена) обслуживалась, исключительно для заброски товаров, шхунами и колымскими рейсами (с 1911 г.). В настоящее время фактории Ванкарем, мыс Шмидта (бывший Северный) и Чаун обслуживаются специальным снабженцем, идущим до Колымы. До Уэлена обычно должны совершаться два, так называемых, административных рейса. Третий рейс совершает, независимо от них, пароход «Ительмен» с грузом для кооперации. Особо стоят колымские рейсы, поскольку они прямого отношения к району не имеют и обслуживают Колымский край.

Основным недостатком пароходных сообщений района с материком является несовпадение прихода пароходов с оптимальным состоянием льдов. Если с первым рейсом пароход доходит до залива Лаврентия без опоздания, то приход второго парохода всегда осложняется. В 1930 г. (5 октября) пароход второго рейса дошел лишь до бухты Провидения. Пассажирам, работникам культбазы и РИК'а пришлось здесь высадиться и ожидать зимнего пути. Ценный груз, почта, дом радиостанции и др. были выгружены в бухте Провидения. Дом же Уэленской радиостанции так и не был доставлен на место до лета 1933 г. Это, конечно, отразилось на ее работе, так как станция была вынуждена помещаться в школе, стесняя свою и школьную работу. В 1931 г. пароход первого рейса пришел в залив Лаврентия 26 июля. Море было совсем свободно

Приложения

от льда. Во время второго рейса пароход из-за льдов был вынужден от залива Лаврентия повернуть назад. 28–29 сентября пароход выгрузил в бухте Провидения почту, груз и пассажиров, и они были доставлены в залив Лаврентия на кавасаки. В навигацию 1932 г. плавание было вообще трудным вследствие раннего появления льдов. Первые льды с севера появились в заливе Лаврентия 2 августа и совершенно закрыли вход в залив. Шедший на о-в Врангеля пароход «Совет» также запоздал и, придя в залив Лаврентия 8 августа, был вынужден стоять здесь из-за льдов до 20. Пароход первого рейса, пришедший в залив Лаврентия 14 августа, был вынужден стоять во льдах несколько лишних дней. Пароход второго рейса с грузом угля для культбазы, подойдя к заливу, не смог войти в него и выгрузился лишь 7 сентября. Между тем в навигацию 1932 г. в течение всего июля море было свободно от льда, и проход до Уэлена не представлял затруднений. Позднее прибытие пароходов в Уэлен и несогласованность рейсов с ледовым состоянием моря имели ряд плохих последствий в отношении снабжения района. В 1930 и 1932 гг. снабженец-пароход, вследствие позднего времени, до Уэлена дойти не мог, и товары были выгружены в Дежневе, что создало лишние перевозки на собаках.

Пароходные плавания в Ледовитом море для снабжения Колымского края начались рейсами судов Добровольного флота в 1911 г. Очень часто эти плавания не обходились без зимовок и жертв. Зимовка «Колымы» в 1914–1915 г. проходила в чрезвычайно трудных условиях, причем из состава экипажа погибло четверо. В 1919–1920 г. зимовавший и не дошедший до Нижне-Колымска «Ставрополь» оставил Колыму без снабжения. После гражданской войны регулярные колымские рейсы снова начинаются в 1923 г. В этом году «Ставрополь» успевает вернуться во Владивосток. В 1924 г. этот пароход не доходит до Колымы, выгружает товар, не входя в устье реки, и останавливается на зимовку у острова Шалаурова. Годы 1925–1926 были удачны, и пароход «Колыма» возвращается во Владивосток. В 1927 г. «Колыма» доходит до Лены и проходит обратно во Владивосток. Шедший же в Нижне-Колымск «Ставрополь» останавливается на зимовку у острова Шалаурова, где в следующем году (1928) вынуждена зазимовать и «Колыма». В 1929 г. «Ставрополь» на обратном пути из Колымы останавливается на зимовку у мыса Шмидта. Пассажиры снимаются самолетами; из команды погибают двое. В 1930 г. пароход «Колыма» благополучно совершает путь в Колыму и обратно.

В 1931 г. на севере зимуют два парохода колымского рейса «Шмидт» и «Колыма». В 1932–1933 г. в бухте Чаун становятся на зимовку шедшие в Колыму пароходы Северовосточной экспедиции.

Перед мировой войной американские шхуны делают попытки пройти в богатый пушной Колымский край. Эти мало известные плавания торгово-контрабандных американских шхун дают интересный материал для суждения об условиях плавания у Чукотского побережья. Проход в Колыму на шхуне впервые удается торговцу, капитану Мартину Видинг. Он ходит в Колыму два года и возвращается в Америку. В 1919 г. “Polar Bear” — шхуна, принадлежавшая трем американским торговцам, проходит в Колыму, но задерживается там властями как контрабандное судно. Шхуна «Беллинда» торговца Костелла в том же 1919 г. достигает Колымы в июле, возвращается в Номе (Аляска), грузится и снова приходит в Колыму, но при возвращении вынуждена встать у мыса Якан на зимовку. В этом же году шхуна Свенсена «Бельведер» проходит в начале июля в Ванкарем, где выгружает товар для торгового агента Свенсена — Олсена и возвращается в Номе. После этого «Бельведер» вторично идет на север в с. Тайвунен с грузом для агента Соколовского. В 12 милях от берега, у с. Нешкан, шхуна гибнет, раздавленная льдами. В 1920 г. «Блю-Си» и «Сильвервейфр» — шхуны Свенсена — доходят до Кинманкатагена, выгружают там для агента товар и возвращаются в Америку. В 1921 г. к мысу Шмидта проходит шхуна торговца Короева «Аляска» и возвращается обратно. В 1922 г. на север и в Колыму идут пять шхун: «Блю-Си», «Сильвервейфр», «Чукотка» (Свенсена), «Нигалик» (торговца Волла) и «Игл». Вследствие того, что команда «Игл» находилась в нетрезвом состоянии, шхуна еще на пути туда была раздавлена льдами, не дойдя до мыса Шмидта. Остальные шхуны на обратном пути из Колымы встали на зимовку в устье реки Кувет, за мысом Шмидта. В 1923 г., с приходом на Чукотку Советской власти, плавания американских шхун прекращаются и, по договору с советским правительством, концессию на торговлю на севере получает компания «Гудсон-Бей». Шхуна компании «Шемо» с товарами приходит на мыс Шмидта и возвращается обратно в Америку. В 1926 г. Свенсен, по договору с Дальгосторгом, принимает на себя снабжение северных факторий, и его шхуна «Нанук» идет в Колыму, причем возвращается в Америку без зимовки. В 1927 г. на Колыму проходят и возвращаются две шхуны Свенсена — «Нанук» и «Елизиф». Третья шхуна,

Приложения

«Полярная звезда», остается в Колыме. В 1928 г. «Елизиф» на пути в Колыму был вынужден остановиться у мыса Шмидта на зимовку. В следующем 1929 г. «Елизиф» вместе с подошедшей «Нанук» идет на Колыму, но у мыса Биллингса выкидывается на мель и гибнет. На обратном пути «Нанук» 8 сентября встает у мыса Шмидта на зимовку. В 1930 г. «Кориз» Свенсена снабжает факторию мыса Шмидта (24 июля) и проходит на Колыму. Пройдя мыс Шмидта, 6 сентября «Кориз» возвращается в Америку. В этом же году факторию на Чауне снабжает шхуна АКО «Чукотка» и на обратном пути 6–8 августа выходит в Берингов пролив. В 1931 г. «Чукотка» за Ванкаремом, близ Ангуэмы, терпит аварию во льдах и 1 августа оставляется экипажем.

В употреблении у американцев были небольшие шхуны от 40 до 80 т. Обладая малой осадкой, шхуны обыкновенно шли близ берега в узкой свободной от льдов полосе воды. Они могли заходить в горла лагун, тянувшихся по всему берегу севера, а также в устьях рек. Шхуны имели еще и то большое преимущество, что для них торговой базой служила близкая к сибирскому берегу Аляска. Наличие близкой базы, куда товар доставлялся из Сиатля пароходом, позволяло шхунам обобщиваться иногда два раза, обычно без зимовок.

Вопрос создания товарной базы, откуда снабжение севера вели бы не пароходы, а шхуны, не нов. В 1909–1910 г. он ставился на обсуждение как мера борьбы против американского капитала, теснившего интересы русских торговцев на Чукотке. Такой товарной базой намечалась бухта Провидения, хорошо доступная для пароходов. Этот вопрос в царское время не получил продвижения, и он не снимается еще и сейчас. Для создания товарной базы все преимущества имеет бухта Эмма (часть бухты Провидения). Пароход может подходить здесь почти к самому берегу; широкая прибрежная площадка позволит устроить складочные помещения для товаров. Раннее вскрытие бухты Провидения (в конце июня) и позднее ее замерзание являются также важным фактором. Небольшая шхуна могла бы сначала обслуживать кооперативы юга, а затем и севера, вплоть до Ванкарема. Намечающаяся по пятилетке района организация ряда школ на севере, их снабжение, а также необходимость подвоза товаров в кооперативы на мысе Сердце-Камень и на мысе Джинрентлен [так] говорят за необходимость развития каботажного плавания у северного берега Чукотки. Организация торговой базы в бухте Провидения и обслуживание шхуной северной

части района должны быть включены в задачи пятилетнего строительства и развития путей сообщения Чукотки. Эта мера, конечно, не снимает паромных рейсов. Весьма важным является также своевременный приход паромов на север. Наблюдения метеорологической станции в заливе Лаврентия за три года показывают, что наиболее удобным временем для плавания паромов является июль.

Для развития каботажного плавания будет иметь значение использование мест стоянок — убежищ от штормов и оборудование их опознавательными знаками. В качестве временных убежищ от шторма для мелких судов должны быть учтены следующие: бухта Преображения, устье реки у мыса Имтук, бухта Провидения, бухты в проливе Синявина, горло лагуны у мыса Ныгчиген, бухта Мечигмен, устье реки у селения Илен, бухта у селения Нунымо, залив Лаврентия, лагуна у Поутена. Стоянки мелких судов у Уэлена неудобны, а горло лагуны находится далеко от селения. Далее на северо-запад намечается устье реки Чегитун, куда могут входить небольшие шхуны; удобными местами стоянок являются бухточки у мыса Сердце-Камень и у селения Неттен. Горла лагун на северном побережье также могут служить убежищем от шторма и льдов. Устья рек Ванкарема и Амгуэма допускают проход мелко сидящих судов типа кавасаки. Летом население широко использует для сообщения и торговых поездок море. На вельботах и на байдарках, с мотором и под парусами, население совершает поездки в кооперативы, перевозит груз и пассажиров. На севере на байдарках плавают и в лагунах, большинство которых доступно для мелко сидящей байдары. Лагуны Мечигменской бухты используются для плавания на вельботе от Мечигмен до сел. Лорен. В отношении упорядочения практикующегося местным населением морского транспорта можно наметить дальнейшую моторизацию пловучих средств и устройства мастерских для починки сломавшихся моторов. Эти мероприятия связаны с развитием зверобойного хозяйства в целом, а потому мы на них останавливаться не будем. Байдара, как пловучее средство, приспособленное к чукотским условиям, в частности для плавания во льдах, из обихода, конечно, не исчезнет. Байдара с успехом идет под мотором. Чукчи мыса Шмидта спаривали байдары для перевозки грузов, и пара байдар прекрасно шла под мотором. В ледовых условиях севера байдары, снабженные мотором, имеют все преимущества перед вельботами. Плавание в бухтах совершаются, главным образом, лишь в двух:

Приложения

Колючинской и Мечигменской. Как та, так и другая бухта имеют мели. Плавание в бухте Мечигмен затруднено еще и меняющимся фарватером реки Вутьхер-веем, по которому вельбот проходит с трудом. Для безопасности плавания указанные бухты необходимо промерить и обставить знаками. В настоящее время плавание в бухтах как на байдарках, так и на вельботах совершается береговым населением во время осеннего торгового с кочевыми.

Как было указано выше, плавание по рекам Чукотки весьма ограничено.

Из рек, доступных плаванию на байдарках и вельботах и используемых населением, можно указать (в направлении с юга на север) р. Вутьхер-веем, впадающую в бухту Мечигмен, р. Иони-веем, впадающую в Колючинскую бухту, р. Вельма-Ванкарема и р. Амгуэма. Все эти реки связывают береговое население с тундрой и используются ими для обменных операций с оленными чукчами. Меньшее значение имеют реки Инчеун и Чегитунь. В проливе Сенявина чукчами, для сокращения пути в бухту Провидения, используется река, впадающая в бухту Маркова, причем байдарка переносится на руках через горы и вновь спускается в бухте Провидения. Этим сокращается длиннейший путь вокруг мыса Чаплина. Близ Уэлена используется речка, впадающая в лагуну со стороны Дежнева. Поднимаясь вверх по реке на байдарке, чукчи переносят ее затем на руках и вновь спускают в речку, впадающую в море близ Дежнева. Река Курупка доступна плаванию на байдарке километров на 15. Во время осеннего обмена береговые чукчи проходят вверх по реке, оставляют байдары и сами направляются к оленным пешком. При впадении в море река образует мели и наносы. Река Вутьхер-веем доступна плаванию на вельботе с мотором километров на 15 вверх, но фарватер реки часто меняется, извилист, и плавание на вельботе возможно только с хорошо знающим реку проводником. В нижнем течении, до Красной Яранги, река глубока и нагруженные вельботы свободно достигают этого места. Река Эгиль-веем, текущая на север от Красной Яранги, несудоходна вовсе. Доступны плаванию на вельботе реки Иенын и Кычавунь-ву-ваам (притоки Вутьхер-веема), по которым береговые едут для обмена к стойбищу Гыргольтагена.

Река Иони-веем проходима на байдаре километров на 20. Береговые поднимаются по этой реке вверх для обмена с оленеводами. В устье реки сохранился американский домик, оставленный здесь золотоиска-

телями. Река Амгуэма по своей длине является первой в районе и она больше других судоходна. Байдары доходят по ней до Якканеннота — места слияния ряда речек, т.е. на 60 км вверх по реке. Как речной путь к амгуэмским кочующим, река может быть использована для перевозки товара и грузов.

Сухопутные пути сообщения, которыми пользуется население района, можно подразделить на зимние и летние. Для тундры особо важное значение имеют дороги оленных перекочек, по которым население весной выкочевывает на море. Летние пути сообщения ограничены пешеходными тропами между селениями на берегу, в тундре же сообщение летом пешком почти отсутствует.

В перекочках по тундре надо различать осенние и весенние переходы из тундры на море и обратно. Эту перекочку, с целью промысла корма, совершают ежегодно оленеводы реки Амгуэмы, преимущественно беднота. Середняя часть совершает перекочку из тундры к морю к берегам лагун, в места хороших летних пастбищ. Часть оленеводов Амгуэмы выходит и к Колючинской губе, где летом имеются благоприятные пастбища на северо-западной стороне губы. Оленеводами Мечигменско-Колючинского района весенние перекочки совершаются по реке Иони-веем, причем часть оленеводов остается у тундровых речек и озер для летней ловли рыбы.

Большие и длинные кочевки совершают оленеводы Амгуэмы, выходящие весной к берегам Ледовитого моря. Направления перекочек идут с Амгуэмы на реку Вельмай, к Колючинской бухте (около устья Амгуэмы), на берега лагун между Амгуэмой и мысом Шмидта. Часть оленеводов, выкочевывая из Анадырских хребтов, идет на реку Кувейт за мысом Шмидта. Каждый из этих кочевых путей хорошо известен оленеводам, и кочевка по нему не представляет трудностей. Амгуэмские оленеводы совершают кочевку на р. Белую и на р. Таньюер, впадающие в Анадырь. Этот путь через Верхнюю Амгуэму на Белую мог бы иметь большое значение для связи северной части района с округом. К сожалению он остается мало известным для европейцев.

Для выхода на море амгуэмские оленеводы идут в основном тремя направлениями. Первое направление — это перевал через хребет на истоки реки Телекаль-веема; путь по ней вниз до горы Илирней (остров-гора), откуда дорога кочевков идет на северо-запад по притоку Телекаль-веема; далее невысокий перевал ведет на реку Койвельвег-

Приложения

гыргин, и следующая вниз по ней кочевка заканчивается у береговой лагуны. Второй путь кочевков от Анадырского хребта идет по реке Телекай-веем вниз и продолжается вплоть до места впадения Телекай-веем в Амгуэму. Отсюда кочевка идет долиной реки Амгуэмы и, при выходе реки из гор, направляется к морю, на восток от устья, к возвышенности Иппек.

Третий путь кочевков ведет на побережье, лежащее к востоку от мыса Ванкарема, к мысу Онман и Колючинской губе. Путь начинается также из-за Анадырского хребта с верховья реки Белой и Кунтакаль (верховье реки Таньюрер носит среди оленеводов название Кунтакаль) и через перевал хребта ведет на верховья Амгуэмы — Вульхву-веем. Отсюда кочевка идет по Амгуэме вниз к устью реки Гитьхильвен, вверх по ней, и через перевал на приток Вельмая реку Рыкуль и по Вельмаю к берегу моря. Второй вариант идет через перевал южнее реки Рыкуль и выходит около горы Валанайваам к морю за мысом Онман (восточнее его). Этим путем пользуются оленеводы, выходящие на берега бухты Колючин.

Река Амгуэма также связывается кочевыми дорогами с мысом Шмидта. Выход оленеводов в факторию мыса Шмидта совершается зимой с реки Телекаль-веема на северо-запад, по реке Койвельвеггыргин (пересекая ее) на реку Эму-веем, с нее на Экеатап и по реке Понтаваам на реку Вывитер; дорога выходит к морю восточнее мыса Шмидта. Проходя через Чантальвеггыргин и реку Телекаль-веем, этот же путь ведет осенью оленеводов, уходящих с верховья реки Белой. Верховья Амгуэмы и Телекаль-веема служат также путями кочевков на Чаун. Первый путь ведет к верховьям Белой, и через верховья Пыкарваам дорога направляется на истоки реки Кален-муам, по которой кочующие идут к Чауну. Второй путь, по которому амгуэмские оленеводы проходят на Чаун, лежит через истоки Понта-ваам на р. Кувет и дальше реками Чаунского района.

С верховьев Амгуэмы существует также путь кочевков на реку Таньюрер-Кунтакаль, которым пользуются Чачав и Куна для торговых целей. Непосредственного выхода с верховьев Амгуэмы в бухту Крестов нет. Оленеводы переходят для этого на реку Вельмай и поднимаются вверх по ней до перевала на сторону бухты Крестов. В 1915 г. со стороны бухты Крестов на Ванкарем проезжал на собаках временный начальник Чукотского уезда Диденко. Его путь до берега моря продолжался шесть дней.

Сообщение с Анадырем через Амгуэму вполне возможно и на собаках. Трудность представляет лишь дорога с Ванкарема до начала гор. Часто дующие пурги на берегу моря служат серьезным препятствием для езды. Уже на Амгуэме дорога не представляет затруднений. Сила ветра меньше и чаще попадаются стойбища оленеводов. Сам перевал на Белую невысок и поездка с проводником не будет представлять затруднений. В случае благоприятной погоды путь из Ванкарема на Белую можно совершить на собаках в 10 дней. На сторону Крестов есть также кочевые пути от селения Путепынмын (Колючино), по которым на сторону Крестов уходят осенью оленеводы северозападной стороны Колючинской губы. Второй большой путь кочевков, ведущий от Колючинской губы на юг, идет по реке Ени-веем. Ответвляясь на сторону бухты Мечигмен, этот путь приводит через невысокий перевал к рекам системы Вутьхыр-веема. К бухте Руддера дорога перекочевков от Ини-веем идет по ее притоку, реке Кайнытырель-ваам, и через невысокий перевал на реку Тымкынэй-веем, от нее перекочевка идет на реку Иру-веем и на сторону бухты Крестов. Все реки Мечигмена — Колючинского района служат хорошими путями сообщения кочевых стойбищ с берегом. Береговое население пользуется ими для поездок к оленеводам за мясом и шкурами оленей.

Среди важных тундровых дорог на юге необходимо указать реки: Якаем-ваам, Эттувенву-веем, реку Куй-веем и реку Курупку. Первая — удобная дорога, связывающая селения Беринг и Валькатлен с кочующими Еони-веем. По реке Эттувенву-веем чукчи мыса Беринга совершают поездки к кочующим. По этой же реке существует дорога с перевалом на Иони-веем и в Красную Ярангу. Бухта Преображение связывается дорогой через речку Куй-веем и ее притоками с Красной Ярангой и отсюда с Уэленом. По реке Курупке, с перевалом на Еони-веем, селения юга также связываются с Уэленом. По притоку Курупки — Валькар-вааму существует дорога на бухту Пинкигней, с выходом в селения пролива Сенявина. Через Янракеннот-ваам идет путь к Еони-веем; ответвляясь на Кычавунву-ваам, дорога приводит к Красной Яранге. Таким образом, все южные селения района связываются с тундрой внутренними путями сообщения. Использование этих путей сообщения важно для связи с селениями района и для советской работы в тундре. Точно так же северная часть района (мыс Сердце-Камень — Уэлен) связывается с тундрой. Население Пешкана Тепкана зимою

Приложения

на собаках направляется к оленеводам р. Иони-веем, следуя на юг от моря тундрой. Река Эгель-веем ведет к Колючинской бухте, по ней идет сообщение между кочевыми Мечигмена и Колючина. По реке Кууску-веем дорога ведет через перевал на реку Чегитунь, тем самым связывая оленеводов Мечигмена с селениями Чечан-Чегитунь. Эта же река дает выход на море к селению Инчунн. От Уэлена существует дорога на северо-запад к озеру Коловутьхин; пересекая реки Инчунн-Чегитунь этот путь выводит к Колючинской губе. Им пользуются оленеводы восточного района для связи. Залив Лаврентия (культбаза) имеет возможность кратчайше связываться с мысом Сердце-Камень через р. Мамку, откуда идет перевал к реке Чегитунь, выходящей к морю. Этот путь от залива Лаврентия продолжается на собаках два дня с одной ночевкой в тундре.

Таким образом все населенные пункты района связываются между собой дорогами. В пятилетке должен стоять вопрос использования существующих тундровых путей и их оборудования дорожными вехами, как это делается на Камчатке. В некоторых пунктах также явится необходимость постройки дорожных домов, хотя бы из камня и земли.

Сообщение между береговыми селениями производится по берегу лишь в некоторых местах, обычный же путь отклоняется в горы. От Уэлена до Ванкарема зимний путь на собаках идет по морю и по берегу, пересекая Колючинскую губу. Этот путь не представляет особых препятствий, но затрудняющими моментами здесь являются пурги и отсутствие корма. Дорога на юг от Уэлена идет через Культбазу морем или в горах, и от нее путь отправляется на селение Ларен-Ныгчиган-Янракинат, близ острова Аракамчечен, и далее на Секлюк и мыс Чаплина. Дорога на Провидение минует мыс Чаплина и от горы Котлиной пересекает 12-километровый перешеек, отделяющий пролив Сенявина от бухты Маркова. Следуя в глубину бухты, дорога ведет через перевал прямо в бухту Эмма и от нее ответвляется на Кивак-Авань. Далее к Сиреникам дорога идет через горы, следует по реке, впадающей около Сиреники в море, и горами выходит на реку Курупка. Пересекая ее, дорога минует большое озеро Атчен и, опять следуя через горы, оканчивается в бухте Преображения — конечном пункте Чукотского района. Несмотря на удобное береговое сообщение, состояние дорог по морю и по берегу оставляет желать лучшего. Часто торосы и неровности льда заставляют делать объезды, нередко ломаются нарты. Еще

ужаснее дорога у селения Беринга; и здесь, подходя к селению, путь вьется по наклонной к морю плоскости. Пассажиры сходят с нарт, груз переносится на плечах. Выезжающие на помощь чукчи, надевая на ноги железные скребки для устойчивости, придерживают ремнями нарты и собак. В продолжение этой части пути пассажир каждую минуту рискует слететь вниз в незамерзающее под обрывом море. Здесь в 1921 г. погибли, упав в море, четверо чукчей и нарта собак. Их трупы были найдены лишь летом.

Способ сообщения на собаках в чукотских условиях незаменим, и поэтому необходимы мероприятия к его улучшению. Конечно, это не снимает вопроса о [в]ведении механизированных видов транспорта. Аэросани в чукотских условиях применимы. Здесь основным препятствием будут снежные заструги и высокие подъемы. Подъемов на береговых дорогах от Уэлена до Ванкарема и до мыса Чаплина нет, участок между мысом Сердце-Камень с Ванкаремом для аэросаней особенно удобен. Использование аэросаней вполне возможно и по речкам в тундре. Было бы целесообразно поставить вопрос о создании моторных саней типа, недавно появившегося на Аляске.

Оленьим транспортом сейчас пользуется исключительно местное население. Грузоподъемность оленя не велика и тесно зависит от его состояния. В начале зимы пара оленей на легковых нартах может поднять около 70–75 кг и человека. Груз при этом накладывается на вторую нарту, прикрепляемую сзади. К весне, когда олени становятся худы, пара оленей с трудом везет на расстоянии 30 км одного человека. У оленеводов олень служит для всякого рода переездов и перекочевков. Запрягаются для дальних поездок и по три оленя в нарту. Обычный зимний переезд на оленях равняется 40–45 км. Чукотский олень не является транспортным оленем в полном смысле этого слова. Количество перевозимого при кочевках груза на одного оленя не превышает 50 кг. Сама кочевка идет медленно и с остановками. Оленья ездовая нарта для передвижения мало удобна. Грузовая нарта также не позволяет погрузки более установленной нормы. Для улучшения оленьего транспорта надо иметь в виду увеличение и укрупнение ездово-грузового оленя и создание большегрузной нарты.

Возможность воздушных путей сообщения на Чукотке была доказана первыми полетами на остров Врангеля в 1927 г. с мыса Шмидта, полетом «Советского севера» в 1928 г., полетами вдоль берегов Чукотки на

Приложения

Колыму в 1929 г., полетами американских и советских летчиков зимою 1930 г. и летними экспедициями проф. С. В. Обручева в 1932–1933 гг. Восточно-сибирская экспедиция Гражданского воздушного флота под начальством И. А. Ландина, пройдя в 1931 г. на кавасаки вдоль берега от Уэлена до Колымы, обследовала его в отношении мест для посадок.

Таким образом, общие выводы и основные мероприятия по пяти-летнему плану развития путей сообщения и транспорта Чукотского района представляются в следующем виде.

Морские пути сообщения и морской транспорт

1. Изменение календарных сроков существующих рейсов в смысле более раннего прибытия пароходов.
2. Постройка товароперегрузочной базы в бухте Провидения.
3. Развитие каботажного плавания.
4. Моторизация местных пловучих средств.
5. Гидрографические работы, расширение метеорологических и ледовых наблюдений, установка опознавательных знаков.
6. Оборудование механическими приспособлениями мест выгрузки товаров.

Сухопутный транспорт

1. Использование внутренних путей сообщения и оборудование их домами и вешками.
2. Использование дорог оленных перекочек для связи с округом.
3. Улучшение состояния береговых путей сообщения.
4. Подбор ездовых собак.
5. Ввоз строительного нартового материала.
6. Введение аэросаней.
7. Использование оленьего транспорта.

Воздушные пути сообщения

1. Скорейшее открытие воздушной линии.
2. Организация обслуживания воздушной линии (метеорологические и радио станции).

Эта сумма мероприятий потребует соответственно капитальных затрат и капиталовложений. Разрешение трудностей роста района требует признания скорейшего выполнения стоящих задач⁴⁸.

⁴⁸ *Примеч. редакции.* В части плана развития путей сообщения Чукотского полуострова настоящая статья, поступившая в редакцию в начале 1934 г., несколько устарела.

MEANS OF COMMUNICATION ON CHUKCHEE PENINSULA

BY N. SCHNACKENBURG

SUMMARY

One of the most important problems for the development of the northern economics is that of means of communication and transport in the North. This problem is still more complicated for Chukchee Land, this peninsula being the most remote spot from any regional centre of the Far-East. The sea is up to the present time the only link uniting these centres with Chukchee Peninsula. However the navigation on the Chukchee Sea is very difficult too and the navigation-season lasts but from two to three months.

The communication by steamships is very deficient; there is no adjustment between the arrival of the steamers and the ice conditions. It often happens that a vessel arrives at a late season in Chukchee Land, when the ice is already forming in Laurence Bay.

The communication with the Kolyma River, maintained by yearly steamer-voyages, without powerful icebreakers is also very difficult. Vessels, on their return journey to Vladivostok, are often compelled to winter on their route.

The voyages of the American trade-schooners, coasting the polar shores in carrying goods to their agents (previous to 1922–1933) were comparatively successful. The question of coasting navigation is of great importance: for the development and the providing of Chukchee Land.

The ways of communication the rivers of the Peninsula are limited and are used only by the local population. The rivers bear a tundra character and abound in sandbanks; navigation on them is possible only in whaling boats and canoes.

The ways of communication on land are divided into winter and summer ones; they are used by the local population. Of the means of communication in the tundra must be mentioned: the road from the Polar coast to the Anadyr River, over the mountain range; the route from Koliuchinsky Bay, along the Yeniveem River to the south of the peninsula, and branching off to Mechigmen Bay and the settlements on Bering Strait. The Laurence Bay has the advantage of communicating with Cape Sertse-Kamen by crossing the Rivers Mamka and Chegитun. Besides, there are used, in the summer, foot-paths between the settlements.

Нымыланы-кэрэки⁴⁹

1

На морских картах дореволюционного времени часть азиатского материка, прилегающая к северу Камчатского полуострова, называлась «Землей коряков», а соответствующее ей побережье Берингова моря — «Корякским берегом»⁵⁰.

Эта неисследованная в прошлом территория, входящая ныне в Олюторский и Анадырский районы Корякского и Чукотского национальных округов, оставалась к началу второй пятилетки еще мало изученной⁵¹.

После работ Северотихоокеанской экспедиции Джексона (1900–1901 гг.), изучавшей также и этнографию коряков бассейна р. Пенжины и западного берега Камчатки, В. И. Иохельсон выделил побережье между мысом Олюторским и мысом Барыкова, назвав его «землей кэрэков» по имени обитавшего здесь приморского оседлого населения. Понятия «земля кэрэков» и «корякский берег» в общем совпадали, условно обозначая собой побережье Берингова моря от мыса Олюторского до начала Анадырского залива.

Интерес научных исследователей, главным образом мореплавателей, во второй половине XVIII — начале XIX вв. к вновь приобретенным Россией на северо-востоке Азии владениям сосредоточивался в основном на п-ове Камчатке (порт, близость Японии, связь с центрами через Охотск) и на Крайнем Севере — Берингов пролив и Чукотский полуостров (один из путей в так называемую русскую Америку). В силу этих причин «земля кэрэков», оставаясь в стороне от главной водной магистрали, делается известной гораздо позднее. Отдельные же гидрографические описи, происходившие здесь в XVIII и первой половине XIX века, делались мореплавателями случайно,

⁴⁹ [Прим. сост.] Опубликовано: «Советский Север», 1939, № 3, стр. 85–104. Далее в статье все сноски авторские.

⁵⁰ Например, карта № 691, Восточный океан, Часть Северного Ледовитого океана и северная часть Берингова моря. Составлена в 1907 г. по разным картам. Ряд изданий.

⁵¹ М. А. Сергеев, Корякский национальный округ, изд-е Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера при ЦИК СССР, Труды по экономике, т. I, Л., 1934, стр. 126.

лишь по пути в воды дальнего северо-востока Азии и Российско-американских владений⁵².

Что касается сухопутных сообщений, то дорога завоевателей Камчатки в конце XVII — первой половине XVIII вв. шла из Анадырской крепости бассейном р. Пенжины, минуя «землю кэрэков». Окончательное оставление Анадырска правительственными войсками (1770 г.), воинственность чукоч, сосредоточение внимания камчатской администрации на «замирении камчатских бунтов» надолго задерживают проникновение в «землю кэрэков» со стороны суши.

Начавшееся около середины прошлого столетия плавание иностранцев-китобоев и связанное с ним сторожевое крейсерство военных судов позволили расширить гидрографические исследования берегов Камчатки.

Летом 1876 г. Онацевичем на клипере «Всадник» были произведены съемки: «а) Олюторского залива, между мысами Говенский и Олюторский на протяжении 150 миль, б) корякского берега от мыса Фаддея до мыса Наварина на протяжении 42 миль»⁵³. Все побережье южнее мыса Наварин до мыса Олюторского оставалось неописанным, и А. А. Ресин, плававший здесь вместе со шкипером Геком на китобойно-торговой шхуне «Сибирь» (1885 г.) был вынужден отметить: «карт берегов до самого Чукотского полуострова нет, и мы каждую минуту рисковали наткнуться на какой-нибудь подводный камень»⁵⁴. Плавание шхуны «Сибирь» имело большое значение. Шкипер Гек «впервые осмотрел корякский берег Сибири»⁵⁵, открыв неизвестные до этого бухты, названные им: Глубокая, св. Наталии, св. Анастасии.

Работы судов Гидрографической экспедиции Восточного океана в 90-х и первом десятилетии 900-х гг.⁵⁶ были сосредоточены в основном южнее Олюторского залива, и отдельные описи берегов к северу [от]

⁵² Подробно об этом см. Л. С. Берг, Открытия русских в Тихом океане (Тихий океан. Русские научные исследования. Изд. Академии наук СССР, Л., 1926), стр. 1–24, с библиографией и картой.

⁵³ Белов, Плансон и Клыков, Краткий исторический очерк гидрографии русских морей, ч. II, Восточный океан, СПб., 1899, стр. 69.

⁵⁴ А. А. Ресин, Очерк инородцев русского побережья Тихого океана, «Изв. Р.Г.О.», т. XXIV, в. I, СПб., 1888, стр. 151.

⁵⁵ Белов и др., *op. cit.*, стр. 87.

⁵⁶ Работы экспедиции производились с перерывами.

Приложения

последнего не носили планомерного характера, хотя экспедицией и была открыта в 1906 г. новая бухта (Дежнева). Также случайно, по пути на север, были произведены съемка и опись бухты Наталии судами гидрографической экспедиции Ледовитого океана в 1910 г.⁵⁷

Подводя итоги дореволюционных картографических работ в северной части Тихого океана, В. В. Ахматов указывает, что «исключение составляют берега Берингова моря к северу от острова Карагинского, где еще много мест ждут гидрографических исследований»⁵⁸.

Действительно, существовавшие до революции гидрографические карты «коряцкого берега» оставляли желать лучшего. Целые части линии побережья изображались пунктиром⁵⁹.

Планомерная съемка и опись побережья между мысом Олюторским и мысом Наварим были произведены лишь в начале первой пятилетки Отдельным гидрографическим отрядом Дальнего Востока. В 1930 г. им было охвачено съемкой побережье от мыса Олюторского до бухты Глубокой; в следующем же году работы были продолжены до Анадырского лимана. В 1932–1933 гг. отряд провел съемку вплоть до селения Уэлен, расположенного на берегу Чукотского моря. По указанию К. Сидорова, «работами отряда за этот период произведена сплошная съемка от мыса Олюторского до мыса Уэлен, являющаяся единственным основным картографическим материалом для изображения береговой полосы на картах»⁶⁰. На основании работ Отдельного гидрографиче-

⁵⁷ Карта № 794, Восточный океан и Берингово море, Залив Наталии с бухтами Петра и Павла, составлено в 1911 г. по судовой описи Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана 1910 г. в составе транспортов «Таймыр» и «Вайгач», печатана в 1934 г.

⁵⁸ В. В. Ахматов, Картография (Тихий океан. Русские научные исследования), стр. 35. Там же, см. карты и библиографию.

⁵⁹ Например, карта № 1427, Восточный океан, Берингово море с северо-восточным берегом Азии, между мысами Олюторским и Чукотским, издана Главным гидрографическим управлением Морского министерства, печатана в 1915 г. Берег южнее мыса Наварин до бухты Дежнева показан пунктиром. См. также карту № 691 Восточный океан, часть Северного Ледовитого океана и северная часть Берингова моря, то же издание, печатана в 1917 г., переиздана с коррективами в 1932 г. Южнее мыса Наварин надпись: «не обследованный берег».

⁶⁰ К. Сидоров, Топографическая изученность Советской Арктики, «Труды Аркт. инст.», т. LXX, Геодезия, Л., 1936, стр. 129.

ского отряда Дальнего Востока, давшего столь важные результаты и для описываемого побережья, были изданы современные навигационные карты⁶¹ этой части Берингова моря.

Почти неизвестной была территория вглубь от побережья, расположенная между мысом Олюторским и мысом Наварим. Как говорит В. И. Иохельсон: «...перед посещением Джебуповской экспедиции ни один белый человек не проникал внутрь кэрэкской территории. С юга же русские сталкивались с кэрэками поселков Кавачат и Ильпи... Богораз был первым (1901 г.), приехавшим на собаках по морскому побережью и посетившим все поселки кэрэков»⁶².

В дореволюционное время как представители администрации, так и торговцы лишь изредка появлялись в кэрэксских селениях. Экспедиции же, работавшие по исследованию Камчатки, не посещали описываемой территории, и все, что лежало вглубь от побережья, оставалось на картах белым пятном. Сведения о кэрэках и их хозяйстве дала отчасти приполярная перепись 1926–1927 гг., но полностью поселки кэрэков посещены переписчиками не были. Маршрут переписчика юго-восточной части Анадырского района захватил кэрэков селений: «Майна-Пыльгин, мыс Наварин, Кэниут-Ама-Угольная»⁶³. Группа кэрэксских селений, находившихся в то время в составе Карагинского района Камчатского округа, была переписана заочно⁶⁴. Летом 1932 г. по пути в Чукотский национальный округ над «землю кэрэков» пролетала экспедиция Арктического института под начальством С. В. Обручева. В новом орографическом строении северо-востока Азии, явившемся результатом работ Чукотской летной экспедиции (1932–1933 гг.),

⁶¹ Ряд изданий с последующими коррективами. Последние см.: карта № 1408, Тихий океан, От мыса Олюторского до мыса Рубикон, издание УМСРККА, печатана в 1936 г. Карта № 1409, Тихий океан, От мыса Низкий до мыса Беринга; то же издание, печатана в 1937 г. Карта № 1167, Тихий океан, От острова Карагинского до Анадырского лимана; то же издание, печатана в 1937 г.

⁶² W. Iochelson, *The Korjak* (Publications of the Jesup North Pacific Expedition, vol. VI, part 2), pp. 439–440. Здесь и в дальнейшем перевод автора.

⁶³ Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края 1926/27 г., изд. Дальневосточного краевого статистического управления, Благовещенск, 1929, предисловие, стр. XIV.

⁶⁴ Там же, стр. XVIII.

Приложения

С. В. Обручев выделил «большую горную страну, идущую вдоль побережья Берингова моря от бухты Корфа до мыса Наварина и Гинтера»⁶⁵, назвав ее Коряцким хребтом.

Таким образом, согласно научному определению С. В. Обручева под «землею кэрэков» В. И. Иохельсона следует понимать территорию между восточным склоном Коряцкого хребта и морским побережьем от мыса Олюторского на юге до мыса Наварин на севере.

В 1932–1934 гг. рассматриваемую территорию охватила своей работой землеустроительная экспедиция Дальневосточного Государственного земельного треста, в ведомственных отчетах которой, оставшихся неопубликованными, приводятся данные о хозяйстве также и кэрэков⁶⁶.

В марте 1934 г. вдоль побережья из селения Анука на селение Анадырь пролетало звено самолетов Героя Советского Союза Н. Каманина, следовавших для спасения челюскинцев.

Один из летчиков звена Б. Пивенштейн подробно описал трудности героического перелета над Коряцким хребтом в зимних условиях⁶⁷.

Краткий очерк истории исследования «земли кэрэков» наглядно показывает состояние изученности территории между мысами Олюторским и Наварин. По существу сравнительно исследованной являлась лишь линия берега. Орография страны вглубь от побережья стала известной в общих чертах лишь благодаря Чукотской летной экспедиции С. В. Обручева⁶⁸ и картографическим данным земле-

⁶⁵ С. В. Обручев и К. Салищев, Чукотская летная экспедиция 1932–1933 гг., вып. II, «Труды Аркт. инст.», т. LIV, Л., 1936, стр. 44.

⁶⁶ Отряды экспедиции работали и в районе Олюторки — Апуки до границ с Чукотским округом. См. служебные отчеты: 1) о морском зверобойном промысле северной части Коряцкого национального округа, 2) об охотничьем промысле и 3) о собаководстве. Во второй части отчета авторы дают список промысловых млекопитающих и птиц и делают перечень охотничьих угодий Пенжинского и Олюторского районов. См. А. А. Емельянов, Очерк исследования наземных животных Д. В., «Вестник Дальневосточного Филиала Академии наук СССР», № 27, Дальгиз, Владивосток, 1937, стр. 21.

⁶⁷ Б. Пивенштейн, Путь в Уэллен, [Хабаровск:] Дальгиз, 1936.

⁶⁸ К. Салищев, Предварительная карта Чукотско-Анадырского края, Чукотская летная экспедиция 1932–1933 гг., вып. I, издание Арктического инст., Л., 1934; также вып. II (см. выше), стр. 44–58, Орографическое описание Коряцкого хребта. См. там же, К. Салищев, Объяснительная записка

устроительной экспедиции, оставшимся, к сожалению, неопубликованными.

Весной 1937 г. Арктический институт снарядил специальную экспедицию, целью которой являлись геологическая съемка и поиски полезных ископаемых на территории Корякского хребта к северу от бухты Глубокой, избранной опорным пунктом и базой экспедиции. Всего вместе с обслуживающим персоналом в экспедиции участвовало 17 человек. Автор принимал участие в экспедиции в качестве переводчика. Так как в план работы входило геологическое обследование береговой линии, то институтом было дано два морских вельбота с рульмоторами. Для передвижения на суше, перевозки снаряжений и продуктов было приобретено в Бурят-Монгольской АССР 12 лошадей, приспособленных затем к вьюкам. Первая партия из 12 человек со снаряжением и вельботами вышла из Владивостока на п/х «Сталинград» 1-го и прибыла в бухту Глубокую 17 июля. Через 14 дней п/х «Красный Партизан» была доставлена в Глубокую и вторая партия вместе с лошадьми.

По прибытии первой партии сейчас же были развернуты геологические работы по обследованию побережья к югу и северу от бухты Глубокой. Ввиду порчи мотора двигаясь на веслах и под парусом, первый отряд прошел на вельботе до мыса Витгенштейна, южнее бухты Глубокой. Второй отряд на моторном вельботе обследовал берег до бухты Анастасии. С прибытием лошадей экспедиция была разделена на три отряда, вышедших вскоре по заданным маршрутам.

Задачей первого отряда являлись съемка и геологическое изучение бассейнов рр. Айынувая и Ватыны. Второй отряд с той же целью был направлен в бассейн рр. Ильпырвая и Укилят. В работу третьего отряда входило астрономическое обоснование для карт и геологическое обследование территории от р. Укилят до мыса Рубикон. За летне-осенний период заданный план работы был успешно окончен. Все отряды благополучно возвратились на базу, откуда и были взяты на борт п/х «Кузнецкстрой» 14–15 октября 1937 г.⁶⁹

к карте Анадырского края, стр. 27–40, где между прочим указываются частично и картографические работы предыдущих экспедиций в северной части Корякского национального округа.

⁶⁹ И. Г. Николаев, Предварительные результаты геологических работ Корякской экспедиции 1937 г., «Проблемы Арктики», 1938, № 3, стр. 99–106.

Приложения

Автор посетил кэрэкские селения в бухте Анастасии и на оз. Мимыльгытгын, где и собрал некоторые сведения о численности населения, его хозяйстве и языке. Отчетливо сознавая, что эти сведения не являются исчерпывающими, автор все же решился на их опубликование, полагая, что они могут послужить отправным материалом для последующих исследовательских работ.

2

Почти вся линия берега от мыса Витгенштейна и до мыса Рубикон представляет собою высокие обрывистые скалы⁷⁰. Широкими выемками вдаются в побережье бухты: Глубокая (с ответвлением — бухтой Имагрой), Наталии, Анастасии и Дежнева. К северу от последней места впадения в море рр. Ямлаваям, Малаваям, Аннуваям и Хатшиваям являются лагунами с низменным берегом⁷¹. Территория между берегом моря и собственно хребтом — это возвышенная горная страна с труднодоступным рельефом и с отдельными вершинами до 2000 м высоты (верхове р. Ильпырваям). От центральной оси хребта по направлению к морю отходят отдельные отроги, в долинах которых протекают реки. Наиболее крупными из них являются: Ватына (около 65 км), впадает в бухту Наталии, Ильпырваям (около 100 км), впадает в бухту Анастасии, и Укилят (около 120 км), впадает в бухту Дежнева.

Из больших озер следует отметить оз. Коллан и оз. Мимыльгытгын, расположенные в прибрежной полосе между бухтами Наталии и Анастасии. Третье большое озеро — Таваннуван — находится на северной стороне бухты Дежнева. Повсеместно в низовьях рек встречаются озерки небольшого размера. В горах по р. Укилят экспедицией были встречены озера ледникового происхождения, но также небольшого размера. Несмотря на более южное, по сравнению с полярными широ-

⁷⁰ Описание берега от мыса Олюторского до мыса Наварин см. у С. де Ливрона и М. Клыкова, Лоция северо-западной части Восточного океана, часть IV, Берингово море и пролив Беринга, издание Главного гидрографического управления Морского министерства, СПб., 1909, стр. 155–164.

⁷¹ Здесь и везде мы даем транскрипцию принятого у местного населения названия рек. Данная транскрипция не сходится с названием рек на морских картах. Так, р. Ямлаваям совершенно не обозначена. Река Малаваям и Аннуваям названы: первая «р. Хатына (Опуха)» и вторая «р. Отуха», что совершенно ошибочно. Более правильно дано название р. Хатинваям, на морских картах «р. Хатинваем (Рубикон)». См. карту № 1167.

тами, местоположение исследованной территории (60° и 62° сев. широты, 171° и 174° восточной долготы), климатические условия за время работ экспедиции были довольно суровы. В день нашего прибытия (17 июля) на горах бухты Глубокой и Иматры еще лежал снег, который местами (по северным склонам гор) держался все лето вплоть до образования на вершинах новой снеговой линии. Мощные пласты снега были встречены сотрудниками экспедиции на горных перевалах и в ущельях. Первое снегообразование на вершинах гор и бухте Анастасии наблюдалось мною 3 сентября. В это же время начались и ночные заморозки и забереги на р. Ильпырваям. В начале октября чувствовалось уже резкое понижение температуры, а в ночь на 15 октября вельботы экспедиции с трудом пробились через лед бухты Иматры, растаявший, однако, днем.

Как особенность климатических условий для бухт Глубокой и Иматры следует отметить большое количество дней (25) в августе с туманами и осадками. Дни сплошной облачности, впрочем, наблюдались и в июле и во второй половине сентября. В долинах, а в особенности в низовьях рек и по склонам гор описываемого побережья произрастает пышная луговая растительность. Травы близ устья р. Ватыны доходят до высоты человеческого роста. Точно такую же травяную растительность, служившую хорошим кормом для лошадей, встречали отряды экспедиции и по другим рекам. Повсеместно можно наблюдать заросли, главным образом, ольхи и ивняка; кедровый сланец покрывает склоны гор и образует местами целые скопления. В бухте Иматра растет рябина.

Промысловые животные вод, омывающих побережье, представлены китами, тихоокеанским моржом и тюленями. Организованный промысел китов регулярно ведет флотилия «Алеут», но киты и моржи не служат объектом промысла местного населения. В конце XIX в. население побережья еще занималось охотой на моржа, но запасы его были подорваны хищнической деятельностью иностранцев-китобоев, и к 900-м годам промысел упал окончательно. Подтверждением некогда существовавшего здесь моржового промысла, помимо рассказов стариков, служат жертвенные места в бухте Анастасии, представляющие собою скопление полусгнивших моржовых черепов. Все же иногда в водах побережья можно отметить случаи появления моржей. Так, 6 июля 1936 г. рыбаки промыслов в бухте Наталии заметили у входа

Приложения

в бухту Анастасии стадо моржей, лежавших па прибрежных камнях. По определению рыбаков стадо насчитывало около 200 моржей (?). В этих же числах лежка в 10–15 моржей была замечена на берегу о. Иоанна Богослова, расположенного у входа в бухту Наталии. В том же году моржи спускались южнее, доходя до зал. Корфа, где на одном из рыболовных участков группа моржей попала в ставной невод: 9 моржей при этом было застрелено. Летом 1936 г. около о. Иоанна Богослова вновь было замечено несколько моржей, быстро, впрочем, удалившихся в северном направлении берега. Лежку сивучей можно отметить в двух местах: на берегу моря между мысом Витгенштейна и бухточкой Амаян, расположенной к югу от мыса, и на прибрежных камнях близ бухты Глубокой севернее последней. Наиболее значительная лежка в первом пункте, при посещении которого, 24 июля, сотрудники экспедиции насчитывали около 150 сивучей, лежавших тесными рядами. Лежка сивучей на прибрежных камнях близ бухты Глубокой держится уже в течение последних пяти лет, причем сивучи регулярно появляются здесь лишь в сентябре, покидая камни в первой половине октября. В данном пункте лежка небольшая (10–20 сивучей), но постоянная.

Пестрая нерпа, служащая объектом регулярного промысла местного населения, постоянно держится летом в бухтах и в устьях рек. Во время хода тихоокеанского лосося (24–26 июля) мы наблюдали в бухте Иматра 20–25 голов пестрой нерпы, плававших по бухте. Реже встречаются серая нерпа и крылатка. Встречается также и морской заяц-лахтак, но редко. В описываемом районе изредка (приходя на льдах зимой с севера) появляется и белый медведь. Зимой 1936 г. близ сел. Апука, расположенного на берегу Олюторского залива, на суше были убиты местными жителями два белых медведя.

Промысловая фауна суши представлена следующими животными. Соболь водится по рр. Кукакойнын (правом притоке р. Ичанваям), Ильпырваям, Ватыне и в бухте Глубокой. По-видимому, р. Ильпырваям и бухта Анастасии служат северной границей распространения соболя. Никто из местных жителей не мог сказать о распространении соболя на р. Укилят. В настоящее время на соболиную охоту наложен запрет.

Лисица красная встречается повсеместно, их особенно много на р. Малаваям. Песец промышляется в незначительном количестве повсеместно, но в описываемом районе песец не норится. Бурый медведь

встречался сотрудниками экспедиции в бассейнах рр. Ватыны, Иччанваям и Ильпырваям. Росомаха есть на рр. Ильпырваям, Иччанваям и Укиляат. В верховьях тех же рек водится выдра. Небольшие колонии тарбаганов (3–5 особей) наблюдались мною в скалах и каменных осыпях на правой стороне бухты Иматра и близ оз. Мимыльгытгын. В присутствии одного из сотрудников экспедиции на р. Малаваям был принесен в стойбище оленеводами тарбаган, попавшийся в капкан. Кроме указанных мест, тарбаган встречается по рр. Ватыне и Ильпырваям. В большом количестве повсеместно распространен полярный суслик-еврашка. По сообщению жителей, волк редок: он то появляется, то исчезает. Повсеместно водится горностай. 12 и 17 сентября горностай был замечен в лагере экспедиции (бухта Иматра). В обоих случаях горностай был совершенно белый⁷². Два-три раза в августе и сентябре сотрудники экспедиции наблюдали в лагере близ палаток небольшого зверька, размером 15–20 см, с дымчатой спинкой, беловатым брюшком и хвостиком. По-видимому, это была ласка. В данном районе встречается также и заяц, но сравнительно редко. В 1934–1935 гг. охотником Юкававом были добыты в горах близ оз. Мимыльгытгын 15 горных баранов. Кроме оз. Мимыльгытгын, бараны в единичных случаях встречаются в бассейнах рр. Ватыны, Ильпырваям, Иччанваям и Укиляат. Дикий олень в настоящее время не встречается.

На морском побережье, на озерах и по рекам водятся многочисленные пернатые. Мыс Витгенштейна и о. Иоанна Богослова представляют собой настоящие птичьи базары. На мысе Витгенштейна сотрудники экспедиции наблюдали бакланов и кайр, на о. Иоанна Богослова — кайр, бакланов, топорков. Повсеместно на побережье распространены чистики, чернеть, серая утка, крохаль, чернозобые и краснозобые гагары, гага-гребенушка и кулики. В бухте Анастасии и в низовьях р. Малаваям встречается много серых гусей. Пролет журавлей над бухтой Иматрой наблюдался 22 августа. Из сухопутных

⁷² Один из рыбаков в бухте Наталии сообщил мне следующий факт. В зиму 1935/36 г. горностай жил под полом дома зимовщиков. Между 14–20 мая они наблюдали, как самка горностая перетаскивала в зубах своих детенышей на гору. При появлении людей самка уронила детеныша и скрылась; пока зимовщики отыскивали палку, чтобы убить горностая, самка вернулась и унесла детеныша.

Приложения

зимующих птиц следует указать ворона, белого кречета, кедровку, полярную куропатку, которые распространены повсеместно.

Прибрежные воды богаты проходными рыбами, главным образом видами тихоокеанского лосося — горбуша, мальма (голец), реже кета красная, которые ловятся рыбаками промыслов бухты Наталии и местным населением. Кроме тихоокеанского лосося, в море ловится и треска. В тундровых озерах водится хариус и чир. В водопаде близ устья реки, впадающей в бухту Иматру, сотрудники экспедиции ловили форель.

По сравнению, например, с Чукотским полуостровом, животный и пернатый мир описываемого района в количественном отношении все же довольно беден. Как берег моря, за исключением немногих мест, так и бассейны рек, не говоря уже о горах, поражают своей безжизненностью. Основным сырьевым ресурсом и неиссякаемым богатством района является рыба.

3

Первые научные сведения о кэрэках, позволяющие составить некоторое представление о них, мы находим в монографии В. И. Иохельсона «Коряки».

Кэрэки не были посещены лично В. И. Иохельсоном, и, говоря о них, он пользовался данными В. Г. Богораза, другого участника Северотихоокеанской экспедиции Джексона⁷³. По авторитетному мнению обоих исследователей, кэрэки не являются особым племенем, отличным от приморских коряков. Согласно указанию В. И. Иохельсона: «северо-восточная часть коряков, кэрэки, держатся в стороне от русского влия-

⁷³ В монографии The Koryak (Publications of the Jesup North Pacific Expedition, vol. VI, part 2) В. И. Иохельсон дает лишь отрывочные сведения о кэрэках; из них наиболее важны: стр. 384, 406, 474 — этническая принадлежность; стр. 406, 411 — расселение; стр. 439, 440 — начало сношений кэрэков с русскими в конце XIX в.; стр. 440 — названия поселков и количество в них жителей; стр. 441 — смешения кэрэков и коряков переписью 1897 г.; стр. 445 — «кэрэки не были обложены ясаком»; стр. 453 — «среди кэрэков мы еще находим 25 человек в одном жилище»; стр. 461 — отличия землянок кэрэков от землянок приморских коряков; стр. 466–467 — «поселки приморских коряков... также и кэрэков часто состоят лишь из одного жилища»; стр. 474 — о связи кэрэков с чукчами; стр. 648, 660 — искусство и резьба из моржовой кости; см. также соответствующие страницы по указателю.

ния и до сих пор весьма мало известны»⁷⁴. Много лет спустя В. И. Иохельсон вновь подтвердил свою точку зрения⁷⁵. Также и по свидетельству В. Г. Богораза «восточную часть приморских коряков, живущих на тихоокеанском побережье от мыса Ананнон (мыс Ананнон — корякское название мыса Олюторского) до мыса Барыкова, называют кэрэки»⁷⁶. С. Патканов после разработки материалов переписи 1897 г. присоединился к вышеприведенным мнениям⁷⁷. Позднее, в своем «Списке народностей Сибири», он совершенно не упоминает о кэрэках, подсчитывая их в общем количестве коряков⁷⁸. Однако некоторые авторы еще во второй половине прошлого столетия высказывали о кэрэках несколько отличные мнения. Так, Долл совершенно неосновательно причислил их к эскимосам⁷⁹. А. А. Ресин, называя кэрэков чукмариами, усматривал в них «народ сродный как тем, так и другим, вероятно происшедший от браков между коряками и чукчами»⁸⁰.

Г. Дьячков видел в кэрэках племя, которое «занимает середину между чукчами и коряками», «по образу жизни» близко к чукчам и отличается от последних «только языком»⁸¹. Н. Гондатти считал кэрэков отдельным «народом», язык которого «непонятен ни чукчам, ни ламутам, ни даже корякам», высказав, однако, предположение, что «кереки» представляют собой одну из народностей корякского племени, например, олюторцев⁸².

⁷⁴ The Korjak, стр. 381.

⁷⁵ W. Jochelson, Peoples of Asiatic Russia (The American Museum of Natural History, 1928), p. 47.

⁷⁶ W. Bogoras, The Chukchee (Publications of the North Pacific Expedition, vol. VII, part 1), p. 19.

⁷⁷ С. Патканов, Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, «Записки Р. Г. О.» по отделению статистики, т. XI, вып. I, СПб., 1912, стр. 117.

⁷⁸ С. Патканов, Список народностей Сибири, Труды комиссии по изучению племенного состава, № 7, Академия наук, П[г.,] 1923, стр. 9.

⁷⁹ The Chukchee, p. 11.

⁸⁰ А. А. Ресин, Очерк инородцев русского побережья Тихого океана, «Изв. Р.Г.О.», т. XXIV, вып. I, СПб., 1888, стр. 156.

⁸¹ Г. Дьячков, Анадырский край. Рукопись жителя сел. Маркова, «Записки Общества изучения Амурского края», т. II, Владивосток, 1893, стр. 51.

⁸² Н. Гондатти, Состав населения Анадырской округи, «Записки Приамурского отделения Р.Г.О.», т. III, вып. I, Хабаровск, 1897, стр. 177.

Приложения

Последующие указания В. И. Иохельсона и В. Г. Богораза внесли необходимую ясность в определение этнической принадлежности кэрэков, но вопрос не был выяснен ими окончательно, и название «кэрэки» продолжало существовать по-прежнему, обозначая северо-восточную группу приморских коряков. Так, в «Списке народностей Союза», составленном под редакцией И. И. Зарубина, «северная часть приморских коряков, живущая по побережью Берингова моря, выделяется под именем кереков»⁸³. Руководители приполярной переписи 1926/27 г. по Дальнему Востоку в этом отношении пошли еще дальше, показав в изданных материалах, наряду с оседлыми приморскими коряками, кэрэков как отдельную народность⁸⁴.

Привлекая новый фактический материал, мы ставим задачу подтвердить прежние указания В. И. Иохельсона и вместе с тем показать, что название «кэрэки» должно быть заменено самоназванием, общим для корякской народности, принятым как ее официальное название — нымыланы.

Все местное население прибрежной территории к северу от бухты Глубокой и до р. Хатинваям разделяется на приморскую оседлую часть кэрэков, придерживаясь терминологии В. И. Иохельсона, и оленеводов-чукоч. Постоянно проживающих здесь коряков оленеводов — чавчу-венов нет, и зимой бассейны рр. Ватыны, Ильпырваям и Укиляат необитаемы. Отсутствие населения на этих реках зимой объясняется глубоким снегом, из-за которого олени не могут доставать себе корма. В начале лета на богатые летние пастбища рр. Ватыны, Ильпырваям выходят с западной стороны хребта для промысла рыбы коряки-чавчу-вены. Сюда же ежегодно прикочевывает стадо Пенжинского оленсовхоза, уходящее обратно на запад в первой половине августа. По р. Малаваям от устья до среднего течения кочует группа чукоч, недавно перешедшая сюда из бассейна р. Хатырки. В двух пунктах побережья расположены, кроме того, рыбо-крабоконсервный завод в бухте Наталии и государственный рыболовный участок в устье р. Малаваям, с сезонным, ежегодно приезжающим из Владивостока населением. В общем

⁸³ Издательство Академии наук СССР, Л., 1927, стр. 40.

⁸⁴ Список населенных мест по районам, охваченным в Дальневосточном крае приполярной переписью 1926/27 г., Хабаровск — Благовещенск, 1928, стр. 3, 7, 9, 10, 14. Приложение к «Итогам переписи северных окраин Дальневосточного края (1926/27 г.)», Благовещенск, 1929.

местное население рассматриваемой территории на протяжении от бухты Глубокой до р. Хатинваям, на площади около 14 тыс. кв. км, довольно малочисленно⁸⁵. Это наглядно подтверждает помещенная ниже таблица 1, в которой дано расположение населенных пунктов на сентябрь 1937 года. В таблицу не вошли два-три хозяйства чавчувенов, уже откочевавших в это время за хребет.

Таблица 1

Местонахождение населенного пункта	Характер пункта	Состав населения	Всего хозяйств	Общее количество населения	Примечание
Сел. Ватына в бухте Наталии	Рыбо-завод	—	—	—	Сезонное население, на зиму остается группа охраны 10–15 чел.
Сел. Мимылгыттын, на озере того же названия	Оседлый	Кэрэки Чукчи	3	14	На зиму население расходуется
Сел. Ильпи в бухте Анастасия	“	Кэрэки Чукчи	5	29	
По р. Ямлаваям	Кочевой	Чукчи	2	12	
Сел. Малан в устье р. Малаваям	Оседлый	Кэрэки Чукчи	8	40	
По р. Малаваям	Кочевой	Чукчи	15	90	
Близ устья р. Малаваям	Рыболов-ный участок	—	—	—	Сезонное население
			33	185 чел.	

⁸⁵ В административном отношении население описываемого района распределяется между Чукотским и Корякским округами, причем селения, включая бухту Дежнева и бассейн р. Укилат, входят в состав Олюторского района Корякского национального округа. К северу от бухты Дежнева начинается Анадырский район, и население р. Малаваям входит уже в Чукотский национальный округ.

Приложения

Малочисленность населения побережья отметил уже А. А. Ресин. «Чем дальше продвигались мы на север, тем реже становились селения, и за мысом Олюторским лишь изредка попадались отдельные юрты»⁸⁶, но «от мыса Наварин далее к северу селения стали встречаться чаще: это были по преимуществу оленные, кочующие инородцы»⁸⁷.

Бухта Глубокая необитаема совершенно. Отсутствие селения здесь находит свое объяснение в неблагоприятных условиях рыбного промысла.

Река Айынуваям, впадающая в бухту Глубокую, мелка, и рыба идет в нее во время нереста недостаточно. Кроме того, со всех сторон, за исключением моря, бухта окружена высокими горами, и выход из нее затруднен. Время от времени все же бухта Глубокая посещается населением. Так, 11 октября мы встретили на левой стороне бухты у ручья четырех чукоч-оленоводов, пришедших сюда по горным тропам с верховьев р. Апуки. Чукчи занимались промыслом пестрой нерпы, жир которой был необходим им для освещения юрт. Летом 1935 г. в бухте Глубокой обитал Эвныто, нымылан из сел. Апуки, который также охотился на нерп, а с наступлением осени откочевывал обратно. Первым населенным пунктом за бухтой Глубокой является бухта Наталии, с расположенным на берегу ее рыбоконсервным заводом. Приезжающие из города Владивостока рабочие завода обычно в октябре уезжают обратно, и на зимовку остается лишь группа охраны. С осени в домике близ устья р. Ватыны поселяется семейство кэрэка Юкавава, которое по окончании зимы вновь уходит на оз. Мимыльгыттын для промысла рыбы. Оз. Мимыльгыттын второй (обитаемый лишь, однако, летом) населенный пункт. На берегу озера расположено селение из трех хозяйств (14 чел.). Глава одного из них, чукча Рультынкавав, был некогда оленеводом, кочевавшим по р. Укилят. После падежа оленей Рультынкавав был вынужден поселиться в бухте Анастасии, переезжая каждое лето для рыбной ловли на озеро. Два других хозяйства являются кэрэкскими. Осенью обитатели селения перекачывают в бухту Анастасии и бухту Наталии, оставаясь там до наступления следующего лета. Бухта Анастасии — третий населенный пункт описываемого района. При посещении бухты шхуной «Сибирь» (1885 г.) здесь было значи-

⁸⁶ Ресин, *op. cit.*, стр. 149.

⁸⁷ Там же, стр. 150.

тельное селение. Остатки старинных полуподземных жилищ на мысе Линдгольма⁸⁸ и на левом берегу р. Ильпырваям близ ее устья указывают на давнюю заселенность бухты Анастасии. В настоящее время по реке и берегам бухты расположено пять юрт, которые объединяются общим названием сел. Ильпи. На правом берегу р. Ильпырваям в 1 км от устья находится юрта кэрэка Туренкавава, против которой, на другом берегу, расположена юрта чукчанки Нутан. К югу от последней в 2 км стоит юрта чукчи Тнатагына. В южном углу бухты в устье р. Кууль (приток р. Иччанваям) проживает Рультынкавава, к югу от юрты которого (в 3 км) находится юрта Тангыйилькана. Зимой летнее месторасположение юрт меняется и население группируется на склоне гор левого берега р. Ильпырваям. Разбросанность юрт в летнее время объясняется тем, что промысел во время хода рыбы ведется каждым хозяйством самостоятельно на выбранных им заранее местах. Возвышенный скалистый берег моря севернее бухты Анастасии не населен вплоть до устья р. Малаваям. Лишь на р. Ямлаваям, впадающей в море между бухтой Анастасии и р. Малаваям, обитает кочевое стойбище чукок (две юрты, 12 человек). На р. Укиляат отряды экспедиции встретили лишь следы недавних стойбищ, но население здесь отсутствовало. Не было селения и в самой бухте Дежнева, на которую В. И. Иохельсон (1900–1902 гг.) и перепись 1926/27 г. указывают как на населенный пункт, в котором одно жилище (В. И. Иохельсон) или одно хозяйство (перепись).

Более населенной является р. Малаваям, в административном отношении находящаяся уже в пределах Чукотского национального округа. От р. Малаваям начинаются кочевые стойбища чукок-оленов Анадырского района. Таким образом, р. Малаваям служит как бы границей между малонаселенной территорией кэрэков и кочевьями чукок южной части Анадырского района.

В устье р. Малаваям находится рыболовный участок, близ которого расположено кэрэкское селение Малан из 2 юрт.

Кочевые стойбища чукок расположены по всей реке. Километрах в семи от устья стоит «Красная яранга» — политпросветпункт Вилю-

⁸⁸ Мыс Линдгольма на морских картах носит название «земля Укмилаут» (кэр.) и Омилэут (чук.). Одновременно это название может быть распространено и на сел. Ильпи.

Приложения

нейской культбазы Главсевморпути, вместе с двумя чукотскими юртами.

Километрах в пятнадцати от устья реки расположены 4 юрты, а еще дальше, в 20 км от них — 6 юрт чукоч-оленоводоов. Близ последнего стойбища на левом берегу реки находилось еще 3 чукотских юрты.

Таким образом, по р. Малаваям в сентябре 1937 г. находилось, кроме селения в устье, 15 юрт с чукотским населением около 85–90 человек.

На рр. Хатинваям и Аннуваям сотрудники экспедиции не встретили населения, но по переписи 1926/27 г. в устье первой реки значилось еще одно хозяйство кэрэков (5 чел.). Между р. Хатинваям и устьем р. Хатырки по берегу моря кочуют шесть хозяйств чукоч (33 чел.). Бассейн реки Хатырки населен оленеводами-чукчами, часть которых выходит на берег моря в начале лета для промысла рыбы. Оседлое же приморское население на побережье между рр. Малаваям — Майнапильгын отсутствует совершенно, и берег моря между этими реками не заселен. Исключение составляет устье р. Хатырки, где расположена культбаза Главсевморпути.

Сравнительно большим населенным пунктом на берегу моря, к северу от района работ экспедиции, является сел. Майнапильгын — 62 чел.: из них кэрэков 32, остальные чукчи, перешедшие на оседлость. Крайним же поселением кэрэков является сел. Амамкунт близ мыса Наварин (15 чел.).

Население каждого кэрэковского поселка является смешанным. Так, на оз. Мимыльгыттын две семьи кэрэковских и одна чукотская. В бухте Анастасии некоторые семьи кэрэков связаны с чукчами семейным родством. Молодой чукча Тнатагын, бывший ранее оленеводом, после гибели стада пришел в бухту Анастасии и женился на кэрэчке, став главой хозяйства этой женщины. Наоборот, в юрте кэрэка Рультинкавава живет его племянник, женатый на молодой чукчанке, дочери одного из оленеводов р. Ямлаваям. Интересно отметить, что чукчанка говорит в домашней обстановке по-кэрэковски и по-чукотски, не соблюдая в последнем случае женского произношения, столь характерного для женщин-чукчанок. Вообще каждый из кэрэков, как мужчина, так и женщина, свободно владеет чукотским языком.

На территории расселения кэрэков, между мысом Олюторским и мысом Барыкова (бухта Угольная, сел. Гачгатавын), В. И. Иохельсон

указывал 13 кэрэких селений с примерным количеством кэрэков около 375 человек⁸⁹.

Размещение селений на побережье, согласно данным В. И. Иохельсона (1900–1902 гг.), представляется в следующем виде (табл. 2).

Таблица 2

№№ п/п	Названия селений	Количество жилищ	Количество кэрэков (приблизительно)
1	Гачгатавын	1	25 чел.
2	Кэниун	1	25 "
3	Ватыркан	3	50 "
4	Аннон	1	25 "
5	Малан	1	25 "
6	Якнон	1	25 "
7	Укилан	1	25 "
8	Ильпи	3	50 "
9	Мэчиунэн	1	25 "
10	Тапан	1	25 "
11	Ваймынтагын	1	25 "
12	Тапатагын	1	25 "
13	Кавачат	1	25 "
	13 селений	17	около 375 чел.

Цифра численности кэрэков — 375 человек, по В. И. Иохельсону, представляется нам лишь очень приблизительной и сильно преувеличенной.

На той же территории приполярная перепись дает 18 селений с общим количеством кэрэков, включая и коряков селений от бухты Анастасии до мыса Олюторского — 315 человек⁹⁰. Обе вышеуказанные цифры явно преувеличены и могут быть приняты лишь ориентировочно. Во втором случае счетчик приполярной переписи не посетил кэрэких селений южнее мыса Наварин, подсчитав их заочно⁹¹.

⁸⁹ The Korjak, p. 440.

⁹⁰ Подсчет автора по «Списку населенных мест Камчатского округа», Хабаровск — Благовещенск, 1928, стр. 5, 9, 11, 12, 14, 15, 16, 17.

⁹¹ Селения: Тамак, Мачевна[н], Ватына, Ильпи и др.; см. Итоги переписи северных окраин, *op. cit.*, стр. XVIII.

Приложения

Современное расселение кэрэков (сентябрь 1937 г.), как и их численность, представляется в следующем виде (табл. 3).

Таблица 3

№№ п/п	Названия селений	Количество хозяйств (кэрэков)	Количество кэрэков (приблизительно)
1	Амамкут	3	15
2	Майнапильгын	12	32
3	Малан	5	26
4	Ильпи	4	20
5	Мимыльгытгын	2	12
6	Мачевнан	2	15
7	Тапатагын	2	14
8	Кавачан	3	18
	8 селений	33	152 человека

Общее количество кэрэков исчисляется, таким образом, в 150 человек. Это число менее количества кэрэков, указываемого В. Г. Богоразом. «В конце XIX века, по сделанному мной подсчету, общая численность кэрэков доходила до двухсот»⁹².

Обитавшие еще в 1926–1927 гг. кэрэки бухты Угольной (Гачгатавын) — мыс Наварин⁹³ переселились в устье р. Майнапильгын.

Этот крупный сдвиг большой политической важности — объединение кэрэков северной группы в одном месте — произошел в 1931–1932 гг. с организацией кэрэцкого колхоза, который и избрал для своего поселения устье р. Майнапильгын. Известную роль в этом сыграла также торговая фактория Майнапильгын — центр снабжения кэрэков товарами.

Некоторые кэрэцкие селения, которые отмечены В. И. Иохельсоном, а также приполярной переписью, сейчас уже не существуют. Таковы, например, Ватыркан, Аннон, Укилан, Якнон, население их перекочевало в другие селения, но в общем южная граница расселения кэрэков — мыс Олюторский — осталась без изменения.

⁹² В. Г. Богораз, Чукчи, Авторизованный перевод с английского, ч. I, изд. Института народов Севера, Л., 1934, подстрочное примечание внизу 41 стр.

⁹³ Селения: Гачгатавын, Кэниут, Ама, Майна-Амамкут.

По В. И. Иохельсону: «среди кэрэков мы еще находим 25 человек в одном жилище»⁹⁴. Ограничившись указанием, исследователь не вскрывает социальной сущности этих обитающих вместе 25 человек. Вполне возможно, что в то время (1900–1902 гг.) у кэрэков еще бытовала большая патриархальная семья. Это предположение подкрепляется и историческим свидетельством — «отпиской» С. Дежнева, «ходившего погромом» в 1654 году на коряков (кэрэков), живших на морском побережье южнее устья р. Анадырь. Как указывается в «отписке»: «И дошли их четырнадцать юрт в крепком острожке... в одной юрте живет семей по десяти»⁹⁵.

Интересны также наблюдения А. И. Рогозинникова в сел. Малан зимой 1935 года, приведенные им в отчете Вилюнейской культбазы Главсевморпути. Данные А. И. Рогозинникова позволяют судить о взаимоотношениях обитателей землянок. Он пишет: «на 5 корякских хозяйств приходится: сеток ставных — 10, лодок деревянных — 2, байдар из лахтака — 3, винчестеров — 5, капканов — 36, собак ездовых — 22. Этот инвентарь распределен между хозяйствами более или менее равномерно. Более того — все 10 сетей являются коллективной собственностью».

По А. И. Рогозинникову, в двух землянках, составляющих сел. Малан, проживает зимой 40 человек, из которых в первой землянке живут кэрэки — 21 чел. (4 хоз.), а во второй кэрэки и чукчи совместно — 19 чел. (4 хоз.). По-видимому это лишь сезонное зимнее объединение, так как летом население переходит жить в летние юрты.

Он же указывает, что кэрэки сел. Малан «в промысловой деятельности выступают не отдельными хозяйствами, а как одна охотничья или рыболовецкая артель (смотря по сезону). Все хозяйства связаны теснейшим родством».

По нашим же наблюдениям над кэрэками сел. Ильпи, семья состоит из 5–6 человек, живущих в юрте, которая является, таким образом, хозяйственной единицей. В состав семьи входит глава — обычно пожилой мужчина, его жена и дети, причем женатый сын остается жить в юрте родителей или отделяется. При выходе замуж женщина уходит в юрту мужа; брак, таким образом, патрилокален.

⁹⁴ The Korjak, p. 453.

⁹⁵ Дополнения к Актам Историческим, т. IV, СПб., 1851, стр. 22.

Приложения

Родственные связи между семьями очень крепки и отчетливо сознаются родственниками. Родственники коллективно охотятся на пеструю нерпу, но добыча считается собственностью убившего. Родственники обязаны помогать друг другу нерпичьим жиром, сушеной рыбой (юколой) в случае их недостачи; делятся также между собой и привозными товарами: табаком, чаем, сахаром. В религиозной церемонии осеннего убоя молодых оленей (пыжиков), происходившей 6–12 сентября в сел. Ильпи у Тынгийилькана, присутствовали все его родные. Несмотря на указанные пережитки коллективной помощи, рыбная ловля ведется каждой семьей в отдельности, и пойманная добыча считается собственностью ловивших. Одной из причин распада большой патриархальной семьи у кэрэков, хозяйственно сохранявшейся, по-видимому, еще в начале XX столетия, был упадок коллективной охоты на моржей, вызванный хищническим истреблением этого животного китобоями. С другой стороны, свою роль должен был сыграть и непосредственный обмен продуктами промысла (жир, моржовые и тюленьи шкуры, ремни) с кочевниками-чукчами и коряками-чавчу-венами.

Несомненно, углубленное изучение семейно-хозяйственных отношений у кэрэков позволит вскрыть процесс исторического развития большой патриархальной семьи и ее распада. Наши ограниченные данные позволяют делать лишь предположения.

4

Государственная социалистическая рыбопромышленность в виде рыбокомбинатов, ведущая отрасль экономики национальных районов Камчатки, представлена в описываемом районе рыбо-крабоконсервным заводом в бухте Наталии, рыболовными участками в устье р. Малава-ям и двумя подсобными рыбоучастками Амаян и в бухте Анастасии⁹⁶. Весенне-летний промысел горбуши, мальмы (голец), кеты красной является для кэрэцкого населения занятием, дающим основные средства к существованию. Большое значение имеет рыбный промысел и для чукоч-олененодов, выходящих летом на берег моря. Промысел рыбы ведется населением, главным образом, во время входа ее в реки

---

⁹⁶ Кроме того следует отметить мощный рыбоконсервный комбинат близ устья р. Апуки, имеющий ряд подсобных рыболовных баз, и рыбоконсервный завод в бухте Таната с подсобными рыболовецкими базами.

для нереста и начинается, примерно, во второй половине июля. Лов рыбы производится с берега реки при помощи неводов и сеток. Пойманная добыча заготавливается в виде вяленой на солнце юколы, служащей основным продуктом питания кэрэков зимой.

Второй по значению отраслью экономики населения является промысел пестрой, отчасти серой нерпы и крылатки. Летний промысел нерпы с ружьем производится с берега или же с байдары. В первом случае охотник тщательно маскируется в камнях высокого берега и терпеливо поджидает с ружьем добычу. При охоте с байдары в бухтах выезжают трое охотников, которые, передвигаясь по воде с места на место, подкарауливают нерпу, время от времени высовывающую свою голову на поверхность воды. Охота на нерп ведется, главным образом, из-за жира, необходимого для освещения жилищ. Нерпичье мясо идет в пищу, а из шкур шьется обувь и выделяются ремни для хозяйственных надобностей. Зимняя охота капканами на пушных зверей (лисицу, песца) дает возможность приобретать в фактории сел. Апука необходимые привозные товары: чай, табак, муку, материю, охотприпасы, и является скорее подсобным занятием. Охота же на горных баранов с целью добычи мяса случайна и не носит регулярного промыслового характера.

Некоторое значение в экономике кэрэков имеет и обмен продуктами. Ремни из нерпичьих шкур, жир обмениваются кэрэками на мясо и шкуры оленей у чукок. Размеры этого обмена очень незначительны. Обменивавшиеся с чуками в сентябре кэрэки бухты Анастасии принесли домой по 3–4 оленьих туши. Это никак не идет в сравнение с обменом оседлого и кочевого населения Чукотского полуострова, где каждая семья выменивает у оленеводов по 20–30 и больше оленьих туш.

Незначительность обмена у кэрэков объясняется небольшим количеством оленей у живущих поблизости оленных чукок, а также и тем, что каждое семейство кэрэков бухты Анастасии имеет 10–15 оленей, которые пасутся в общем стаде у Тынгыйилькана. Последний приходится родственником всем кэрэкам бухты Анастасии и не является крупным оленеводом чавчувенского типа: совместное стадо его и родственников насчитывает всего 60–80 оленей. Сам Тынгыйилькан, мужчина лет 45, по своему происхождению — коренной уроженец бухты Анастасии, а поэтому и с этой точки зрения его нельзя никак отнести к оленеводам-чавчувенам. Летом Тынгыйилькан занимается

Приложения

рыбной ловлей на р. Ильпырваям, а зимой отходит со стадом вверх по реке ближе к горам.

В отношении экономики кэрэки бухты Анастасии примыкают к типу хозяйства, характерного для приморского оседлого населения восточного берега Камчатки, так называемых нымыланов-алюторцев, главной особенностью которых, по сравнению с остальными подразделениями нымыланов⁹⁷, являются рыболовство как основа хозяйства, морская и пушная охота как подсобное занятие и мелкотабунное оленеводство.

Некоторые черты материального быта кэрэков также свидетельствуют об их близости к нымыланам-алюторцам. Летним жилищем для кэрэков служит круглая в основании и конусообразная юрта из оленьих шкур, со спальным помещением. Во внешнем устройстве кэрэкской летней юрты нельзя наблюдать каких-либо внешних отличий от юрты чавчувенского типа, подробно описанной В. И. Иохельсоном. По выпадении снега, примерно во второй половине октября, кэрэки переходят жить в полуподземные жилища типа «валькар» — «дом из челюстей кита», распространенного жилища приморских нымыланов в прошлом⁹⁸. Отличием кэрэцкого полуподземного жилища служат полог из оленьих шкур и отсутствие наверху землянки специального деревянного укрытия от снега и ветра. Полог, где проживает семья, освещается светильником, в котором горит тюлений жир, или керосиновой лампой. Вообще следует указать, что в домашнем быту кэрэков распространены лампы, металлическая и фарфоровая посуда, примуса, а также и другие вещи фабричного производства, покупаемые в фактории сел. Апука.

Одежда кэрэков в основном не отличается от нымыланской и шьется из оленьих шкур. Наряду с этим кэрэки (как мужчины, так и женщины) носят и белье и одежду, приобретаемую в фактории: штаны, рубахи, платья. Некоторое влияние в покрое одежды из оленьих шкур можно наблюдать со стороны чукок. Летняя меховая верхняя одежда

---

⁹⁷ С. Н. Стебницкий, Фонетические различия диалектов нымыланского языка [Памяти В. Г. Богораза (1865–1936)], Сборник статей, изд. Академии наук СССР, М.; Л., 1937, стр. 286 и 289.

⁹⁸ В. И. Иохельсон, Древние и современные подземные жилища племен северо-востока Азии и северо-запада Америки, СПб., 1908, 48 стр. с илл.

мужчин представляет собой типичную чукотскую рубаху без разрезного ворота и капюшона, типа «Ирэн». С другой стороны, у мужчин встречается летняя одежда из ровдуги, представляющая собой обычные нымыланские короткие до колен кухлянки с капюшоном. Зимой мужчины носят теплую из двойного пыжика одежду — кухлянку нымыланского типа с капюшоном и нагрудником для защиты лица от ветра. Мужские штаны и короткая до колен обувь, сшитые из ровдуги, встречаются как у кэрэков, так и у чукоч. Летняя одежда женщин у кэрэков и чукоч, однако, различна. В то время как чукчанки носят летом из ровдуги, а зимой из оленьих шкур комбине («кэркэр») без верхнего балахона и с длинными рукавами, одеждой кэрэчек служит комбине летом из ровдуги, а зимой из оленьих шкур, с короткими рукавами, поверх которого надевают летом матерчатый, а зимой из шкур оленя, мездрой вверх, балахон с капюшоном. Средством передвижения кэрэков зимой служат собаки, запрягаемые попарно (10–12 собак) в деревянные нарты, устройство которых однотипно собачьим нартам приморских нымыланов. Для охоты в бухте кэрэки выезжают на обычной нымыланской байдаре, с широким носом и узкой кормой. Деревянный остов байдары обтягивается 6–8 шкурами лахтаков. По рассказам стариков, кэрэки выезжали раньше на моржовый промысел в больших байдарках с узкой кормой и носом, которые еще бытуют и сейчас среди приморских чукоч.

Таким образом, черты материального быта кэрэков почти полностью совпадают с таковыми же у нымыланов.

5

Важным источником при отнесении кэрэков к той или иной группе приморских нымыланов являются данные их языка. Отдельные слова, записанные В. Г. Богоразом и приведенные им в сравнительной грамматике чукотского, корякского и ительменского языков⁹⁹, позволили В. И. Иохельсону высказать предположение, что язык кэрэков есть диалект корякского языка¹⁰⁰. Отсутствие сравнительного материала по отдельным диалектам не дало В. И. Иохельсону возможности

⁹⁹ W. Bogoras, *Chukchee* (Handbook of American Indian Languages, Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology. Bulletin 40, part 2, pp. 631–903. Washington, 1922).

¹⁰⁰ The Korjak, p. 429; также W. Bogoras, см. выше, p. 640.

Приложения

отнести диалект кэрэков к восточной или западной группе диалектов кэрэцкого [опечатка — корякского?], благодаря чему и сами кэрэки были поставлены исследователем в особое положение.

С. Н. Стебницкий в результате сравнительного анализа фонетики диалектов нымыланского языка выделил в нем восемь диалектов, подразделив их, в зависимости от наличия тех или иных звуков, на две больших группы¹⁰¹.

Анализ языка кэрэков бухты Анастасии можно дать в плане сравнения его с чавчувенским (якающая группа) и алюторским (ракающая группа) диалектами нымыланского языка. Это наглядно можно показать таблицей (табл. 4).

Таблица 4

Значение слова по-русски	Кэрэки	Чавчувенский и апукинский диалекты	Алюторский диалект
Кочевая юрта	jaiaŋa	jajaŋa	raŋaŋa
Спальный полог	jojoŋa	jojoŋa	roŋoŋa
Землянка	walqaj	walqaj	walqar
Народ	jamkɣn	jamkɣn	ramkɣn
Жизнь	vagɣjɣn	vagɣjɣn	janatɣɣjɣn
Река	wajam warram	чавч. — wejem апук. — wajam	wajam

Вышеприведенный анализ звукового состава языка кэрэков показывает, что последний следовало бы отнести к северной, «якающей» группе диалектов. Интересно отметить два фонетически различных произношения одного и того же слова «река»: «wajam» и «warram». Насколько известно по материалам С. Н. Стебницкого, такое чередование j ~ r в слове, обозначающем одно и то же понятие, не встречается в других диалектах. Следует указать, что слово «warram» — «река» в обыденной речи не употребляется и выявляется лишь в топонимике.

¹⁰¹ «Восемь диалектов корякского языка можно сгруппировать по двум признакам: (I) а) Диалекты, характеризующиеся звуком [j] (условно будем называть их «якающими»); б) Диалекты, характеризующиеся звуками [t], [r] («ракающие» или «текающе-ракающие»); (II) а) Диалекты, характеризующиеся звуком [e] («экающие»); б) Диалекты, характеризующиеся звуком [a] («акающие»). С. Н. Стебницкий, *op. cit.*, стр. 290.

Так, р. Ырыҗајат называется также и Ырыҗаурам; впадающий в нее небольшой левый приток Әллауајат («Мать-река») имеет второе название: «Әллауаррам». С другой стороны, в названии устья р. Анну-вајат — Аннон слышится звук «h» перед [начальным] «а», и «Аннон» соответственно произносится «Наннон». Как известно по материалам С. Н. Стебницкого, начальный звук «h» наблюдается только в таком территориально удаленном от кэрэков диалекте нымыланского языка, как карагинский.

Отнесение языка кэрэков к определенному диалекту станет возможным лишь после сравнения его с «акающими» или «экающими» диалектами, согласно второй группировке диалектов по С. Н. Стебницкому.

В этом отношении вопрос решается в плане причисления языка кэрэков к восточным «акающим» диалектам. Это можно подтвердить на следующих примерах (табл. 5).

Таблица 5

Значение слова по-русски	Кэрэки	Апукинский диалект	Чавчувенский диалект
Голова	lavʏt	lavʏt	levʏt
Шапка	paŋkan	paŋkan	peŋken
Река	wajam/warram	wajam	wejem
Юкола	taw'al	taw'al	tew'el
Девушка	navylqat	ɲavʏsqat	ɲevʏtqet

В приведенной таблице необходимо отметить как особенность замещение звука t чавчувенского диалекта звуком l кэрэцкого языка в слове «девушка». Наличие звуков j и a позволило бы отнести язык кэрэков к апукинскому диалекту нымыланского языка, однако отмеченные выше отклонения, не свойственные ни апукинскому, ни другим диалектам (чередование rr ~ j в слове река, замещение чавчувенского t звуком l, наличие начального h в названии «Наннон»), не позволяют отождествить язык кэрэков с апукинским диалектом нымыланского языка. Вместе с тем и вопрос о существовании кэрэцкого диалекта мы оставляем открытым, склоняясь к предположению, что язык кэрэков представляет собою лишь говор апукинского диалекта, характеризующийся некоторыми незначительными особенностями.

Приложения

Приведенные выше соображения позволяют сделать выводы. Тип хозяйства, материальный быт и язык свидетельствуют о принадлежности кэрэков к приморским нымыланам. Нет никаких оснований выделять кэрэков как самостоятельную народность.

Как условное обозначение территориально обособленной группы нымыланов с некоторыми отличиями в языке, наряду с такими же подразделениями¹⁰², термин «кэрэки» существовать может, но это требует определенного уточнения. Условным названием «нымыланы-кэрэки» можно обозначить группу приморских нымыланов побережья Берингова моря к северу от мыса Олюторского до мыса Наварин. Но термин «кэрэки» не является самоназванием. Кроме вышеуказанных данных, следует отметить, что так называемые «кэрэки» в бухте Анастасии называют себя обычным самоназванием нымыланов, *пымы'п* — «поселяне». Поэтому во всех официальных материалах и научной литературе «кэрэки» должны указываться как нымыланы.

---

¹⁰² С. Н. Стебницкий, исходя из языковых данных, распределяет нымыланов по следующим подразделениям. «По приблизительному подсчету мы насчитываем: 1) чавчуенов 3500–3700 чел.; 2) олюторцев 1800–2000; 3) каменцев 700–750; 4) паланцев 450–500; 5) карагинцев около 300 чел.; 6) апукинцев около 200; 7) паренцев около 150; 8) итканцев около 100». С. Н. Стебницкий, стр. 290.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Н. Б. ШНАКЕНБУРГА

Опубликованные работы

- Шнакенбург Н.* Новой дорогой // Тихоокеанская звезда [газ.]. 1933, 13 ноября.
- Шнакенбург Н.* Китовый промысел на Чукотке // Тихоокеанская звезда [газ.]. 1933, 21 ноября.
- Шнакенбург Н.* Далеко на Севере, в тундре // Знамя пионера [газ.]. 1933, 29 ноября.
- Шнакенбург Н.* Сон шамана не сбывся // Знамя пионера [газ.]. [1933(?), даты нет].
- Шнакенбург Н.* Пути сообщения Чукотского полуострова // *Arctica* / под ред. В. Ю. Визе, Р. Л. Самойловича; Всесоюзный арктический институт. Л.: Изд-во Главного управления Севморпути, 1935. Кн. 3. С. 163–177.
- Шнакенбург Н. Б.* Нымыланы-кэрэки // Советский Север. 1939. № 3. С. 85–104.
- Бронштейн Ю., Шнакенбург Н.* Записки доктора К. Мерка, участника экспедиции Биллингса-Сарычева в 1785–1792 гг. // Советская Арктика. 1941. № 4. С. 76–88.

Публикации, в которых использованы материалы Н. Б. Шнакенбурга

- К организации первых туземных школ на Северном побережье Чукотского полуострова // Советский Север. 1931. № 1. С. 51. (Заметка с цитатами из письма Шнакенбурга).
- Меновицков Г. А.* Эскимосы // Народы Сибири. М.; Л.: Наука, 1956. С. 934–950. («с использованием материалов Н. Б. Шнакенбурга»).
- Антропова В. В.* Коряки // Народы Сибири. М.; Л.: Наука, 1956. С. 950–977. («в основу описания дореволюционного быта положена статья С. Н. Стебницкого и Н. Б. Шнакенбурга»).

Неопубликованные работы¹⁰³

- Шнакенбург Н. Б.* Дневник краеведа Чукотской культбазы Комитета Севера. Продолжение. НА МАЭ. Ф. 40. Оп. 1. № 117. 36 л. [1932 г.].

¹⁰³ По статье: Жуковская И. В., Корсун С. А. Указатель материалов по американистике в архиве МАЭ (Кунсткамера) РАН // Этнография и археология коренного населения Америки / отв. ред. Ю. Е. Березкин. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 245–257. (Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 56).

Приложения

- [Шнакенбург Н. Б.] Отчет краеведа Чукотской культбазы по обследованию района в 1930–1931 гг. НА МАЭ. Ф. К-I. Оп. 1. № 531а. 74 л. [1932 г.]
- [Шнакенбург Н. Б.] О работе политпросвет пункта «Красная яранга» при Чукотской культбазе с 1 мая 1932 г. по 15 мая 1933 г. с общим обзором работы за три года, т.е. с 11 сентября 1930 г. по 15 мая 1933 г. НА МАЭ. Ф. К-I. Оп. 1. № 531. 35 л. [1933 г.]
- Шнакенбург Н. Б. Борьба Чукотских шаманов против Советской власти. СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 5. № 92. 10 л. [1934 г.]
- Шнакенбург Н. Б. Эскимосы (Статья). Приложение: отзыв А. И. Андреева. НА МАЭ. Ф. К-I. Оп. 1. № 615. 97 л. [1939 г.]
- Шнакенбург Н. Б. Эскимосы (Материалы переписи). Чукотский р-н, Чукотский национальный округ Хабаровского края. НА МАЭ. Ф. 40. Оп. 1. № 119. 10 л. [1939 г.]
- Шнакенбург Н. Б. Торговые взаимоотношения с Колымой и сел. Марковым. Частный капитал на Чукотке. Морской зверобойный промысел. Рыболовство (Разделы монографии). НА МАЭ. Ф. 36. Оп. 1. № 123. 40 л. [1938–1940 гг.]
- Шнакенбург Н. Б. Гарпун, части гарпуна (Рисунки). НА МАЭ. Ф. 40. Оп. 1. № 120. 2 л. [1938–1940 гг.]
- Шнакенбург Н. Б. Эскимосы СССР (Историко-этнографический очерк). План работы. НА МАЭ. Ф. 40. Оп. 1. № 115. 2 л. [1937–1940 гг.]
- Шнакенбург Н. Б. Эскимосы (Статья). 2 варианта. Приложение: отзыв Е. П. Орловой. Архив НА МАЭ. Ф. К-I. Оп. 1. № 557, 557а. 284 л. [1941 г.]
- Шнакенбург Н. Б. Эскимосы (Монография). НА МАЭ. Ф. 36. Оп. 1. № 124. 128 л. [1941 г.]
- Шнакенбург Н. Б. Эскимосы СССР (Монография). Архив семьи Шнакенбурга. 172 л. [1941 г.]

МАТЕРИАЛЫ Н. Б. ШНАКЕНБУРГА В АРХИВАХ

Перечень архивных дел

Научный архив Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН¹⁰⁴

Материалы Н. Б. Шнакенбурга есть как минимум в трех фондах:
НА МАЭ. Ф. К-І. Оп. 1. Рукописи книг, диссертаций и статей за 1913–1982 гг.

№ 557. Шнакенбург Н. Б. «Эскимосы». Машинопись. Приложение: Отзыв Е. П. Орловой. 1941. 118 л.

№ 557а. Шнакенбург Н. Б. «Эскимосы». Автограф. 166 л.

НА МАЭ. Ф. 40. Оп. 1. Коллекция рукописей полевых и других материалов сотрудников МАЭ за 1928–1993 гг. (С. 33. Шнакенбург Н. Б.).

№ 114. «Китовый промысел на Чукотке». Статья. Вырезка из газеты Тихоокеанская правда. 01.09.1933. 1 л.

№ 115. «Эскимосы СССР (историко-этнографический очерк)». План работы. Машинопись. 1937–1940 гг. 2 л.

№ 116. «К истории обмена у луораветлан». План работы. Машинопись. 1939–1941 гг. 3 л.

№ 117. «Дневник краеведа Чукотской культбазы Комитета Севера». Продолжение. Материалы по топонимике, чукотскому и эскимосскому словарям. Автограф. 1932 г. 36 л. Начало отсутствует.

№ 118. «Алюторский диалект корякского языка». Словарь. Олюторский район, Камчатская область. Полевые записи. Автограф. 1937 г. 23 л.

№ 119. «Эскимосы. Перепись. Чукотский район. Чукотский национальный округ Хабаровского края». Типографский бланк, автограф. 1939 г. 10 л.

№ 120. «Гарпун. Части гарпуна». Полевые рисунки. Карандаш. 1938–1940 г. 2 л.

№ 121. «О Чукотской национальном округе за 1923–1932 гг.» Выписки из архива ГУСМП. 1933–1935 гг. 13 л.

¹⁰⁴ С 1 ноября 2023 г. до завершения перемещения собраний в новое фондохранилище Научный архив МАЭ РАН закрыт для посетителей.

Приложения

- № 122. «Итоги экономического обследования хозяйств Чукотского района». Выписки из рукописи А. Е. Терлецкого. Автограф. 1937–1938 гг. 18 л.
- № 123. «Эскимосы. Численность». Чукотский национальный округ Хабаровского края. Выписки из документов, литературы. Автограф, разными почерками. 1939–1941. 13 л.
- № 124. «Газеты и вырезки из газет: Советская Чукотка; Чукотский полярник; Тихоокеанская звезда; Правда». 1937–1941. 25 л.
- № 125–140. «Рукописи других лиц (Винников И. Н., Воблов И. К., Золотарев А. М., Семушкин Т. З., неуставленные авторы)».
- НА МАЭ. Ф. 36 (1932–1995). Личный фонд И. С. Вдовина
- № 123. Шнакенбург Н. Б. «Торговые взаимоотношения с Колымой и сел. Марковым; Частный капитал на Чукотке; Морской зверобойный промысел; Рыболовство». Разделы (монографии). Автограф. 1938–1940 гг. 40 л.
- № 124. Шнакенбург Н. Б. «Эскимосы» (Монография). Машинопись. 1941 г. 128 л.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

- СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 179. Шнакенбург Н. Б. Трудовой список.
- СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 376. Шнакенбург Н. Б. Личное дело.
- СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 422. Шнакенбург Н. Б. Трудовая книжка.
- СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 106. Шнакенбург Н. Б. Личная карточка.
- СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. № 174. Письмо Н. Б. Шнакенбурга Богоразу. Л. 32, 32 об., 51, 51 об.
- СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. № 380. Письма Н. Б. Шнакенбурга Богоразу. 1929–1931 гг.
- СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 5. № 91. Советская Чукотка (очерк). Проспект книги. б/д
- СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 5. № 92. Шнакенбург Н. Б. Борьба Чукотских шаманов против Советской власти. 1934 г. 10 л.
- СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 5. № 95. Словарные материалы Шнакенбурга. 4 тетради. 162 л.

АВТОБИОГРАФИЯ

Николая Борисовича Шнакенбурга¹⁰⁵

Родился 4-го февраля н. с. 1907 г. в городе Переславле, ныне Ярославской области. По происхождению родители из дворян.

Отец умер в 1935 г. Мать жива и проживает с двумя братьями, из которых один студент Сельско-Хоз. Института в г. Челябинске; младший брат рабочий Челябинского тракторного завода.

До 1924 г. жил с родителями и учился в средней школе г. Переславля. С окончанием школы весной 1924 г. стал жить самостоятельно. До осени 1926 г. работал и служил в городе Туле. Осенью поступил в Лен. Гос. Университет на Этнографическое отделение, где занимался под руководством проф. В. Г. Богораза. Во время учебы работал на временных работах: на заводах чернорабочим, делопроизводителем, культработником и ночным сторожем. 3 мая 1929 г. был командирован Университетом на Дальний Восток сроком 1½ года для проведения практики. Летом 1929 г. работал в Далькрайоне по составлению пятилетки школьного образования Крайнего Севера ДВК. В сентябре 1929 г. выехал на север, назначенный организатором школы на мысе Шмидта (Чукотский полуостров), но пароход туда не попал (были затерты льдами) и я проработал учителем в школе бухты Корфа. В июле 1920 г. выехал по первоначальному назначению на мыс Шмидта, где организовал школу, благополучно существующую и сейчас. Находясь в распоряжении Комитета Севера при президиуме ЦИК, был назначен последним в июне 1931 г. на культбазу в зал. Лаврентия — краеведом. Проработал здесь вплоть до окончания договора в августе 1933 г. Выехал на материк, прибыв в Ленинград в янв. 1924 г. Этнографическое отделение к тому времени было влито в Лен. Институт Истории, Философии и Лингвистики. Продолжил образование и в июле 1936 г. окончил Исторический факультет ЛИФЛИ. После отпуска, в октябре 1936 г. поступил младшим научным сотрудником в Музей Арктики, где работал одним из организаторов Отдела Хозяйства народов Крайнего

¹⁰⁵ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 376. Шнакенбург Н. Б. Личное дело. Л. 21, 22, 22а, 23.

Приложения

Севера. Весною 1937 г. представился случай принять участие в полярной экспедиции Арктического Института. Как переводчик участвовал в экспедиции побывав на севере Камчатки, у так называемых кэрэков. В ноябре экспедиция вернулась и после ее расформирования я был уволен.

С 1 апреля 1938 г. нахожусь на службе в Институте Этнографии Академии Наук СССР, вначале был принят в качестве научно-технического сотрудника, работал секретарем Бюро Сборника «Народы СССР». С 1 августа был переведен на должность младшего научного сотрудника Кабинета Сибири Института с назначением ответственным секретарем Сибирского тома сборника. Последней работе, являющейся правительственным заданием, я отдаю все свои силы и знания. Написал большую работу «Эскимосы» ок. 5 печ. листов, предназначенную для Сибирского тома Сборника. Работа обсуждалась в заседании Кабинета Сибири от 29 июля 1939 г. и была признана вполне удовлетворительной. Кабинет постановил работу расширить и поставить вопрос об отдельном ее издании. В настоящее время работаю в соавторстве с С. Н. Стебницким над статьей «Коряки» также для Сибирского тома сборника. Кроме того пишу еще 2 небольшие статьи «Чукчи» и «Коряки» для однотомника «Народы СССР».

Имею следующие печатные работы:

1) «Пути сообщения Чукотского полуострова», 1 печ. лист, журнал «Арктика», кн. III, 1935, Издание Арктического Института. Данная статья явилась обработкой задания Чукотского Райкома ВКП(б) по составлению пятилетнего плана развития строительства в Чукотском районе и была написана мною еще летом 1933 г. Поставленные в ней вопросы например: об использовании внутренних путей сообщения и берегового плавания вновь нашли свое подтверждение. На мою статью и факты, приведенные в ней, ссылается работник Бюро экономических исследований Главсевморпути: см. А. Марголин. Пути завоза грузов на Кайний Север, «Советская Арктика», № 6, 1939, стр. 45.

2) «Нымыланы-кэрэки», 1½ печ. лист. Журнал «Советский Север», издание Института народов Севера, № 3, 1939, стр. 96–116. Отзыв М. А. Сергеева прилагаю.

В «Истории СССР» издание Ак. наук СССР, том 1, часть 4-ая (вышла на правах рукописи) приводятся в главе «Север Сибири в 1-м тысяче-

летию» отдельные выдержки из моих неопубликованных материалов по археологии Чукотского полуострова.

В Чукотском словаре проф. В. Г. Богораза помещены ряд чукотских слов (60–70), вновь записанных мною во время работы на севере. См. «Луораветланак-Русский словарь» Учпедгиз, М.-Л. 1937.

Имею в рукописи ряд материалов под общим наименованием «К истории первобытного обмена у чукоч» около 4–5 печ. листов.

* * *

За время пребывания на севере вел большую общественную работу: 1929–1930 гг. в бухте Корфа — руководитель полит-школы, отряда пионеров, руководитель нац. драмкружка.

1930–1931 гг. секретарь сельсовета. Заведовал торговым магазином, который был брошен своим заведующим на произвол судьбы.

Участвовал в перевыборной кампании с/советов.

1931–1933 гг. в заливе Лаврентия участвовал в бригаде по советизации кочевников тундры. Руководил учебной частью курсов по подготовке националов в партшколу. Работал председателем РайМопра. Участвовал во всех кампаниях как переводчик с чукотского языка. Участвовал по введению письменности среди чукоч.

В 1937 г. находясь в экспедиции Арктического Института был избран проформом экспедиции. В 1938 году в Институте Этнографии выполнял отдельные поручения по общественной линии. С апреля месяца 1939 г. работаю в составе стенгазеты Института Этнографии. Во время перевыборов Местного Комитета профсоюзов (июнь) был выбран в состав Ревизионной Комиссии. В настоящее время являюсь председателем Ревизионной Комиссии Месткома Института Этнографии.

* * *

Полагал бы работать в области истории народов Севера как полноценной [части] истории народов СССР, задача создания которой поставлена в известных замечаниях т.т. Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника по истории СССР. В этой разработке истории эскимосов, чукоч и коряков важнейшее место должно быть отведено и этнографии этих народов. Вот почему я и прошу комиссию принять меня в аспирантуру Института Этнографии Академии Наук СССР.

[подпись] (Н. Б. Шнакенбург) 14 авг. 1939 г.

**[Отзыв проф. А. И. Андреева
на рукопись Н. Б. Шнакенбурга «Эскимосы»]¹⁰⁶**

В Институт этнографии Академии наук СССР
Отзыв о работе Н. Б. Шнакенбурга «Эскимосы» (84 стр.).

Труд Н. Б. Шнакенбурга об азиатских эскимосах представляет бесспорно первую серьезную работу на русском языке, посвященную этому народу. В отличие от своих немногочисленных предшественников автор не оставил без внимания ни одной стороны жизни эскимосов, причем в большинстве случаев [стал] первым не только освещать их, но и давать им то или иное научное объяснение. Специалисты-этнографы, вероятно, отметят отдельные недочеты работы Н. Б. Шнакенбурга, которые, однако, не могут изменить ее общей высокой оценки.

Что касается разделов работы, более всего относящихся к истории азиатских эскимосов, то я должен отметить прежде всего совершенно правильный общий подход Н. Б. Шнакенбурга к разрешению вопросов, связанных с прошлым народов Северо-Восточной Сибири: лишь в результате совокупного изучения памятников археологических, этнографических, лингвистических и исторических с привлечением аналогичных материалов, относящихся к родственным племенам, в данном случае к эскимосам Америки и особенно Аляски, возможно дать историю того или иного народа. Н. Б. Шнакенбург прекрасно владеет первыми тремя группами материалов, но памятники исторические использованы им слабо. В самом деле, если период до XVII в. — появления русских на северо-востоке Сибири — освещен вполне хорошо, и стр. 8–15 о «берингоморской» и «пунукской» культурах представляют большой научный интерес, то в отношении веков XVII–XIX изложение автора не отличается отчетливостью и ясностью. В ряде мест он повторяет свой рассказ к XVII в. (ср., напр., на стр. 15: «другим значительным фактом истории эскимосов еще до XVII в. ...»), но сведения о XVII в. у него почти отсутствуют; в равной мере это относится и к русским историческим известиям об азиатских эскимосах XVIII–XIX вв. Лишь случайно упоминается (стр. 1), напр., что первое известие об эскимосах в русских источниках относится к 1655 г. («челобитная

---

¹⁰⁶ АСШ.

С. Дежнева»); случайная ссылка на той же стр. 1-й говорит о каких-то русских «документах XVII в.» об эскимосах, в которых они называются «пешими чукчами», а на стр. 24, в начале § 9 цитируется «одно из ранних письменных известий о Чукотском носе — показания служилого человека П. Попова от 2-го сентября 1711 г.» Между тем, количество известий об азиатских эскимосах за XVII и особенно за XVIII в. довольно большое: ведь, место их пребывания на северо-востоке Сибири и островах, прилежащих к азиатскому берегу, привлека[ет] к себе внимание не только в XVII в., после походов Стадухина и Дежнева, но особенно в XVIII в., в связи с вопросом о «Большой Земле» (Америке), и об этом в опубликованных исторических материалах сохранилось много известий, из которых извлечь относящиеся к эскимосам не представляет особенной трудности, тем более, что имеется, ведь, печатный труд, в котором большинство этих известий приведено и подвергнуто научной оценке; имею в виду, несомненно известный Н. Б. Шнакенбургу труд Л. С. Берга «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга» (Л., 1935)¹⁰⁷. Так как большая часть русских известий XVII–XVIII вв. имеет историко-этнографический характер, то использование их в соответствующих §§ работы Н. Б. Шнакенбурга, преимущественно этнографической, вероятно только уточнит и подкрепит некоторые его утверждения.

В виду изложенного, я считаю необходимым, чтобы автор использовал те исторические источники, о которых говорится в упомянутой сводной работе Л. С. Берга. От предлагаемого дополнения солидная и серьезная этнографическая работа Н. Б. Шнакенбурга только выиграет в своем научном значении.

22-го июля 1939 г.

А. Андреев¹⁰⁸

¹⁰⁷ Берг Л. С. Открытие Камчатки и Камчатские экспедиции Беринга. 1725–1742. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1935. 411 с.

¹⁰⁸ Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959) — историк, профессор; в те годы старший научный сотрудник ИНСа и МАЭ, и одновременно Ленинградского отделения Института истории.

**[Отзыв И. С. Вдовина на рукопись
Н. Б. Шнакенбурга «Эскимосы СССР»]¹⁰⁹**

ЭСКИМОСЫ СССР
(Историко-этнографический очерк)
Автор Н. Б. ШНАКЕНБУРГ

Ни до революции, ни после не было работ об азиатских эскимосах, если не считать отдельных, обрывочных замечаний в связи с работами о чукчах. Наиболее обстоятельные заметки даны были В. Г. Богоразом, однако, и эти заметки настолько незначительны, что по ним можно судить лишь об очень немногих сторонах жизни азиатских эскимосов. Кроме того, заметки эти относятся все к дореволюционному времени.

Учитывая сказанное, работа Н. Б. Шнакенбурга приобретает исключительный интерес, поскольку она является первой работой об азиатских эскимосах вообще. Автор проделал большую работу по собиранию материала. Нужно было пересмотреть огромное количество литературы как на русском, так и на английском языке, чтобы собрать материал для такой монографической работы. И это дело проведено автором с большой тщательностью и вниманием. С этой стороны работа вне всяких упреков. Приходится только сожалеть, что в популярно-научном очерке автор не может показать всех материалов, которыми он располагает, а, следовательно, и подкрепить ряд своих положений более солидными аргументами. Поэтому читателю приходится некоторые положения принимать на веру. К числу достоинств нужно также отнести обстоятельную сводку археологических данных, что проливает свет на отдаленное прошлое эскимосов. Необходимо только отметить, что автор переоценивает несколько эти, пока еще немногочисленные материалы, и вслед за археологами устанавливает ряд эпох (Беринговоморская, пунукская, туле...). Нужно как-то оговорить, что это деление условное, так как ряд положений археологов нельзя еще считать окончательно принятыми наукой.

В работе заметно некоторое увлечение археологией. Например, дается довольно подробное описание коллекций. Вряд ли есть необходимость в популярном очерке так подавать этот материал.

---

¹⁰⁹ АСШ.

Менее насыщены материалом главы, относящиеся к периоду времени после 1917 г. Однако, и здесь автор использовал все то, что имеется в литературе, которой, к сожалению, очень немного. Остается только пожелать, чтобы были использованы материалы, появившиеся в газетах «Советская Чукотка» и «Камчатская правда»¹¹⁰ в связи с подготовкой к празднованию десятилетия образования Чукотского национального округа.

Из этих газет можно извлечь кое-какой дополнительный материал. Очень хорошо, что автор использовал архивные материалы Комитета Севера.

В целом работа производит хорошее впечатление. Единственным крупным недостатком, который необходимо устранить, является форма изложения. В этой части рукопись требует, безусловно, доработки. Необходимо также дать названия главам.

Отдельные замечания

Стр. 7. Неудачно дана характеристика строя эскимосского языка. Для читателя не специалиста-лингвиста будет совершенно непонятна следующая тирада: «Относясь по строю к языкам агглютинирующим и не имеющим префиксов (приставок), язык азиатских эскимосов доводит агглютинацию до крайнего предела. (Что это значит?) Не менее трудна и следующая фраза: «предложение состоит из двух-трех многосоставных комплексов». Было бы проще и понятнее взять общепринятое определение агглютинации и дать один-два примера.

Стр. 27. Из чего можно заключить, что религией эскимосов «на пунукской стадии было шаманство»?

Стр. 31. Никаких данных нет, чтобы утверждать, что до XVII ст. эскимосы вели оживленный обмен, с одной стороны, с чукчами, с другой — с эскимосами Аляски и острова Лаврентия. Неверно автор подчеркивает, что главное участие в обмене с жителями побережья Аляски принадлежало эскимосам. Межплеменной обмен существовал, но не в таких уж широких размерах. Пиратские экспедиции на Аляску были опять-таки не эскимосские, а чукотско-эскимосские (по крайней

---

¹¹⁰ [Прим. И. С. Вдовина] В «Известиях» ВСОРО, т. 73, вып. 2. 1941 г., только что появившихся в свет, напечатана статья Е. П. Орловой «Азиатские эскимосы».

Приложения

мере в XVIII в.), так как эскимосы селений Навокак и Уназик вряд ли могли, хотя бы и тогда, выставить несколько сот воинов. Кроме того известно, что в XVIII в. чукчи, а не эскимосы совершали переезды на оленях через проливы, а в летнее время на байдарках. Если источники XVIII в. не отличали эскимосов от сидячих чукчей, то это не значит, что под «сидячими чукчами» нужно понимать только эскимосов.

Стр. 34. Неверно утверждать, что «эскимосы восприняли от китоловов огнестрельное оружие, металлическую посуду». Все это им было хорошо известно гораздо раньше появления китоловов. Уже в начале XIX в. источники отмечают, что чукчи (а следовательно и эскимосы) имеют огнестрельное оружие и металлическую посуду. Все это русского происхождения. Счет эскимосы не заимствовали от китоловов, они имеют свой, которым и пользуются до настоящего времени.

Глава II. — [раздел] 3. Нужно как-то упорядочить материал. Очень много говорится о древнейшем прошлом эскимосов (на основании археологических данных, вернее, дается очень подробное описание археологических коллекций) и очень мало об истории эскимосов XVIII–XIX вв. Необходимо главе дать название.

К гл. III.

Стр. 50. Повторение ошибки предыдущей главы, будто только благодаря торговле с китоловами «эскимосы получили огнестрельное оружие». Исходя из этого ложного представления, автор делает ряд других ошибок: так, с появлением китоловов устанавливает какую-то новую грань в истории эскимосского общества. (Сравн. также стр. 51–52 и др.).

Стр. 51. Охотились ли эскимосы на моржовых лежбищах с ружьями? (Откуда эти сведения?) Стр. 61.

Стр. 52. «Элементы товарности» внесла торговля с китоловами, а как понимать утверждение, что межплеменной обмен существовал у эскимосов еще до прихода русских?

Стр. 53. Как понимать — первобытнообщинный уклад и частная собственность. Что-то очень непонятно. Ниже противоречие. Неужели никто ничего не говорил о том, как охотятся эскимосы, ни до, ни после Мерка «до периода коллективизации». Так писать нельзя. Нужно проще. Описать приемы охоты эскимосов так, как они известны автору, и, чтобы показать изменения в технике охоты, сравнить с данными Мерка.

Стр. 54. Теперь уже пользуются не только американским, но и русским оружием. Об этом необходимо сказать. К описанию орудий охоты хорошо бы дать иллюстрации.

Стр. 78. Санки для перевозки байдар бывают больших размеров, чем показано «25–30 см».

К гл. IV.

Материнский род. Фигурка женщины из археологических раскопок, вряд ли м.б. привлечена к числу аргументов, доказывающих наличие материнского рода у эскимосов.

Нужно сказать что-нибудь и о том, были ли у эскимосов объединения большие чем «семейная община», каковы связи и отношения с другими эскимосскими селениями (родственные, производственные).

Стр. 94–98. Подробно излагается татуировка у эскимосов, причем автор изучению татуировки придает исключительное значение, полагая, что детальное ее изучение даст возможность выяснить «прошлые семейно-брачные и родовые отношения». Вряд ли это так, ибо татуировка имела чисто магическое назначение, причем одни и те же знаки могли существовать как, скажем, у эскимосов сел. Навокак, так и где-нибудь на юге.

К гл. V.

Эта цитата из выступления т. Сталина на XVII съезде партии в данном случае неуместна. Эскимосы в своем развитии не дошли еще до капитализма.

Гл. VI. После подробного изложения видов народного творчества следовало дать иллюстрации: к изобразительному искусству — фотокопии, к фольклору — 2–3 небольших сказки (предания). И в том, и в другом случае хорошо бы эти иллюстрации дать в плане сопоставления, что было до революции, что теперь. Вместе с тем, можно отказаться от точных ссылок на коллекции, №№ и т.п., отнестя это или в подстрочник, или в конец книги. Для читателя такое описание без иллюстраций будет скучно и неинтересно.

Гл. VII.

К стр. 145. Голод и случай на море, когда унесло несколько охотников на льдине — это случайные привходящие обстоятельства, поэтому нельзя эти факты рассматривать как причину, побудившую эскимосов создать колхоз. Кроме того, получается так, будто советские и партий-

Приложения

ные организации Чукотки не вели никакой подготовительной работы и ждали только случая. Так излагать историю возникновения колхозов у эскимосов нельзя; получается наивно и неправдоподобно.

К стр. 171. Почему бы не привести эти песни «О самолете», «О пекарне» и т.п. Нужно об этом не говорить, а показать. Вообще необходимо как можно больше иллюстративного фактического материала, благодаря чему очерк приобретет доступный для широкого круга читателей вид, а это одна из главных задач очерка.

20/V-41 г.

(И. ВДОВИН)

Николай Шнакенбург

ЭСКИМОСЫ СССР

Редактор: А. М. Пиир

Корректор: М. В. Банкович

Оригинал-макет: Н. И. Пашковская

Обложка: А. Ю. Ходот

Подписано в печать 18.07.2025.
Бумага офсетная. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17. Тираж 300 экз. Заказ № 34409.

Изготовлено ИП Келлер Т. Ю.
Адрес производства:
194044, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская ул., 9
Тел. (812) 603-25-25
www.print-aster.ru